

Ассоциация исследователей Гражданской войны в России

АЛЬМАНАХ
АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

*Выпуск 3: От Великой российской революции 1917 года
к Гражданской войне в России*

Архангельск
САФУ
2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612я43+63.3(2)534-68я43
А57

Редакционная коллегия:

В.И. Голдин (президент Ассоциации, гл. ред.),
С.Н. Полторац (вице-президент Ассоциации),
Т.И. Трошина (ученый секретарь Ассоциации)

Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в Рос-
А57 **сии. Вып. 3: От Великой российской революции 1917 года к Граж-**
данской войне в России / ред. кол.: В.И. Голдин и др.; Сев. (Арктич.)
федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: САФУ, 2017. –
172 с.

ISBN 978-5-261-01244-3

Альманах содержит статьи и материалы, посвященные актуальным и дискуссионным проблемам Великой российской революции 1917 года и ее перерастания в Гражданскую войну в России, человеческому измерению процессов рассматриваемой эпохи.

Издание предназначено для специалистов и всех интересующихся проблемами Гражданской войны в России и ее влияния на судьбы страны и мира.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612я43+63.3(2)534-68я43

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
гранта РФФИ и Правительства Архангельской области,
проект № 17-11-29501 з(р)*

ISBN 978-5-261-01244-3

© Голдин В.И., составление, 2017
© Северный (Арктический)
федеральный университет
им. М.В. Ломоносова, 2017

Содержание

Вступительное слово президента Ассоциации.....	4
КРУГЛЫЙ СТОЛ ИСТОРИКОВ: РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1917-й И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ.....	5
<i>Ганин А.В.</i> Как революция переросла в Гражданскую войну.....	6
<i>Голдин В.И.</i> Революция и Гражданская война в России: звенья одной цепи?.....	9
<i>Пученков А.С.</i> О ключевых проблемах историографии Гражданской войны.....	15
<i>Федюк В.П.</i> Опасная память о прошлом.....	19
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.....	21
<i>Ипполитов Г.М.</i> Русская армия в преддверии падения самодержавия (некоторые аспекты проблемы).....	21
<i>Канищев В.В., Канищев В.В.</i> Судьбы офицеров одного гарнизона в Революции 1917 года и Гражданской войне (по материалам Тамбова)	30
<i>Наумов Е.О.</i> Проблема складывания взаимоотношений между представителями командного состава Западного Чехословацкого фронта Красной армии в конце мая – начале июня 1918 года.....	40
<i>Разиньков М.Е.</i> Об изучении гражданских войн в современной англоязычной политологии.....	49
<i>Цветков В.Ж.</i> Безуспешные попытки «самосохранения»: политико-правовые действия Временного правительства после октября 1917 года	54
Трибуна иностранного гостя.....	64
<i>Boylan C.</i> The Allied Intervention in North Russia in 1919. A Personal British Perspective.....	64
Люди и судьбы.....	76
<i>Голдин В.И.</i> Драма капитана Бутакова, или Человеческое измерение Гражданской войны на Севере России.....	76
Лики повстанчества. Народные вожаки Гражданской войны.....	117
<i>Булгаков А.О.</i> Балашовский «мятеж Викжедора».....	117
<i>Смирнов С.А.</i> Курмышское восстание 1918 года.....	121
Публикация документов.....	135
<i>Ганин А.В.</i> Революционные события 1917 года и начало Гражданской войны на Юге России в дневнике полковника Н.А. Рота.....	135
Книжная полка.....	161
Сведения об авторах.....	171

Дорогие друзья, глубокоуважаемые коллеги!

Представляю третий выпуск Альманаха Ассоциации. Он выходит в свет в канун столетия российских революций 1917 года или Великой российской революции как нередко принято именовать эти события сегодня. Целевое предназначение этого выпуска заключается прежде всего в том, чтобы попытаться раскрыть взаимосвязь между революционным процессом 1917 года в России и Гражданской войной в стране и ответить на вопрос, являлась ли последняя неизбежной. Непосредственно этой теме посвящен Круглый стол известных российских историков, публикуемый на страницах Альманаха. В издании помещен ряд статей, раскрывающих актуальные проблемы 1917 и 1918 года в России. Вместе с тем, в этом издании опубликованы статьи и материалы, посвященные и более широкому временному контексту Гражданской войны в России.

Альманах выходит в свет в преддверии международной научной конференции «1917 год в судьбах регионов, страны и мира: взгляд из XXI века», которая состоится в Архангельске и Онеге в июле 2017 года, и его издание приурочено к ее открытию.

В третьем выпуске сохранены основные рубрики предыдущих номеров Альманаха: «Актуальные проблемы Гражданской войны в России», «Люди и судьбы», «Публикация документов», «Лики повстанчества», «Книжная полка». Вместе с тем, в этом издании появился новый раздел: «Трибуна иностранного гостя». В нем опубликована статья нашей коллеги из Лондона К. Бойлэн. В 2016 году она защитила докторскую диссертацию (Ph.D. thesis)¹ и сейчас выступает со статьей на страницах этого издания. Возможно, что в перспективе это станет традицией для Альманаха, ибо ряд исследователей из европейских стран и США являются членами нашей Ассоциации.

Хочется надеяться, что статьи и материалы этого выпуска Альманаха покажутся интересными как специалистам, так и всем интересующимся историей Гражданской войны в России и историческим прошлым нашей страны.

Президент Ассоциации исследователей
Гражданской войны в России, главный
редактор Альманаха, доктор исторических
наук, профессор, заслуженный деятель
науки Российской Федерации

В.И. Голдин

¹ *Boylan, Catherine Margaret. The North Russia Relief Force. A Study of Military Motivation in the Aftermath of the First World War. Ph.D. THESIS. London: King's College, 2016.*

КРУГЛЫЙ СТОЛ ИСТОРИКОВ: РЕВОЛЮЦИОННЫЙ 1917-й И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

Столетие революционных событий и потрясений 1917 года вызывает живой интерес в России и за рубежом. При этом ракурс обсуждения и тематика дискуссий весьма разнообразны. Ассоциация исследователей Гражданской войны в России совместно с Научным советом РАН по истории социальных реформ, движений и революций и его Северо-Западной секцией провели в рамках международной научной конференции «1917 год в судьбах регионов, страны и мира», состоявшейся в Архангельске в июле 2017 года Круглый стол, выясняя характер взаимоотношений между революциями 1917 года в России и Гражданской войной в стране.

В Круглом столе приняли участие известные специалисты по этим проблемам, представители четырех университетов и научных центров страны, которыми опубликовано в общей сложности 33 книги и более 700 статей по этой тематике.

Участникам Круглого стола было предложено ответить на следующие вопросы:

1) С какого времени Вы занимаетесь изучением революционной эпохи 1917 года в России и историей Гражданской войны в стране, когда появилась первая публикация и(или) первое участие в научном форуме по этой тематике?

2) Считаете ли Вы перерастание Российской революции (революций) 1917 года в Гражданскую войну неизбежным? Какие черты и характеристики революции (ий) этому способствовали?

3) Какие причины и факторы способствовали развертыванию Гражданской войны в России?

4) Какова роль иностранного фактора в генезисе Российской гражданской войны?

5) Какие события Вы считаете началом Гражданской войны в России?

Каждый из участников Круглого стола ответил на заданные вопросы, и их ответы под соответствующими номерами публикуются в виде отдельных материалов каждого из авторов.

Как революция переросла в Гражданскую войну¹

1. Историей революционной эпохи и Гражданской войны занимаюсь с 1997 г., первая публикация вышла в 1998 г., в научных конференциях по этой тематике принимаю участие с 2000 г.

2. Перерастание революционных событий в Гражданскую войну было, по всей видимости, неизбежным. Развал армии и правоохранительных органов, которые в старой России могли осуществлять силовое обеспечение государственной политики, привел к тому, что Временное правительство лишилось необходимых инструментов принуждения. Следствием этого стала утрата власти, почти не встретившая сопротивления. Падение слабой, недееспособной, но общепризнанной власти в октябре 1917 г. привело к тяжелым последствиям – к безвластию и анархии, росту преступности и насилия, обострению различных конфликтов и противоречий (политических, социальных, национальных).

Серьезным последствием стала дезинтеграция страны, вызванная падением власти в ходе незавершенной Первой мировой войны. Россия лишилась национальных окраин, часть территории подверглась оккупации и интервенции. Непосредственно в окраинных великорусских губерниях и областях стали возникать очаги сопротивления захватившим власть в центре силам. Вынужденный тяжелейший выход из Первой мировой войны был достигнут ценой потери значительных территорий, на которых стали возникать разнородные правительства, нередко боровшиеся друг с другом. Неудивительно, что лозунг единой и неделимой России стал одним из основных в программе Белого движения как движения патриотического, направленного, как считали его участники, против разрушителей страны. Но в итоге аналогичную программу, насколько это было возможно, реализовали красные.

В то же время тот колоссальный и разрушительный масштаб, который приобрела Гражданская война, неизбежен не был, поскольку обуславливался рядом субъективных факторов. Так, воз-

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

никновение белого лагеря на Юге России в тех масштабах, которые имели место, произошло вследствие появления на Дону генерала М.В. Алексеева и его соратников, а также сплоченной группы единомышленников – корниловцев, приехавших в этот регион из центра страны. Другие причины создания здесь мощного антисоветского центра связаны с непродуманными мерами Советской власти в отношении офицерства и казачества.

Не исключено, что на меньшие масштабы Гражданской войны могло повлиять сохранение власти Учредительного собрания, разгон которого привел в ряды противников большевиков колеблющихся, а лозунг передачи власти Учредительному собранию вошел в политические программы антибольшевистских сил.

Большевистский радикализм нередко оборачивался против самих большевиков. Так, более осторожная политика Советской власти по отношению к Чехословацкому корпусу, вероятно, позволила бы избежать его восстания в мае 1918 г., которое, как известно, привело к созданию второго по значимости после Юга России антибольшевистского фронта. Аналогичная осторожная политика требовалась и в отношении казачества.

3. Развертыванию Гражданской войны способствовали следующие принципиальные обстоятельства. В первый год своего существования ленинское правительство не могло полностью контролировать доставшуюся ему в управление огромную территорию. Вследствие слабости центральной власти на окраинах инициативным порядком начали возникать местные правительства самого разного толка – национальные, советские и антисоветские, формировавшие собственные армии. Антибольшевистские армии воевали как с Красной армией, так и нередко между собой. Поскольку очевидного превосходства у той или иной стороны конфликта длительное время не было, война приобрела затяжной характер.

Разумеется, главным противником красных были белые, прежде всего, в наиболее мощных своих центрах на Юге и Востоке России. В этой связи немаловажно разобраться в причинах того, почему на этих территориях возникли столь значимые центры сопротивления.

Как известно, Белое движение опиралось на вождистскую идеологию, при которой последователи объединялись вокруг фигуры того или иного военно-политического лидера. Вопрос упирался в наличие таких фигур у противников новой власти. В частности, выступление генерала Л.Г. Корнилова сформировало костяк ли-

дерев южнорусского Белого движения. Другой крупной фигурой являлся генерал М.В. Алексеев. Гипотетическая нейтрализация этих военно-политических деятелей неизбежно привела бы к изначальной маргинализации движения, не обладавшего авторитетными лидерами. Следует отметить, что возможность нейтрализации этих генералов у большевиков существовала.

Базой для возникновения Белого движения послужили казачьи области. Соответственно другим важным фактором, приведшим к эскалации Гражданской войны, стала ошибочная политика большевиков в отношении казачества. С этим военизированным и сравнительно зажиточным сословием Советская власть изначально заговорила с позиции силы, что ни к чему хорошему привести не могло. Фактически казаков, первоначально настроенных пассивно-нейтрально, а порой даже и просоветски (казакам-фронтовикам были близки идеи завершения войны), большевики толкнули в лагерь своих врагов. В короткие сроки (к лету 1918 г.) это привело к появлению у белых на Юге и Востоке России мощной базы в виде казачьих областей. Схожие ошибки были сделаны и в отношении офицерства, которое всячески третировалось и стало одним из основных объектов красного террора. В результате тысячи офицеров поддержали белых. Существенное влияние на развертывание Гражданской войны оказало и иностранное вмешательство.

4. Роль иностранного вмешательства в генезисе Гражданской войны представляется значительной. Но следует разграничить реальное иностранное вмешательство и представления о нем в общественном мнении той эпохи. Как известно, в 1917–1918 гг. (а нередко и позднее) большевики в связи с их сотрудничеством с немцами (пропуск через территорию Германии в Россию в подрывных целях), а также шагами по заключению сепаратного мира воспринимались в широких кругах населения как немецкие агенты. Разумеется, этот фактор оказывал сильнейшее влияние на выбор участников зарождавшейся Гражданской войны. Ведь по этой логике получалось, что власть в стране захватили пособники врага. Не все поняли, что после захвата власти большевиками их интересы с немецкими разошлись.

Германская оккупация позволила сформироваться независимой Украине, где укрывались тысячи офицеров, позднее пополнивших ряды воюющих армий. Материально-техническая база гетманской Украины так или иначе использовалась для боевого обеспечения антибольшевистских армий. Немцы поддерживали независимость Дона, а через Донское войско шло снабжение и Добровольческой

армии. Под прикрытием немцев формировались антибольшевистские отряды на Северо-Западе России.

Широкомасштабная Гражданская война была бы не возможна, не случись выступления Чехословацкого корпуса на Востоке России, появления интервенционистских контингентов Антанты на Севере, Юге и Востоке страны. Возникновение, по крайней мере, трех из четырех основных белых фронтов (Восточный, Северный и Северо-Западный) напрямую связано с иностранным фактором.

Опиравшееся на слаборазвитые в промышленном отношении окраины Белое движение не могло осуществлять длительное военное строительство без масштабных военных поставок из-за рубежа. Некоторые виды поставлявшейся белым из-за рубежа техники (как, например, британские тяжелые танки) не имели аналогов в Красной армии. На некоторых фронтах (Восточный, Северный) существенной была и роль иностранных военных контингентов в боевых операциях и обеспечении безопасности тыла белых.

Не следует забывать, что иностранный фактор в лице интернационалистов присутствовал и у красных. Но по мере эскалации Гражданской войны с опорой на иностранные силы стали в большей степени ассоциироваться белые.

5. Началом Гражданской войны, на мой взгляд, являются события, связанные с силовым захватом власти в Петрограде большевиками и левыми эсерами в октябре 1917 г. Именно тогда страна лишилась обоснованно критиковавшегося с разных сторон правительства, легитимность которого, однако, так или иначе признавали все политические силы. За этим последовали первые боевые столкновения – ответные действия А.Ф. Керенского, проявившиеся в походе III казачьего корпуса под командованием генерал-майора П.Н. Краснова на Петроград, возникновение первых очагов сопротивления на Южном Урале, на Дону и в Забайкалье и последующая эскалация Гражданской войны.

В.И. Голдин

Революция и Гражданская война в России: звенья одной цепи?

1. Исследуемой эпохой занимаюсь с 80-х гг., первая статья опубликована в 1986 г., первое участие во всесоюзном научном форуме – май 1987 г. (Тбилиси).

2. Все великие революции, образно говоря, беременны гражданской войной. И это в полной мере относится к революционному процессу 1917 г. в России. Слишком велики масштабы потрясений, изменений в отношениях власти и собственности, колоссальна высвобождающаяся энергия масс, вышедших из-под контроля, но ей обычно не хватает конструктивного начала, нарастает разрыв между романтическими ожиданиями первой фазы революции и суровыми реалиями разрушения старых основ, норм и принципов жизни, набирают силу стихия и хаос.

Согласно П.А. Сорокину, вслед за радостью освобождения от тирании старого режима и ожиданиями реформ наступает деструктивная фаза, когда «великая революция превращается в ужасающий шквал, разрушающий все на своем пути»¹. Идет поиск контрреволюции и контрреволюционеров, реальных и надуманных, формируется образ врага, нарастают насилие и террор, из которых и вырастает гражданская война.

Всё вышеизложенное было характерно и для России в 1917 г. На характер и развитие революции сильное влияние оказывала Первая мировая война. Революция была во многом реакцией народа на неё. Образно говоря, дух войны витал над революцией и пронизывал ее насилием, формировал ее атмосферу и психологию.

В революционном процессе сформировались, набирали силу и переплетались различные революционные потоки (революции): крестьянская, рабочая, солдатская, национальная (революция национальностей), региональная, локальных миров, гендерная и др. В этом потоке революций преобладало разрушительное, радикальное начало: антифеодальная и антипомещичья, антибуржуазная (ориентированная в перспективе на социализм), антиимперская, антицентралистическая, антибюрократическая и т.д. Социалистические, общедемократические и антивоенные требования переплетались воедино. Уникальное слияние воедино разных революционных потоков и интересов осенью 1917 г. обусловило мощь и масштабность происходящего и предопределило падение Временного правительства. Не доверяя ему и не дожидаясь проведения им обещанных реформ, радикально настроенные массы решали назревшие вопросы самостоятельно, силовым путем, посредством создаваемых институтов прямой демократии.

¹ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 223.

Большевики пришли к власти на волне массового народного протеста, подхватив лозунги масс и поставив их во главу своей программы. Но соединение воедино разных революционных потоков и интересов не только способствовало их приходу к власти, но и стало источником противоречий и проблем советской власти. Единый поток революций, распадаясь, обнаруживал многочисленные конфликты, противоречия и проявления нарастающей гражданской войны.

Логика крестьянской революции, в основе которой лежало стремление крестьян переделывать землю и хозяйствовать самостоятельно, полностью распоряжаясь производимой продукцией, чем далее, тем более расходилась с интересами нового государства, заинтересованного в получении из деревни необходимого количества продовольствия и иной продукции для обеспечения потребностей города. Растущая самоизоляция деревни привела к продовольственному кризису в городах и силовым действиям государства в отношении деревни весной – летом 1918 г., что вызвало массовое сопротивление крестьянства и стало одной из социальных основ набирающей силу гражданской войны.

Логика развития рабочей революции привела к форсированному переходу от рабочего контроля к рабочему управлению, национализации предприятий, обострению отношений рабочих организаций с предпринимателями, с одной стороны, и с большевиками, пытавшимися сдержать «красногвардейскую атаку на капитал», с другой. Отсутствие опыта управления и нехватка кадров специалистов вели к углублению экономического кризиса в стране.

Солдатская и антивоенная революция привела к выходу России из войны, а принятый II съездом Советов Декрет о мире получил широкую поддержку в стране. Радикально настроенные солдатские и матросские массы растекались по стране, углубляя процесс революционных преобразований, который сопровождался обострением борьбы в стране. Но вместо демократического мира в условиях, когда была ликвидирована старая и не создана новая армия, под политическим и военным давлением Германии пришлось заключать тяжелый и унижительный Брестский мир, и в результате советская власть оказалась в тяжелейшем кризисе и на грани существования, вынуждена была вести политику лавирования между противоборствующими военными коалициями, утратив доверие патриотически настроенных слоев населения.

Революция национальностей привела к распаду прежнего государственного пространства и созданию на территории бывшей империи целого ряда самостоятельных государств и государственных образований, внутри которых разворачивалась острая борьба, сопровождавшаяся внешними вмешательствами. В результате всего этого здесь стремительно прорастали семена гражданской войны, и она становилась реальностью (Финляндия, Украина и др.).

Региональные и локальные революции вели к нарастанию самоизоляции, разрыву существовавшей системы связей и единого рынка, к росту сепаратистских тенденций, что усугубляло кризис в стране.

Таким образом, глубинные разломы в революционном движении, усиление оппозиции большевикам в Советах и за их пределами, переход от политической к вооруженной борьбе определяли логику перерастания Российской революции в Гражданскую войну в стране и в отдельных ее регионах.

3. Гражданская война разворачивалась в условиях нарастания коллизий в революционном движении, усиления стихии и хаоса, углубления системного кризиса, дезорганизации власти и производства, дезинтеграции страны, борьбы центробежных и центростремительных сил и под воздействием внешнего давления, переросшего в военные интервенции Антанты и стран Четверного союза.

Первой фазой Гражданской войны в России стала так называемая «малая гражданская война» 1917-го – начала 1918 гг. Она включала в себя различные проявления гражданской войны, ее региональные и локальные эпизоды, попытки вооруженного подавления революционного движения и военного сопротивления установлению советской власти в центре и на местах, рассогласование революционных потоков с нарастанием их внутренних противоречий и коллизий, что выливалось в первые кровавые столкновения, и прежде всего в национальных регионах.

Конец весны – начало лета 1918 г. характеризовались переходом к широкомасштабной и фронтовой Гражданской войне в стране. Это было обусловлено рядом факторов и процессов: 1) обострение противоборства города и деревни, поставившее города на грань голодного существования, привело к чрезвычайной политике советского государства в продовольственном вопросе, принудительному изъятию продовольствия, расколу деревни, что вызвало массовое сопротивление крестьянства и дало социальную базу антибольшевистским силам; 2) вооруженные выступления в казачьих районах,

и прежде всего Дона и Кубани, вызванные недовольством советской политикой в продовольственном, аграрном и казачьем вопросах, привели к тому, что на стороне антибольшевистского движения оказались широкие слои казачества, составившие мобильный и боеспособный костяк белых армий; 3) вооруженное выступление Чехословацкого корпуса выступило катализатором антисоветской борьбы и Гражданской войны на обширном пространстве страны, привело к формированию ряда антисоветских правительств и армий; 4) резкое обострение партийно-политической борьбы в стране, и в том числе в Советах, попытки вывести оппозицию за пределы Советов привели к перерастанию этой борьбы в вооруженную, под руководством так называемых «умеренных социалистов» и с формированием их правительств; 5) вооруженные интервенции стран Антанты и Четверного союза; 6) расширение вооруженного противоборства в национальных районах страны.

Гражданская война и международная интервенция обусловили начало качественно новой эпохи в истории страны. Разрастающаяся Российская гражданская война представляла собой комплекс войн или переплетающихся их разновидностей, протекала на внешних и внутренних фронтах или за линиями фронтов, имела многоочаговый характер, являла собой многообразие военных, политических, экономических, социальных, социокультурных, национально-этнических, культурно-религиозных и иных конфликтов и расколов. Гражданская война в России носила глобальный и тотальный характер и представляла собой уникальный феномен в отечественной и мировой истории¹.

4. Иностраный фактор сыграл исключительно важную роль в развязывании, протекании и длительности Гражданской войны в России. Опыт мировой истории свидетельствует, что великие революции часто сопровождаются внешними вмешательствами и вооруженными интервенциями. Ослабление и распад крупного государства, важного игрока в европейской и мировой геополитике (а именно таким была Россия в начале XX века) всегда вызывает желание других игроков извлечь для себя максимум политической и экономической выгоды из этой ситуации, усилить свое влия-

¹ Подробнее см.: *Голдин В.И.* Гражданская война сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012. Гл. 3; *Он же.* Истоки и феномен Гражданской войны в России: взгляд через столетие // *Былые годы.* 2015. Т. 36. № 2. С. 382–387.

ние в такой стране, раздробить ее, взять под свой контроль те или иные ее территории или отрасли экономики. Все это в полной мере имело место в России в революционную и постреволюционную эпоху, в период Гражданской войны, тем более, что это происходило в условиях Первой мировой войны.

Уже 23 декабря 1917 г. в Париже была подписана секретная англо-французская конвенция о разделе сфер влияния в России, действие которой распространилось позднее и на северные территории страны. На протяжении 1918 г. вооруженная интервенция как Центральных держав, так и Антанты, охватила обширные пространства России по всему периметру ее границ: Дальний Восток, Кавказ, Крым, Украина, Прибалтика, Северо-Запад и Запад России, и на территории бывшей империи оказались сотни тысяч иностранных солдат, возник целый ряд фактически марионеточных антисоветских правительств. Вооруженная интервенция сопровождалась экономической блокадой Советской России и широкой экономической и финансовой поддержкой антисоветских режимов.

При этом правительства стран-интервентов реализовали в первую очередь собственные цели (политические, военно-стратегические, геополитические, экономические), и с этой точки зрения не могут не вызывать удивления современные стенания поклонников Белого движения о том, что западные державы якобы предали его, бросили на произвол судьбы, что и предопределило его поражение. В действительности они лишь использовали антибольшевистские силы для реализации своих интересов и, когда стало понятно, что военное вмешательство и затраты не дают должных результатов, пошли на вывод своих войск и отказались от поддержки своих российских соратников.

5. Невозможно назвать конкретные события, с которых началась Гражданская война в России. Но правомерно говорить о стадиях вхождения или «вползания» страны в эту войну, посредством анализа всей совокупности февральских, июльских, августовских (выступление генерала Корнилова), октябрьских, ноябрьских, декабрьских событий 1917 г. и, кончая майско-июньскими событиями и процессами 1918 г., о которых речь уже шла выше. Повторимся, что мятеж Чехословацкого корпуса стал мощным катализатором Гражданской войны в России и привел к тому, что от локального и разрозненного сопротивления советской власти произошел переход к широкомасштабной и фронтовой гражданской войне от Дальнего Востока до районов Волги и центральной Рос-

сии. С другой стороны, «защита чехословаков» стала поводом для расширения интервенции Антанты на Дальнем Востоке, в Сибири и на Севере, с планами соединения урало-сибирского и северного фронтов с последующим наступлением на Москву для свержения советского правительства. На протяжении нескольких последующих лет именно Гражданская война определяла ход российской истории, а ее исход predetermined в решающей степени и развитие страны в XX веке.

А.С. Пученков

О ключевых проблемах историографии Гражданской войны

1. Изучением революции и Гражданской войны в России занимаюсь с первого курса вуза – с 1997 г., первые публикации появились в 2000 г., тогда же были и первые конференции.

2. Полагаю, что центристская альтернатива в России 1917 г. была маловероятна: единственным шансом для страны удержаться от распада или хотя бы отсрочить его было немедленное открытие сепаратных переговоров с Центральными державами, а также незамедлительное проведение выборов в Учредительное собрание. Продолжение Временным правительством бесперспективной для России войны, стремление выиграть время в надежде на изменение как внутри, так и внешнеполитической обстановки, свидетельствовало об абсолютном непонимании Керенским сотоварищи всей сути углублявшегося кризиса. «Точкой невозврата», после которой стало очевидно, что вопрос о диктатуре – лишь вопрос времени, кто, когда и при какой политической программе ее осуществит, для Временного правительства стало корниловское выступление, исключительно усилившее позиции большевиков и их политических союзников и полностью лишившее Керенского поддержки действующей армии и флота, офицеры, вне зависимости от их политических симпатий, полагали, что министр-председатель предал Корнилова.

В момент подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде офицеры не воспринимали Временное правительство как *власть*, при этом наибольшее презрение вызывал именно Керенский. Дневники и воспоминания офицеров –

участников событий 1917 г. – пестрят упоминаниями о «главноуговаривающем»: «истеричный адвокат», «прохвост», «жалкий фигляр», «Саша-адвокат», «болтология», «негодяй», «дурак» – такие эпитеты в адрес премьера можно встретить на страницах дневника штабс-капитана В.М. Цейтлина; «дезертир Главнокомандующий» – у участника Белого движения И. Эйхенбаума; «неврастеник и кликуша» – у морского офицера Ф. Рейнгарда. К моменту падения режима Временного правительства защищать его от большевиков *военные* не желали, приход к власти Ленина и его сторонников воспринимался основоположником Белого движения генералом М. В. Алексеевым и участниками корниловского выступления, находившимися в заключении в Быхове, как закономерное следствие политики Керенского.

3. Гражданская война в России явилась следствием глубочайшего *системного кризиса* российского общества, кризиса, элементы которого называли многие десятилетия и были многократно усугублены мировой войной и слабостью центральной власти. В Гражданской войне были задействованы все без исключения классы российского общества. Гражданская война явилась серьезным испытанием не только для самого населения России, в ходе войны под угрозой исчезновения оказалась сама русская государственность. Гражданская война в России явилась величайшей трагедией нашего народа. Она унесла миллионы человеческих жизней, ввергла страну в хозяйственный хаос, раскололо общество на «своих» и «чужих», сделала жестокость нормой человеческой жизни. В годы Гражданской войны ясно обозначились соперничавшие между собой политические силы: красные, белые и умеренные социалисты, которых в советской историографии называли «демократической контрреволюцией». За каждой из этих сил стояли определенные социальные слои населения. Красных поддерживало большинство рабочих и беднейшего крестьянства. За белыми шла крупная и средняя промышленность, торговая и финансовая буржуазия, помещики, значительная часть офицерства, казачества, интеллигенции. Большая же часть населения России пыталась уклониться от участия в братоубийственной бойне.

Причинами Гражданской войны явилась неразрешенность следующих фундаментальных вопросов внутренней жизни российского общества:

а) **Аграрный вопрос.** Требование узаконения фактически осуществленного крестьянами в 1917 г. «черного передела» помещи-

чьей земли стало основным для многомиллионной массы российского крестьянства. Отношение крестьян к той или иной политической силе определялось позицией последней по земельному вопросу. Весьма умеренная и консервативная программа Белого движения в аграрном вопросе, во многом представлявшая собой модифицированный вариант столыпинской реформы, отставала от потребностей времени и не могла привлечь симпатий населения.

б) Вопрос выхода России из мировой войны. Во многом Гражданскую войну можно и следует рассматривать как продолжение и следствие войны мировой. Вопрос об отношении к войне – за или против нее – расколол Россию на два непримиримых лагеря. Первый лагерь – превосходящий по количеству – в политическом плане представляли большевики и их сторонники, стремившиеся любой ценой вывести Россию из империалистической бойни; второй лагерь – куда менее многочисленный, чем первый, – Белое движение – возник из патриотического порыва части русского офицерства, проповедовавшего верность союзникам России по мировой войне и доведение войны до победного конца. Связь Гражданской войны в России с войной мировой проявилась и в факторе интервенции, на который следует обратить особое внимание. Сепаратный мир с Германией привел к вмешательству союзников во внутренние дела России. Страны Антанты перешли к открытой интервенции. Первоначально интервенция не несла в себе антибольшевистской направленности. Задачей интервенции мыслилось обеспечение принудительного участия русской армии в военных действиях на Восточном фронте. Не преувеличивая значения интервенции, следует отметить, что она сыграла значительную роль в расширении масштабов Гражданской войны и способствовала сплочению антибольшевистского лагеря, в начале 1918 г. разделявшегося на сторонников «союзнической» ориентации и германофилов. Сторонники «союзнической» ориентации настаивали на использовании ресурсов Антанты с целью подавления большевизма; германофилы же, напротив, проповедовали опору на Германию, которая, как им казалось, сумеет быстро подавить Советскую власть. Необходимо сказать, что и тех, и других объединяли непримиримая ненависть к большевизму, представлявшегося им не мощным народным движением, а деянием жалкой кучки агентов германского Генерального Штаба. И сторонникам Антанты, и германофилам падение большевизма представлялось вопросом нескольких недель. Представители антибольшевистско-

го лагеря были искренне убеждены в том, что Советская власть не имеет никакой поддержки в народе. Как следствие, свою миссию они понимали, как «освобождение» России от большевиков. После окончания мировой войны интервенция приобретает уже именно антибольшевистскую направленность и идет под лозунгом освобождения России от «узурпаторов-большевиков».

в) **Национальный вопрос.** В этом аспекте Гражданскую войну следует рассматривать как столкновение двух полярных точек зрения: большевики декларировали право наций на самоопределение, вплоть до отделения, а Белое движение выдвинуло лозунг «Великой, Единой и Неделимой России», не допускавший каких-либо проявлений сепаратизма. Не случайно поэтому, что участники Белого движения видели в своей борьбе с большевиками столкновение идеи государственного национализма с предательским по отношению к России интернационализмом.

г) **Вопрос о форме будущего государственного устройства России.** На этот вопрос следует обратить особое внимание. Лидер большевиков В.И. Ленин, убежденный сторонник социалистической идеи, человек, обладавший фантастической целеустремленностью, все свои усилия направил на завоевание власти. Получив ее, Ленин надеялся в кратчайшие сроки достигнуть социализма. После Октябрьской революции большевики сразу приступили к осуществлению ленинского плана переустройства страны и общества. Белое движение, формально проповедовавшее непредрешенчество, а олицетворение Белого движения – армия – аполитичность – в действительности аполитичным быть не могло, поскольку антибольшевизм уже представлял собой совершенно определенную политическую программу. Компромисс между непримиримыми противниками – белогвардейцами и большевиками – при таких противоречиях вряд ли был возможен, во многом это предопределило и беспримерную ожесточенность борьбы.

4. Полагаю, что сила политического кризиса, переживаемого Россией к рубежу 1917–1918 гг., была такова, что *страна должна была неминуемо втянуться в Гражданскую войну* вне зависимости от иностранного фактора; другое дело, что иностранная интервенция придавала качественно иной масштаб российскому братоубийству, без интервенции Белое движение – и на Юге, и на Востоке, и на Севере, и на Северо-Западе – не смогло бы превратиться из регионального в общероссийский фактор.

5. Мне кажется, что выбрать какое-то одно событие крайне трудно; с моей точки зрения и восстание юнкеров в Москве, и возникновение «Алексеевской организации» на Дону 2/15 ноября 1917 г. свидетельствовали о том, что в России существует неприимимая оппозиция большевизму, в стране есть люди, которые готовы с оружием в руках бороться за свержение Советской власти. В дальнейшем социальные рамки Белого движения – наиболее последовательной силы, борющейся с большевиками в годы Гражданской войны, – будут непрерывно разрастаться, позволив вождям российской военной контрреволюции приступить к решению общероссийских задач.

В.П. Федюк

Опасная память о прошлом

1. Изучение событий 1917 года в России начал с 1978 г. в ходе подготовки дипломной работы и кандидатской диссертации. Первая статья на эту тему появилась в 1980 г., в одном из знаменитых «коминских» сборников. После защиты кандидатской, посвященной деятельности партии кадетов в 1917 г., переключился на изучение Белого движения, а защитив докторскую на эту тему, вновь вернулся к эпохе Временного правительства. Этот цикл я время от времени повторяю и сейчас.

2. Да, поскольку взаимный накал ненависти был слишком велик уже в самом начале. Другое дело, что масштабы гражданского противостояния однозначно не были predeterminedены.

3. На идейном уровне – нетерпимость, культивировавшаяся в революционной среде задолго до революции. Русская интеллигенция слишком увлеклась книгами о Марате и Робеспьере и радостно торопила кровавые расправы. Ну и, конечно, важнейший фактор – 7 миллионов вооруженных людей, утративших дисциплину, но почувствовавших свою силу.

4. В целом он не был решающим, иначе находившимся в международной изоляции большевикам не удалось бы одержать победу. Но к оценке этого фактора надо подходить дифференцировано, применительно к разным этапам Гражданской войны.

5. Любые временные границы условны и могут быть оспорены. Но если надо – пусть это будет 27–28 февраля 1917 г. – военное

восстание в Петрограде и первые массовые расправы на флоте. Радуется, что не спрашивает о времени завершения Гражданской войны, потому что мне иногда кажется, что рецидивы ее дошли и до нашего времени. Историки должны заниматься своим делом – это их профессия, но страна должна осознать, что Гражданская война – это прошлое.

*Составитель:
Голдин В.И.*

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

Г.М. Ипполитов

Состояние Русской армии в преддверии падения самодержавия в 1917 году (некоторые аспекты проблемы)

Можно сказать, что к февралю 1917 г. вся армия – на одном фронте больше, на другом – меньше – была подготовлена к революции

А.А. Брусилов¹

Современный уровень накопления исторических знаний показывает: к концу 1916 г. революционный кризис страны определился полностью. Его важной составной частью был кризис армии. Например, донесения Департамента полиции правительству о настроениях в войсках Северного и Западного фронтов в январе 1917 г. свидетельствует: «Возможность того, что войска будут на стороне переворота и свержения власти, допустима, так как они слишком недовольны всем управлением страны»².

Видимо, не станет преувеличением сказать, что офицерский состав ожидал династическую рокировку: Николай II – наследник Алексей при регентстве Великого князя Михаила Александровича. В своих мемуарах участник тех событий, будущий крупный деятель Белого движения Г.М. Семенов писал, что телеграфное сообщение об отречении императора на него, как и на большинство окружающих, не произвело особенно глубокого впечатления. Причиной этому послужила, без всякого сомнения, и та работа, которую проделали в армии многочисленные агитаторы не только из революционного лагеря, но и со стороны вполне, «лояльных»

¹ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 1963. С. 236.

² Капиуков С.Г. Борьба большевистской партии за армию в период Первой мировой войны. М., 1957. С. 133–134.

правительству кругов. «Нам, строевым офицерам, усиленно старались привить взгляд на необходимость отречения императора, добровольно или насильственно, путем дворцового переворота, – писал Г.М. Семенов. – Ввиду того, что со стороны высшего командования не принималось ровно никаких мер для пресечения этих слухов, мы как бы приучались считать отречение Государя Императора и передачу им верховной власти Великому князю Николаю Николаевичу чуть ли не одним из обязательных условий в лучшую сторону, так как имя Великого князя Михаила Александровича в армии и в народе пользовалось популярностью и доверием»¹.

Думается, что восприятие факта падения самодержавия в тот момент и.о. командира 3-го Верхнеудинского полка, дислоцированного на Кавказском фронте, Г.М. Семенова можно считать наиболее характерным для армейского офицерства. Об этом свидетельствуют различные источники и литература².

По сути, согласия высшего военного руководства Вооруженных сил России на отречение от власти Николая II добивался начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-адъютант М.В. Алексеев³, предложив высказать мнения о дальнейшей судьбе Николая II. Великий князь Николай Николаевич, генералы А.Е. Эверт, А.А. Брусилов, В.В. Сахаров, Н.В. Рузский, адмирал А.И. Непенин согласились с отречением безоговорочно. Адмирал А.В. Колчак не дал прямого ответа, но не возражал против развития ситуации⁴. В.Н. Воейков, последний дворцовый комендант, сделал в данной связи заключение, что эти «...8 человек поставили царя в необходимость в отречении от престола»⁵.

¹ Семенов Г.М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002. С. 66, 67.

² См., например: Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Минск, 2003. С. 16; Красный архив. 1927. Т. 21. С. 67; Революционное движение в русской армии 27 февраля–24 октября 1917 г.: сб. документов. М., 1968. С. 21, 22.

³ Революционное движение в русской армии 27 февраля–24 октября 1917 г.: сб. документов. С. 68, 69.

⁴ Более подробно см.: Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта. Минск, 2002. Воейков делает вывод: эти «...8 человек поставили царя в необходимость в отречении от престола». С. 183–189.

⁵ Воейков В.Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта. Минск, 2002. С. 183–189.

Социальные изменения в офицерской среде и в армии в целом в известной мере способствовали проникновению антивоенных настроений. К концу 1916 г. в войсках действовало, например, свыше 150 большевистских организаций и групп¹.

Однако советской историографии в силу ее гипертрофированной идеологизации было свойственно преувеличивать роль и значение большевиков в февральских событиях. Немаловажным историческим аргументом служит тот факт, что момент февральских событий из 29 человек, впоследствии избранных в ЦК партии² и занимавшихся подготовкой Октябрьского переворота, в Петрограде никого не было³. В то время большевиков в городе не насчитывалось и 2 тысяч⁴ человек, так что, пожалуй, можно согласиться с выводами, сделанными С.В. Холяевым, что несмотря на то, что во время войны популярность большевиков значительно возросла, в феврале страна не была подготовлена к установлению большевистской власти: в февральской России 1917 г. еще имелись мощные политические силы, настроенные продолжать войну, тем более что армия готовилась к весеннему наступлению, которое могло существенно ускорить завершение войны⁵.

Л. Троцкий впоследствии напишет, что ленинская установка на вооруженное восстание до 4 апреля 1917 г. была единоличной, ни один из руководителей партии, находившихся в России, «и в мыслях не имел курса на диктатуру пролетариата, на социалистическую революцию, никто не шел дальше демократии»⁶.

Неординарно и замечание А.Ф. Керенского о событиях тех дней: «Ни одна партия левых, ни организации революционеров не строили никаких планов относительно революции»⁷. Депутат IV Государственной думы В.В. Шульгин замечал в связи с

¹ Холяев С.В. Три февраля 1917 года // Вопросы истории. М., 2003. № 7. С. 169.

² На VI съезде в августе 1917 г.

³ Кожин В.В. Россия. Век XX. 1901–1939. М., 1998. С. 180.

⁴ Холяев С.В. Три февраля 1917 года. С. 27.

⁵ Холяев С.В. Указ. соч. С. 31. Заметим, что того же мнения придерживались: Иоффе Г.З. Февральская революция // Вопросы истории КПСС. 1990. № 10. С. 86; Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг. М., 1998. С. 583.

⁶ Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 2001. С. 323, 324.

⁷ Цит. по: Мэсси Р. Николай II и Александра. М., 1990. С. 342.

этим: «Они – революционеры – не были готовы, но она – революция – была готова»¹.

Следует отметить, что Первая мировая война вызвала небывалое напряжение российской экономики. Военные расходы России составили в 1914 г. 1655 млн р., в 1915 г. – 8818 млн р., в 1916 г. – 14 573 млн р., а за восемь первых месяцев 1917 г. они равнялись 13 603 млн рублей. Общая сумма военных расходов России между началом войны и 1 сентября 1917 г. составила 38 650 млн р. Чтобы покрыть эти расходы, Россия между августом 1914 г. и сентябрем 1917 г. взяла займы на сумму 23 908 млн р., из которых 11 408 млн р. составили внутренние займы, 4429 млн – облигации и 8070 млн – внешние займы. Займы, как мы видим, составили 61,9 % всех фондов, мобилизованных для ведения войны, но только 33,8 % были получены от зарубежных кредиторов².

Боевые действия потребовали существенных материальных затрат: один день войны 1914 г. обошелся России в 10 млн р., уже в апреле 1917 г. эта цифра достигнет до 50 млн р.³ Россия тратила на войну 1/3 национального дохода (для сравнения: доход на душу населения в Англии составлял в то время 243 доллара, а в России – 44 доллара)⁴. Однако текстологический анализ воспоминаний генерала А.А. Брусилова показывает, что, с его точки зрения, с 1909 г. в армии в целом произошли изменения к лучшему, тем не менее, техническое оснащение оставляло желать лучшего⁵.

Действительно, несмотря на значительный рост производства военной промышленности, армия испытывала нужду по всем позициям. Так, в русской армии приходилось 850 снарядов на каждое орудие, в западных армиях – от 2 до 3 тыс. снарядов. Русская армия располагала 60 батареями тяжелой артиллерии, а германская – 381 батареей. В июле 1914 г. всего лишь один пулемет приходился более чем на тысячу солдат. Только после грандиозных поражений

¹ Цит. по: Там же. С. 343.

² Russian Public Finances during the War. New Naven, 1928. P. 322–324.

³ Россия в мировой войне 1914–1918 (в цифрах). С. 5.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2048. Оп. 4. Д. 45. Л. 124.

⁵ Брусилов А.А. Мои воспоминания. Минск, 2002. С. 63–68.

в июле 1915 г.¹ Генеральный штаб России заказал 100 тыс. автоматических ружей и 30 тыс. новых пулеметов².

В течение первых пяти месяцев войны военная промышленность России производила в среднем 165 пулеметов в месяц (пик производства достигли в декабре 1916 г. – 1200 пулеметов в месяц). Русские заводы производили лишь треть автоматического оружия, запрашиваемого армией, а остальное закупалось во Франции, Британии и Соединенных Штатах. Западные страны предоставили России 32 тыс. пулеметов. Почти каждый тип пулемета имел свой собственный калибр патрона, что осложняло снабжение войск. Еще хуже было положение с артиллерией: более тридцати семи миллионов снарядов – два из каждых трех использованных – были завезены из Японии, Соединенных Штатов, Англии и Франции. Каждый снаряд до выстрела в среднем проделывал путь в шесть с половиной тысяч километров, а каждый патрон – в четыре тысячи километров. Недостаточная сеть железных дорог делала снабжение исключительно сложным, и к концу 1916 г. напряжение стало весьма ощутимым³.

Тем не менее, с начала войны Россия совершила большой скачок вперед в развитии своей военно-промышленной мощи. В начале 1915 г. русская промышленность производила 358 тыс. снарядов в месяц, а через год – более полутора миллионов. Русская артиллерия приближалась к западной норме боеприпасов на орудие в условиях наступления – тысяча снарядов. К началу 1916 г. в армию влились еще два миллиона экипированных солдат⁴. Однако к 1917 г. дефицит бюджета достиг 39 %⁵.

Участие России в продолжительной широкомасштабной войне коренным образом изменило положение с военным строительством, усилило существующие противоречия, породило и обострило трудности как объективного, так и субъективного характера.

¹ Так называемый год Великого отступления. – *Г.И.*

² *Маниковский А.А.* Военное снабжение Русской армии в мировую войну. Т. 1. М., 1930. С. 153–154.

³ *Lincoln B.L.* Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914–1918. N.Y., 1986. P. 61.

⁴ *Сидоров А.И.* Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973. С. 343–345.

⁵ *Карп Э.* История Советской России. Кн. 1. Т. 2. М., 1990. С. 542.

Так сложилось исторически, что военная область была сферой влияния исключительно императора. Основные государственные законы подчеркивали, что «Государь Император есть Державный Вождь Российской армии и флота. Ему принадлежит верховное начальствование над всеми сухопутными... вооруженными силами Российского государства. Он определяет устройство армии и флота и издает указы и повеления относительно дислокации войск, приведение их на военное положение, обучение их, прохождение службы чинами армии и флота, всего вообще относящегося до устройства Вооруженных сил и обороны Российского государства»¹.

С 23 августа 1915 г. верховное главнокомандование Вооруженными силами осуществлял император Николай II. «Личное руководство» императора и присутствие его свиты на театре военных действий не оказало благотворного влияния на повышение боеспособности армии. Одновременное руководство армией и государственными делами отрицательно сказывалось на результатах обеих сфер. Подсчитано, что из 19 месяцев пребывания на посту Верховного главнокомандующего 9 месяцев царь находился в Ставке, 6 – в столице, 4 – в разъездах между Могилевом, Царским Селом и Петроградом².

Назначение Николаем II самого себя Верховным главнокомандующим А.А. Брусилов назвал «добавлением ко всем остальным бедствиям»³. В этих пяти словах заключена очень точная «аттестация» Николая II, как Главковерха.

При Верховном главнокомандующем состоял штаб, который включал ряд управлений, ведавших разработкой оперативных вопросов, организацией разведки, укомплектованием войск фронтов и обеспечением их главными видами довольствия, назначениями командного состава, руководством путей сообщения на театре военных действий, осуществлением взаимодействия сухопутных сил с флотом, а также многими другими. Должность начальника штаба Верховного главнокомандующего занимал генерал

¹ Свод законов Российской империи: свод основных государственных законов. СПб., 1906. Т. 1. Ч. I. С. 4, 5.

² Новейшая история Отечества. XX век: учебник для вузов: в 2 т. / под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. 1999. Т. 1. С. 180.

³ Брусилов А.А. Мои воспоминания. Минск, 2002. С. 258.

М.В. Алексеев, выдающийся стратег, обладающий невероятной работоспособностью¹.

Необходимо подчеркнуть, что из воевавших государств только Россия с начала Первой мировой войны имела между Верховным главнокомандующим и руководством армиями промежуточную командную инстанцию в виде фронтового командования².

Военная стратегия Николая II как Верховного главнокомандующего носила крайне пассивный характер. Наступательные операции предпринимались редко и не достигали поставленных целей. За 19 месяцев командования императора Северный и Западный фронты, перемещаясь на восток, оставили врагу обширные территории Белоруссии и Украины. Верховный главнокомандующий не смог воспользоваться успехами Кавказской армии в Северо-Восточной Турции и Персии. Босфорская операция осталась незавершенной³.

До марта 1917 г. император как глава государства имел высшие полномочия в вопросах военно-кадровой политики. Именно он подписывал все законы, указы, решения Военного Совета, относившиеся к сфере расстановки и комплектования офицерского корпуса.

¹ См., например: *Лемке М.К.* 250 дней в царской Ставке (25 сентября 1915–2 июля 1916). Пг., 1920. С. 43–44; *Данилов Ю.Н.* На пути к крушению // *ВИЖ.* 1991. № 10. С. 70; *Алексеева-Барель В.* Сорок лет в рядах русской императорской армии: Генерал М.В. Алексеев. СПб., 2000. С. 328–343, 404–421; *Залесский К.А.* Первая мировая война: правители и военачальники: Биогр. энц. сл. М., 2000. С. 62–65; *Португальский Р.М., Рунов В.А.* Верховные главнокомандующие Отечества. М., 2001. С. 107–151.

² Командующие фронтами: Северного – (генерал от кавалерии П.А. Плеве, генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин), генерал от инфантерии Н.В. Рузский; Западного – генерал от инфантерии А.Е. Эверт; Юго-Западного – (генерал от артиллерии Н.И. Иванов) генерал от кавалерии А.А. Брусилов; Румынского – генерал от кавалерии В.В. Сахаров; Флотов: Балтийского – (вице-адмирал В.А. Канин) вице-адмирал А.И. Непенин; Черноморского – (адмирал А.А. Абергард), контр-адмирал А.В. Колчак – высокопрофессиональные военные специалисты, прошедшие военные компании Русско-турецкой, Русско-японской войн, имевшие блестящее военное образование, колоссальный боевой опыт.

³ Имеется в виду наступательная операция в полосе Юго-Западного фронта, начавшаяся 2 мая 1916 г. в которой Русской армии противостояли австро-венгерские армии. – *Г.И.*

Много правовых актов было введено личными указами царя. В целом анализ полномочий императора и его деятельности по решению кадровых проблем показал, что глава государства придавал формированию офицерского корпуса одно из первостепенных значений.

Николай II практически участвовал в регулировании служебного роста офицеров. Император ежедневно принимал решения по кадровым вопросам. Он утверждал кандидатские списки на повышение в чинах и должностях офицеров. Его личной прерогативой было присвоение всех офицерских званий и назначение на высшие военные посты.

Гвардейские же части вообще были недоступны вмешательству даже со стороны командующих фронтами в вопросы назначения или смещения командиров, и именно там, по свидетельству А.А. Брусилова, были произведены самые неудачные кадровые назначения – командир I Гвардейского корпуса Великий князь Павел Александрович, который ничего не понимал в военном деле; командир II Гвардейского корпуса Гаук, терявший в боевой обстановке присутствие духа. Гвардейские части шли в атаку любой ценой, не считаясь с потерями¹.

Значительные промахи у императора были и в области внешней политики. Россия попала в зависимость от иностранных кредитов, она несла основную тяжесть войны, но среди стран Антанты была лишь на третьем месте, и император не смог добиться усиления роли России.

Можно утверждать, что состояние Русской армии к 1917 г. отражало слабость страны в политической, социальной, экономической и культурной сферах. Русские солдаты отличались мужеством и упорством, но огромные людские силы часто использовались военачальниками бездарно. Неэффективная организация порождала дефекты снабжения во всем – вооружении, амуниции, средствах связи, медицинском оборудовании. В России отсутствовало главное необходимое для войны индустриального века условие – компетентное экономическое планирование. Бездумно мобилизовывались квалифицированные рабочие. Невоенные отрасли промышленности пришли в упадок довольно быстро, озлобляя страдающее население. Отсутствие промышленных товаров лишило стимула сельскохозяйственных производителей.

¹ Брусилов А.А. Указ. соч. С. 247.

Запасы продовольствия сосредотачивались на частных складах, император не смог добиться их передачи на удовлетворение потребностей народа и армии. Огромная страна не имела четко контролирующего механизма. Все эти факторы отрицательным образом сказывались на боеспособности армии.

Аналитический материал, изложенный выше, дает определённые основания для следующих обобщений. Во-первых, Россия, не имея подлинной, воодушевляющей народ общенациональной цели, оказалась вовлеченной в полномасштабную войну, требующую привлечения всех ее ресурсов. Эта ситуация была бы, возможно, терпимой в случае скоротечной войны, но напряжение нескольких лет и потери, исчисляемые миллионами человеческих жизней, делали сомнительной моральную обоснованность жертв.

Во-вторых, политический режим самодержавия оказался неспособным справиться с кризисом в условиях участия в мировой войне. Это и дало основание величайшему российскому философу Н.А. Бердяеву писать: «Разложение императорской России началось давно. Ко времени революции старый режим совершенно разложился, исчерпался и выдохся. Война dokonчила процесс разложения. Нельзя даже сказать, что Февральская революция свергла монархию в России, монархия в России сама пала, ее никто не защищал, она не имела сторонников»¹. Процесс разложения в небольшой степени коснулся и армии. Тенденции разложения армии прогрессировали.

В-третьих, несмотря на бурный подъем военно-промышленного производства в стране правительству не удалось добиться четкого своевременного обеспечения фронтов как необходимым вооружением, так и довольствием.

В-четвертых, отсутствие политической стабильности в стране, нехватка товаров первой необходимости, вызванная переводом экономики на военные рельсы, сказались на ухудшении морально-психологического состояния населения и армии, способствовали росту антивоенных настроений;

В-пятых, тенденция потери армией боеспособности приобрела устойчивый характер. Более того, латентные процессы падения морального духа офицерства и особенно солдат, все чаще прорывались наружу.

¹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 110, 111.

Таким образом, к моменту падения самодержавия в 1917 г. Русская армия в силу объективных и субъективных факторов стала активным субъектом революционных событий в стране.

В.В. Канищев, В.В. Канищев

Судьбы офицеров одного гарнизона в Революции 1917 года и Гражданской войне (по материалам Тамбова)

Офицерство российской императорской армии начала XX в. в советской историографии было одним из наименее изученных слоев общества. В первую очередь сказывались коммунистические идеологические установки, в соответствии с которыми «золотопогонники» считались злейшими врагами советской власти. Определенную роль играла ограниченная доступность для советских историков источников, которые отложились или были опубликованы за рубежом.

В период «оттепели», как выразились П.И. Гришанин и В.Д. Зими́на, исследование социальной базы Белого движения стало приближаться к научному анализу фактического материала¹. Однако, на наш взгляд, это приближение явно затянулось, и «массы» белого офицерства в 1960–1980-е гг. не изучались. В конце 1980-х гг. П.Г. Горелов и Ю.А. Поляков призвали историков Гражданской войны сконцентрировать свои усилия на изучении социального происхождения и имущественного положения российского офицерства, сражавшегося с большевиками².

Однако и в настоящее время главным образом изучаются судьбы только высших военных и идейных руководителей Белого движения. Одним из редких примеров относительно массовой выборки и социологической обработки данных о белом офицерстве является анализ А.Г. Кавтарадзе 71 послужного списка офицеров-

¹ *Гришанин П.И., Зими́на В.Д.* «Падения» и «взлеты» Белого движения в отечественной историографии. Пятигорск, 2008. С. 45.

² *Горелов Г.П.* Они вернулись и не уйдут. Предисловие // Белое движение. Начало и конец. М., 1990. С. 8; *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России (поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2. С. 109.

руководителей Добровольческой армии¹. Но и эта выборка не затрагивала основные массы офицерства.

В 2000-е гг. появились очень интересные базы данных об офицерстве С.В. Волкова². Обработка таких мегаданных с помощью математико-статистических методов и информационных технологий в перспективе может стать важным направлением изучения истории Гражданской войны. Пока мы отметим, что волковские базы при всей их обширности ограничены в том отношении, что главным образом хранят информацию об офицерах Белого движения. Мы полагаем, что было бы интересно выяснить судьбы офицеров дореволюционной армии, которые в ходе военно-революционных событий 1914–1922 гг. оказались в разных лагерях или вообще вне военно-политических лагерей.

Наша статья представляет собой попытку показать возможности использования метода когортного анализа для определения судеб конкретной группы российских офицеров. В данном случае когортой послужили офицеры одного гарнизона на конкретный начальный «год измерения» – 1914 г. Такая выборка является не случайной и естественной. Ее во многом можно считать типологической, поскольку в Тамбове, как и других губернских городах, располагались воинские части основных родов войск (пехоты, кавалерии, артиллерии), органы военного управления и инфраструктуры, служили офицеры, военные чиновники, врачи и т.д. разных чинов. В отличие от столичных и подстоличных гарнизонов здесь на офицерской службе практически не было представителей знатных российских дворянских родов. Судя по всему, в массе своей это были офицеры-служаки, на которых обычно и держится любая армия.

По данным «Адрес-календаря Тамбовской губернии на 1914 г.», в губернском городе на службе находилось 270 офицеров. В ходе обработки привлеченных источников удалось выявить судьбы 48 офицеров Тамбовского гарнизона в 1917–1922 гг. Конечно, данные о жизненном пути менее 20 % изученной выборки недостаточны для широких статистических подсчетов. Но, полагаем, они достаточны для выявления разнообразных «траекторий» движения

¹ *Кавтападзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. М., 1988.

² URL: <http://погибшие.pdf/архив/uchastniki-grazhdanskoj-vojny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-aa-av.html>.

по жизни в военно-революционную эпоху дореволюционных офицеров типичного гарнизона. Тем более, когортный анализ отчасти предполагает самоценным проследить жизненный путь любого отдельного члена когорты.

Возможно, полученные на данный момент «скромные» количественные результаты когортного анализа связаны не только с ограниченностью информационной базы исследования, но и с тем, что какая-то часть офицеров погибла на фронтах Первой мировой и Гражданской войн или просто перешла в разряд «мирных обывателей». Соответственно они не попали в источники, зафиксировавшие главным образом судьбы офицеров, переживших войны.

На данный момент нам удалось установить гибель 3-х бывших тамбовских офицеров на фронтах Первой мировой войны и расстрел 1 офицера как участника Белого движения в конце Гражданской войны.

Н.Е. Какурин привел выдержки из разведсводок о состоянии офицерства белых армий, которое боится фронта, переутомлено боями, стремится приспособиться в тылу¹. «Отбросив» классовый подход советского автора, позволим утверждать, что такие настроения были свойственны многим бывшим офицерам, которые не хотели служить не только белым, но и красным.

Изученные источники содержат минимальные сведения о месте бывших тамбовских офицеров в событиях 1917 г. (максимум 9 упоминаний). Точно известно, что на фронте находилось 7 человек, в тыловых частях вне Тамбова – 2 человека. По спискам избирателей в Учредительное собрание по Тамбову числилось 14 оставшихся в городе офицеров предвоенного гарнизона. Но точно установить их службу в тылу или пребывание в отставке невозможно. Так, о Н.Н. Радецком, бывшем в 1914 г. Тамбове капитаном 7-й артиллерийской бригады известно, что в марте 1917 г. он в чине полковника со своей бригадой находился на фронте². В сентябре он числился в списках избирателей в Учредительное собрание по городу Тамбову, т.е. уже жил дома. Но продолжал ли он служить неизвестно.

¹ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 1. М., 1990. С. 151.

² Военный орден святого великомученика и победоносца Георгия; Клепов М.Ю. Офицеры – Георгиевские кавалеры Первой мировой войны. Мартиролог. М., 2015.

Непосредственное участие представителей офицеров Тамбовского гарнизона в революционных событиях 1917 г. практически неизвестно. Мы знаем только о военной службе некоторых из них в этот период.

Бывший в Тамбове начальником 7-й артиллерийской бригады генерал-майор А.Е. Горбачевич к 1917 г. стал генерал-лейтенантом, инспектором артиллерии 5-го армейского корпуса. Последнее упоминание о его службе относится к апрелю 1917 г.¹ Ф.В. Идзиковский (в 1914 г. в Тамбове – штабс-капитан 27-го пехотного Витебский полка, вместе с полком ушел на фронт) за годы войны дослужился до полковника в июне 1917 г. являлся командиром 408-го пехотного Кузнецкого полка². И.Н. Соловцов в 1914 г. в Тамбове был командиром роты 28-го пехотного Полоцкого полка в чине капитана. За годы 1-й мировой войны дослужился до полковника. В марте 1917 г. занимал должность командира 233-го Старобельского пехотного полка³. Б.И. Пересветов, который в 1914 г. служил в Тамбове капитаном в 7-й артиллерийской бригаде, в самом начале 1917 г. в том же чине являлся старшим адъютантом оперативного отделения штаба Або-Оландской укрепленной позиции. Летом 1917 г. дослужился до подполковника, состоя на штабной службе в 11-й армии⁴. Поручик, дислоцированного в 1917 г. 27-го пехотного Витебского полка, П.П. Петров в 1917 г. стал подполковником, в августе был в должности старшего адъютанта генерала-квартирмейстера 1-й армии⁵. А.К. Климовецкий, состоявший в 1914 г. в 7-м запасном кавалерийском полку в Тамбове штаб-ротмистром, в начале 1917 г. являлся старшим адъютантом штаба 5-го кавалерийского корпуса⁶.

Только двое тамбовских офицеров 1914 г. во время революции оказались на службе в других местах тыла. А.В. Луканов, в 1914 г.

¹ *Залесский К.А.* Кто был кто в Первой мировой войне. М., 2003.

² URL: <http://ria1914.info>

³ *Волков С.В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. В 2-х тт. М. 2012.

⁴ *Ганин А.В.* Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. М., 2010.

⁵ *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны. М., 2003; Военный орден святого великомученика и победоносца Георгия.

⁶ *Кавтарадзе А.Г.* Военспецы на службе Республики Советов.

являвшийся поручиком 28-го пехотного Полоцкого полка, видимо, мечтая о дальнейшей службе, в 1917 г. окончил ускоренные курсы Николаевской военной академии и затем в чине штабс-капитана был направлен в 3-ю Заамурскую пограничную пехотную дивизию¹. М.Е. Пржелуцкий, служивший в Тамбове командиром 28-го пехотного Полоцкого полка, в годы мировой войны командовал своим полком на фронте. Затем он стал начальником 17-й пехотной запасной бригады, дислоцированной в Перми. Челябинский историк В.И. Романов назвал Пржелуцкого в числе первых арестованных в мартовские дни на Урале воинских начальников². Но, видимо, генерал недолго побыл в роли «жертвы» Февральской революции. В апреле 1917 г. он был назначен в резерв чинов при штабе Казанского военного округа.

С большой долей вероятности можно предполагать, что основная часть офицерства заметно не втягивалась в революционные события, продолжала заниматься обычной служебной деятельностью, тем более находясь на фронте. Определенным подтверждением этой мысли являются факты того, что почти все перечисленные выше участники Первой мировой войны из бывших офицеров Тамбовского гарнизона к 1917 г. выросли в чинах и должностях. Обычно это свидетельствует о добросовестной, умелой и отважной воинской службе и соответственно о пребывании вне политики.

Как и следовало ожидать, даже в сравнительном узком круге бывших офицеров Тамбовского гарнизона оказались люди разных судеб, которые в 1918–1922 гг. оказались в рядах и Красной, и Белой армий.

Конечно, сразу нужно оговориться, что сведения послевоенных источников о добровольном вступлении ряда царских офицеров в Красную Армию сложно проверить. В автобиографиях красных командиров было принято подчеркивать добровольность такого вступления. Хотя очевидно, что нередко это решение носило ситуативный характер.

¹ Кавтарадзе А.Г. Николаевская военная академия при Временном правительстве // Военно-исторический журнал. 2002. № 9; Тинченко Я. Офицерский корпус армии Украинской Народной Республики. Киев, 2007.

² Романов В.И. Армейские гарнизоны Урала в революционных событиях первой половины 1917 года // Вестник Челябинского университета. 2007. № 11. С. 61.

Формально одним из первых среди бывших тамбовских офицеров (в 1914 г. поручик, адъютант командира дивизиона 7-й артиллерийской бригады) оказался в Красной Армии Б.И. Кузнецов. Об этом свидетельствует факт его пребывания в должности помощника главного руководителя обороны Петрограда и подступов к нему, которая происходила в феврале 1918 г. Он мог оказаться в этом качестве просто потому, что служил в столице и продолжал воевать с немцами. Первоначально не особо задумывался над тем, что его часть уже числится в составе только создающейся Красной Армии.

Другое дело, что позже Б.И. Кузнецов сознательно остался служить на стороне Советской власти. В 1918 г. он занимал различные экспертные должности, в том числе военного эксперта при делегации Наркомата по военным делам для переговоров с германской «главной квартирой». Затем состоял на службе в штабе РВСР. В 1919 г. Б.И. Кузнецов оказался под арестом по делу о белогвардейской организации в Полевом штабе РВСР (дело И.И. Вацетиса), но был освобожден и возвращен к месту службы. В 1920 г. стал завучем нижегородских пехотных курсов, а затем заведующим 3-ми Казанскими пехотными курсами. В 1920–1921 гг. в качестве начальника штаба 11-й Красной Армии участвовал в установлении Советской власти в Закавказье¹.

Уже в марте 1918 г. начальником оперативного отдела штаба Рязанского отряда Красной Армии стал В.М. Цейтлин. В 1914 г. в Тамбове он был поручиком 7-й артиллерийской бригады. В годы Гражданской войны занимал различные руководящие должности в штабах, воинских соединениях, военных управлениях, начал преподавать в Военной Академии РККА².

Н.Е. Варфоломеев, который в Тамбове в 1914 г. был поручиком 28-го пехотного Полоцкий полка, добровольно вступил в

¹ Список лиц с высшим общим военным образованием состоящих на службе в РККА по данным на 01.03.1923. М., 1923; *Кавтарадзе А.Г.* «Советское рабоче-крестьянское правительство признало необходимым и учреждение... высшего военно-учебного заведения» // Военно-исторический журнал. 2002. № 10. С. 32–40.

² Список лиц с высшим общим военным образованием состоящих на службе в РККА по данным на 01.03.1923; *Кавтарадзе А.Г.* *Военспецы на службе Республики Советов.* М., 1988.

РККА также в марте 1918 г. и был причислен к Генеральному штабу. В июне получил назначение в демаркационную комиссию для участия в работе по проведению границ между Россией и Германией согласно Брестскому мирному договору. В 1918–1920 гг. находился на штабных должностях уровня дивизий и армий. В 1921 г. стал 1-м помощником начальника оперативного управления штаба Западного фронта.

В мае 1918 г. добровольно вступил в РККА А.К. Климовецкий. Накануне 1-й мировой войны он служил в Тамбове штаб-ротмистром 7-го запасного кавалерийского полка. В 1918–1921 гг. он занимал руководящие штабные должности в разных дивизиях Красной Армии. В 1919 г. Климовецкий стал преподавателем Тверских кавалерийских курсов, а в 1921 г. помощником начальника по учебной части 4-й кавалерийской школы в Твери¹.

Про Д.Ю. Донченко (в 1914 г. подпоручик 27-го пехотного Витебского полка) и Б.А. Лачинова (в 1914 г. подпоручик 7-й артиллерийской бригады) известно только то, что в Красной Армии они состояли с 1918 г.².

Еще менее точны сведения о М.Д. Васюковиче, который в 1914 г. в Тамбове в чине капитана занимал должность завхоза 7-й артиллерийской бригады. В некоторых источниках сообщается, что после революции он стоял у истоков военной разведки, был консультантом Агентурного отдела Регистрационного (разведывательного) управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики. Казалась бы, очень необычная карьера для бывшего завхоза. Однако более подробное изучение биографии М.Д. Васюковича показывает, что он был реальным боевым офицером, мужественно и умело сражавшимся на фронтах Русско-японской и Первой мировой войн. Должность завхоза артбригады в Тамбове, видимо, была для него временной, связанной с контузией на войне с Японией³.

Б.И. Пересветов, который в Тамбове служил капитаном в 7-й артиллерийской бригаде, добровольно вступил в РККА в конце

¹ Список лиц с высшим общим военным образованием состоящих на службе в РККА по данным на 01.03.

² БД «Жертвы политического террора в СССР»; Москва, расстрельные списки – Коммунарка. URL: http://vladimir-safir.narod.ru/book_03-1.html.

³ URL: <http://vitebskcity.info/nash-kraj/peoples/georgievskie-kavalery-beloj-rusi-mihail-danilovich-vasyutovich.html>.

1918 г., был начальником штаба 11-й армии, в 1921 г. находился в распоряжении Разведупресп¹.

О П.П. Чевкине, который в 1914 г. служил в Тамбове поручиком 7-й артиллерийской бригады, известно только то, что он находился в Красной Армии с 1918 г., участвовал в боях Гражданской войны против Юденича².

Очень необычной оказалась судьба П.П. Петрова, бывшего во время службы в Тамбове поручиком 27-го пехотного Витебского полка. Весной 1918 г. он поступил на службу в РККА, служил в управлении Поволжского военного округа. В Самаре, с освобождением города от большевиков, поступил на службу в Народную армию Комуча, стал командиром 3-го Самарского стрелкового полка. В дальнейшем П.П. Петров оказался в армии адмирала А.В. Колчака, в 1918–1919 гг. занимал крупные штабные должности, дослужился до полковника. Во время Сибирского Ледяного похода он был назначен на пост командующего 3-й армией (декабрь 1919 г.), но командование ее частями не принял по причине их разбросанности, а затем расформирования армии. В 1920 г. Петров стал начальником снабжения Дальневосточной армии, затем начальником русской военной миссии на станции Маньчжурия, в 1920–1922 гг. воевал в составе различных белых воинских формирований на Дальнем Востоке. После Гражданской войны он жил в эмиграции в Китае³.

Если считать и не сразу «определившего» П.П. Петрова, то в Красной Армии, по выявленным данным, оказалось только 9 бывших офицеров Тамбовского гарнизона. Несколько большее число представителей этой когорты стало участниками Белого движения.

П.П. Апрелев в 1914 г. являлся командиром дислоцированного в Тамбове 7-го запасного кавалерийского полка в чине генерал-

¹ Ганин А.В. Корпус офицеров Генерального штаба в годы Гражданской войны 1917–1922 гг. М., 2010; Список лиц с высшим общим военным образованием состоящих на службе в РККА по данным на 01.03.1923. М., 1923.

² URL: http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Ch_kn.html.

³ Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны; Военный орден святого великомученика и победоносца Георгия.

майора. Став участником Белого движения в составе Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), в начале 1920 г. состоял в должности председателя 3-й ремонтной кавалерийской комиссии¹.

Известно также об участии в Гражданской войне в составе ВСЮР уже упоминавшихся М.Е. Пржелуцкого, И.Н. Соловцова, а также И.Д. Ахшарумова (в Тамбове – штабс-капитан 7-й артиллерийской бригады)², В.В. Келлера (в 1914 г. – подпоручик 28-го пехотного Полоцкого полка)³, Ю.В. Рихтера (в 1914 г. – подпоручик 27-го пехотного Витебского полка)⁴, С.Я. Тимофеева (в 1914 г. – ротмистр 7-го запасного кавалерийского полка)⁵, Л.А. Тучемского (в 1914 г. – штаб-ротмистр 7-го запасного кавалерийского полка)⁶, А.В. Филатова (в 1914 г. – ротмистр 7-го запасного кавалерийского полка)⁷.

Среди участников Белого движения в других регионах России выявлены В.М. Малыхин (в 1914 г. – подполковник 7-й артиллерийской бригады) – Восточный фронт, эмиграция в Китай⁸, В.В. Милевский (в 1914 г. – поручик 28-го пехотного Полоцкого полка) – Северо-Запад, отряд кн. Ливена, эмиграция в Германию⁹, Е.И. Афанасьев (в 1914 г. – поручик 7-й артиллерийской бригады) – Европейский Север России, плен под Архангельском, расстрел в 1921 г.¹⁰, А.А. Немирович-Данченко (1914 г. – штаб-ротмистр 7-го запасного кавалерийского полка)¹¹, Н.Ф. Высоцкий

¹ Волков С.В. *Офицеры российской гвардии*. М., 2002.

² URL: <http://погибшие.рф/архив/участники-grazhdanskoj-voyny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii.html>.

³ Сборник воспоминаний бывших питомцев корпуса. Париж, 1965. С. 216.

⁴ URL: <http://погибшие.рф/архив/участники-grazhdanskoj-voyny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-rzh-rs.html>.

⁵ Там же.

⁶ Волков С.В. *Офицеры армейской кавалерии*. М., 2002.

⁷ URL: <http://погибшие.рф/архив/участники-grazhdanskoj-voyny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-f.html>.

⁸ База данных участников Белого движения и русской эмиграции С.В. Волкова.

⁹ Волков С.В. *Офицеры армейской кавалерии*.

¹⁰ URL: <http://погибшие.рф/архив/участники-grazhdanskoj-voyny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-au-aya.html>.

¹¹ URL: <http://reibert.info/threads/personalii.91511/page-15>.

(в 1914 г. – полковник 7-й артиллерийской бригады)¹, С.И. Богданович (в 1914 г. – полковник, командир 27-го пехотного Витебского полка), в 1918 г. в списке офицеров генштаба Украинской Державы обозначен как Генеральный хорунжий², А.В. Луканов (в 1914 г. – поручик 28-го пехотного Полоцкого полка), в 1918 г. в армии Украинской Державы³.

Совершенно не типичной оказалась судьба К.А. Степанова (в 1914 г. – ротмистр 7-го запасного кавалерийского полка), который до 19120 г. служил полковником в Вооруженных силах Юга России, затем оказался на особом учете в Екатеринбургской ЧК, и, наконец, по непонятным причинам стал числиться в резерве чинов Московского военного округа⁴. Конечно, такие непонятные метаморфозы могут быть связаны с неточностями источников. Но в принципе на большой войне бывает все.

Изученные материалы в очередной раз подтвердили силу социально-политического взрыва, потрясшего Россию в 1914–1922 гг., который даже небольшую группу офицеров одного гарнизона разбросал по огромной территории Евразии. Нашло дополнительное подтверждение и сделанное нами в свое время наблюдение о том, что городские средние слои (а основная масса офицерства с точки зрения социальной стратификации относилась именно к этим слоям) в период Революции 1917 г. и Гражданской войны действовали главным образом ситуационно, приспособляясь к окружающей ситуации, нежели делая четко осознанный вывод⁵.

Конечно, для дальнейших исследований необходимо расширение количества изучаемых людей и особенно более четкое определение факторов их поведения в суровых военно-революционных условиях.

¹ Волков С.В. Энциклопедия Гражданской войны. Белое движение. СПб., 2003.

² Тинченко Я. Офицерский корпус армии Украинской Народной Республики. Киев, 2007.

³ Кавтарадзе А.Г. «Николаевская военная академия при Временном правительстве» // Военно-исторический журнал. 2002. № 9; Тинченко Я. Офицерский корпус армии Украинской Народной Республики.

⁴ URL: <http://погибшие.рф/архив/uchastniki-grazhdanskoj-vojni/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-au-aya.html>.

⁵ Канищев В.В. Городские средние слои в период формирования основ советского общества, октябрь 1917–1920 гг.: По материалам Центра России: дис. ... докт. ист. наук. М., 1998.

**Проблема складывания взаимоотношений между
представителями командного состава Западного
Чехословацкого фронта Красной армии
в конце мая – начале июня 1918 года¹**

Начало широкомасштабной Гражданской войны в России в середине 1918 года, вызванное выступлением Чехословацкого корпуса, потребовало приведения находившихся на востоке страны вооруженных сил советского правительства в соответствие с иерархичной организационной структурой, необходимой для более эффективного управления войсками. Данный процесс предполагал выстраивание взаимоотношений между командованием отдельных звеньев системы, которое сопровождалось рядом трудностей, обусловленных характером поведения руководства, принявшего решение под влиянием определенных факторов.

Прежде всего, следует отметить большое количество представителей власти, находившихся как в Москве, так и в Среднем Поволжье, и обладавших реальными или мнимыми полномочиями в области управления воинскими формированиями. Например, целый комплекс противоречий возник между центральными и местными органами, последними из которых являлись чрезвычайные военно-революционные штабы, созданные для обороны Пензенской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерний от чехословаков². Так, в Рузаевке Пензенской губернии, куда после захвата противником Пензы 29 мая 1918 года эвакуировалось губернское руководство во главе с В.В. Кураевым, был укомплектован «штаб войск Пензенского района действующих против чехословаков»³.

¹ Подробнее о Западном Чехословацком фронте см.: Наумов Е.О. Западный Чехословацкий фронт в июне 1918 года (создание, структура, особенности управления) // Международные отношения на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и современность: материалы междунар. науч. конф. Архангельск, 2015. С. 153–162.

² *Троцкий В.В.* Революция 1917–1918 гг. в Самарской губернии: (хроника событий): в 2 т. Самара, 1929. Т. 2. С. 96; 1918 год на родине Ленина. Куйбышев, 1936. С. 322.

³ Центральный государственный архив Республики Мордовия (далее – ЦГА РМ). Ф. Р–37. Оп. 1. Д. 26. Л. 165, 194 об.

Необходимость организации данных штабов была обусловлена тем, что процесс создания окружных и губернских военных комиссариатов в регионе находился на начальной стадии.

Указанные органы занимались отправкой войск в район выступления Чехословацкого корпуса, а также, в некоторых случаях, осуществлением общего руководства боевыми действиями против мятежников. Так, частями и отрядами Красной армии, находившимися в Рузаевке, Пензе и Сызрани, некоторое время командовал начальник Рузаевского штаба по борьбе с чехословаками В.В. Кураев. Это было обусловлено длительным отсутствием на месте событий А.Ф. Мясникова, назначенного приказом Народного комиссара по военным делам Л.Д. Троцкого от 31 мая 1918 года командующим Чехословацким фронтом¹, который прибыл в Пензу и официально вступил в должность только 4 июня 1918 года².

Из-за острой нехватки вооруженных сил в Среднем Поволжье чрезвычайные военно-революционные штабы вынуждены были обращаться за помощью к властям соседних губерний и уездов, а также Оперативному отделу Наркомвоена, сотрудники которого во главе с С.И. Араловым по причине слабого понимания обстановки в регионе первоначально игнорировали указанные требования. В результате со стороны местных органов в разные инстанции стали поступать жалобы на нераспорядительность центра. Так, в телеграмме от 29 мая 1918 года В.В. Кураев сообщал председателю Совета народных комиссаров В.И. Ленину, что «город (Пенза – Е.Н.) пал, не дождавшись помощи из центра»³. В очередной телеграмме главе советского правительства от 31 мая 1918 года В.В. Кураев докладывал: «Если бы военный комиссариат поинтересовался серьезнее соотношением сил, возможностью своевременной присылки помощи и прочего, то, может быть, того, что произошло, не было бы»⁴.

¹ Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). М., 1969. С. 95.

² Российский государственный военный архив (далее – РГВА). Ф. 106. Оп. 7. Д. 4. Л. 2, 12 об.

³ Цит. по: *Корсаков И.М.* Из истории Рузаевской организации КПСС. Саранск, 1970. С. 18.

⁴ Цит. по: *Кураев В.В.* ... об одном из тех, кто был уничтожен. М., 1999. С. 98.

Кроме того, работники Оперативного отдела Наркомвоена пытались самостоятельно осуществлять командование направляемыми в Среднее Поволжье войсками, что вызывало определенное недовольство со стороны сотрудников местных органов, критиковавших качественную сторону данного процесса. В цитируемой выше телеграмме В.И. Ленину В.В. Кураев сообщал о происходящем в военном комиссариате хаосе – полное незнакомство с военным делом, невнимательное отношение к ситуации, халатность, что приводило к разноречивым распоряжениям¹.

Помимо этого обращалось внимание на негативные последствия «двоевластия», также возникавшие по причине незнания обстановки в регионе. Так, председатель Пензенского губернского совета А.Е. Минкин 1 июня 1918 года телеграфировал в Москву, что «распоряжения о фронте исходят из двух мест, что, конечно, не может не отразиться губительно на всем плане». Например, из-за повреждения железнодорожного пути между Пензой, где сосредотачивались прибывавшие части и подразделения Красной армии, и Сызранью, где находились войска Чехословацкого корпуса, В.В. Кураев планировал начать переброску формирований в район боевых действий через Рузаевку. Однако, 1 июня 1918 года в разговоре по прямому проводу с Оперативным отделом В.В. Кураев сообщил, что Балашовский отряд был отправлен из Пензы в Сызрань через Кузнецк «без моего ведома»².

Похожий случай неприемлемого вмешательства центрального руководства в деятельность местного командования описал в телеграмме от 1 июня 1918 года А.Е. Минкин, сообщавший, что отправка находившегося в Пензе сводного отряда Пятницкого в район боевых действий, где оперировал отряд ВЧК Д.И. Попова, намеренно задерживалась сотрудниками Оперативного отдела. Поэтому В.В. Кураев не только настаивал на прекращении подобных действий, осуществлявшихся без согласования с властями на местах, но и предлагал подготовить приказ за подписью Л.Д. Троцкого «о полном подчинении [войск] мне [,] иначе работать невозможно»³.

В итоге, 2 июня 1918 года приказами Л.Д. Троцкого и командующего Западным Чехословацким фронтом А.Ф. Мясникова вре-

¹ Там же.

² РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 41. Л. 43, 63–64 об.

³ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 41. Л. 43, 63–64 об., 77.

менное руководство вооруженными силами было передано председателю Рузаевского штаба по борьбе с чехословаками¹, что, по мнению В.В. Кураева, должно было благоприятным образом сказаться на качестве управления. Однако из-за целого ряда факторов, среди которых большую роль сыграли противоречия между представителями местных властей и командования, планируемый исход событий был с самого начала поставлен под вопросом.

Например, В.В. Кураев, активно критиковавший за нераспорядительность Народный комиссариат по военным делам, а также требовавший сосредоточения командных функций в своих руках, на протяжении всего периода самостоятельного руководства войсками вел себя весьма нерешительно. В телеграмме В.И. Ленину от 31 мая 1918 года, сообщая о начавшемся отходе чехов из Пензы, он просил освободить его от работы в городе². Однако в ответном послании председатель СНК говорил о недопустимости покидания своего поста «до приезда Мясникова и до сдачи всех дел»³. Поэтому В.В. Кураев согласился остаться на месте событий «до тех пор, пока не будет заместителя»⁴. Тем не менее, в телеграмме С.И. Аралову, отправленной в конце мая – начале июня 1918 года, В.В. Кураев спрашивал, будет ли он командовать войсками после прибытия А.Ф. Мясникова, в надежде как можно быстрее избавиться от навязанных полномочий⁵. И даже после того как 2 июня 1918 года В.В. Кураев фактически стал командующим фронтом, в этот же день, «будучи глубоко штатским человеком», он поспешил передать управления войсками в районе Сызрань – Батраки, где велись основные боевые действия, начальнику отряда ВЧК Д.И. Попову⁶.

Кроме того, местное руководство не обладало достаточным авторитетом для начальников частей и подразделений Западного Чехословацкого фронта, которые по причине низкого уровня дисциплины и отсутствия малейших представлений о субординации отказывались подчиняться вышестоящему командованию и стре-

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 28. Л. 37; Там же. Оп. 4. Д. 41. Л. 43; Там же. Ф. 151. Оп. 2. Д. 2. Л. 2.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 50. С. 430.

³ Там же. С. 84.

⁴ Цит. по: Корсаков И.М. Рузаевка. Исторический очерк. Саранск, 1974. С. 42.

⁵ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 41. Л. 23.

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 3. Д. 76. Л. 25; Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 4. Л. 12.

мились управлять вооруженными силами самостоятельно. Например, командир отряда ВЧК Д.И. Попов не только принимал «решения независимо от Кураева», но и в случае необходимости оказывал на него давление. Поэтому в телеграмме В.В. Кураеву от 5 июня 1918 года С.И. Аралов предписывал указать Д.И. Попову «на страшную опасность неподчинения»¹.

В переписке центральных и местных органов власти приводится достаточно много характеристик отдельных лиц командного состава, которые не только подтверждают вышеприведенный тезис, но и свидетельствуют о том, что без помощи сотрудников Оперативного отдела руководить данным контингентом было практически невозможно. Так, согласно донесениям А.Е. Минкина и А.Ф. Мясникова начальники частей и подразделений являлись ненадежными, вредящими делу элементами, авантюристами и демагогами². О командире Балашовского отряда Салонине В.В. Кураев докладывал, что это «зарвавшийся выскочка с огромными претензиями [...] открыто развратничающий. Я это наблюдал в Саратове. Человек сомнительной репутации». В итоге, согласно сообщению А.Е. Минкина от 2 июня 1918 года, было «решено с согласия Рау (сотрудника Оперативного отдела – Е.Н.) арестовать Салонина». Однако осуществить данную операцию не удалось, что лишний раз свидетельствует о неспособности местных властей справиться с командным составом. Весьма интересную оценку В.В. Кураев дал начальнику отряда ВЧК: «Попов [-] человек [...] с которым очень можно ладить, хотя он немного самолюбивый»³. Указанную черту характера Д.И. Попова также отмечал начальник Оперативного отдела С.И. Аралов в телеграмме В.В. Кураеву от 5 июня 1918 года⁴.

В результате процесс налаживания системы управления войсками происходил довольно медленными темпами. Несколько дней потребовалось только для того, чтобы сообщить начальникам частей и подразделений о назначении А.Ф. Мясникова командующим Западным Чехословацким фронтом. При этом по тону телеграмм и разговоров по прямому проводу можно сделать вывод о том, что представители командного состава не торопились выполнять распоряжения местного руководства, которое считало, что

¹ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 4. Л. 11 об.–12 об., 74–75.

² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 449. Л. 1; Там же. Оп. 4. Д. 41. Л. 63–64 об.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 41. Л. 69, 77, 126–127.

⁴ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 4. Л. 73–75.

только центральным властям удастся оказать на них влияние. Так, в докладе от 1 июня 1918 года А.Е. Минкин требовал от сотрудников Оперативного отдела «немедленно уведомить начальников отдельных отрядов, кто является главнокомандующим и кому они обязаны подчиняться». 2 июня 1918 года А.Е. Минкин вновь телеграфировал в Москву с просьбой передать начальникам отрядов, что «командующим назначен Мясников. Ему должны подчиняться все силы на фронте»¹.

В условиях слабой распорядительности центрального командования, неуверенности местного руководства, отсутствия сведений о назначениях главкома А.Ф. Мясникова и низкого уровня дисциплины начальников частей и подразделений среди последних стала проявляться тяга к координации действий путем формирования коллективных органов управления. 1 июня 1918 года А.Е. Минкин докладывал, что в Пензе командирами некоторых отрядов была создана военная коллегия, «которая занималась разработкой самостоятельных планов ведения кампании [...] не считаясь с общим планом и общим командованием». В.В. Кураев в записке от 2 июня 1918 года также упоминал об организации специального совета в составе 5 начальников отрядов, который в итоге распался. Это было связано с тем, что между отдельными лицами стали возникать конфликты за право осуществлять единое руководство, несмотря на то, что данные обязанности уже фактически выполнялись Д.И. Поповым. По словам В.В. Кураева, «Главковоерх[и] [никак] не одолеют один другого»².

Помимо перечисленных выше лиц и органов власти на единоличное командование военными силами фронта претендовал Саратовский полевой штаб во главе с членом Высшей военной инспекции А.Ф. Каменским, который прибыл в Сызрань в начале июня 1918 года. На передаче ему данных полномочий во избежание продолжения споров между начальниками отрядов, «оспаривающих друг у друга сладость «Главного командования», настаивали Саратовский военный руководитель В.П. Антонов и военный комиссар В.Н. Соколов в телеграмме от 2 июня 1918 года. При этом их аргументация была вполне обоснованной. Во-первых, в состав Полевого штаба входили специалисты Высшей военной инспек-

¹ Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 41. Л. 64, 69.

² Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 41. Л. 64, 77.

ции, имевшие необходимый в сложившейся ситуации опыт управления войсками. Во-вторых, А.Ф. Каменский, обладавший в отличие от В.В. Кураева решительностью и авторитетом, путем угроз смог подчинить своему влиянию некоторые отряды¹.

Тем не менее, указанные факторы не способствовали разрешению вопроса о едином «главнокомандующем». 2 июня 1918 года А.Е. Минкин сообщал в Москву о трениях между начальником Калужского отряда Е. Пятницким, начальником Саратовского штаба А.Ф. Каменским и командиром Балашовского отряда Салониным. Согласно сведениям Саратовского губернского военного комиссара В.Н. Соколова от 3 июня 1918 года, между А.Ф. Каменским и начальником отряда ВЧК Д.И. Поповым также имели место «большие недоразумения относительно командования»².

Стоит отметить, что подобные столкновения между представителями командного состава были характерны и для других районов боевых действий. О.М. Морозова следующим образом характеризует стиль руководства в отрядах партизанского типа, сражавшихся на Юге страны с Донской армией в районе станций Морозовская – Милютинская: «Оперативная обстановка потребовала единоначалия. На этом этапе оформления крупных боевых соединений действовали два разнонаправленных фактора: желание объединиться и страх потерять командное положение». При этом один из рабочих вспоминал, что «все хотели быть непременно главнокомандующими, даже звание командующего участком считалось недостаточно звучным»³.

Многочисленные конфликты между местными властями и начальниками частей и подразделений негативно сказывались на боевых действиях. Впоследствии в телеграммах А.Ф. Мясников неоднократно пытался показать свою непричастность к поражениям красноармейцев на поле боя, возлагая ответственность на предыдущее командование. Например, в разговоре сотрудников штаба главкома и работников Оперативного отдела от 5 июня 1918 года сообщалось, что «штаб Кураева еще не успел в полной мере координировать действия отдельных начальников»⁴. В телеграмме

¹ Там же. Л. 88–89.

² Там же. Л. 69, 100.

³ *Морозова О.М.* Антропология гражданской войны. Ростов н/Д., 2012. С. 166.

⁴ РГВА. Ф. 1. Оп. 4. Д. 41. Л. 149.

в Оперативный отдел от 6 июня 1918 года А.Ф. Мясников писал, что неудачи «уже имели место до нашего приезда». В телеграмме Л.Д. Троцкому и С.И. Аралову от 7 июня 1918 года А.Ф. Мясников также сообщал, что еще «до моего прибытия дело было испорчено настолько [, что] теперь нужно время»¹.

Однако, официальное вступление А.Ф. Мясникова в командование Западным Чехословацким фронтом 4 июня 1918 года не способствовало разрешению проблем, связанных с установлением субординационных взаимоотношений между руководством перечисленных элементов сложившейся весьма сумбурной организационной структуры вооруженных сил. Центральные органы власти по-прежнему продолжали вмешиваться в работу местного командования. Например, сотрудники Оперативного отдела неоднократно давали В.В. Кураеву «недопустимые ... инструкции немедленно переходить в наступление». В телеграмме С.И. Аралову от 6 июня 1918 года А.Ф. Мясников также сообщал, что «нельзя руководить операциями на Урале с Пречистенки, 37 (адрес здания, где располагался Народный комиссариат по военным делам – *Е.Н.*)»².

В одном из донесений В.В. Кураев сообщал, что Д.И. Попов, находившийся в тот момент в Сызрани, был «не совсем доволен приездом Мясникова», и поэтому ставил перед Л.Д. Троцким следующий ультиматум: «или Мясников непосредственно руководит операциями, тогда Попов не нужен, или Попов остается, а Мясников уезжает, так как ему нечего делать»³. Несмотря на то, что С.И. Аралов в телеграмме В.В. Кураеву от 5 июня 1918 года рекомендовал «определенно и строго поставить вопрос подчиненности командующему всех начальствующих над отрядами»⁴, изменить отношение последних к вышестоящей власти не удалось.

Более того, влияние отдельных руководителей воинских формирований было настолько большим, что А.Ф. Мясников вынужден был с ними считаться. Так, процесс организации Сызранской группы войск 6 июня 1918 года и назначение ее начальника проходило не только «вследствие предписания Главнокомандующего Западным Чехословацким фронтом», но «и с общего согласия командующих воинских частей». При этом, помимо командира

¹ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 4. Л. 10, 18.

² Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 4. Л. 10, 11 об.–12 об.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 41. Л. 126–127.

⁴ Там же. Л. 73–75.

Сызранской группы войск существовало общее собрание представителей частей, которое вмешивалось в управление вооруженными силами¹. Поэтому оказывать какое-либо воздействие на командиров А.Ф. Мясников уже не мог. Так, после неудачной попытки объявления себя главкомом, опровергнутой командующим Западным Чехословацким фронтом, начальник отряда ВЧК Д.И. Попов в ночь с 7 на 8 июня 1918 года вопреки указанию немедленно отправиться на поддержку Самаре, покинул боевой участок². Примечательно, что вслед за ним в тыл направились Казанский, Балашовский и Саратовский отряды, также отказавшиеся подчиняться А.Ф. Мясникову³.

Обращение командира Сызранской группы войск Маршина 12 июня 1918 года к войскам с призывом соблюдать дисциплину, порядок и беспрекословное повиновение ситуацию изменить не смогло⁴. Части и подразделения распадавшегося Западного Чехословацкого фронта стали отступать в западном направлении, уступив противнику Сызрань, а 18 июня 1918 года А.Ф. Мясников сдал свои полномочия вновь назначенному командующему Восточным фронтом М.А. Муравьеву, после чего начался новый этап создания Красной армии в регионе⁵.

Таким образом, основной особенностью складывания взаимоотношений между представителями командного состава иерархичной структуры вооруженных сил советского правительства являлось стремление руководства каждого из многочисленных звеньев к самостоятельности и независимости по отношению к вышестоящему начальству. При этом последнее по указанным причинам постоянно вмешивалось в работу местных властей, что только усиливало охарактеризованную тенденцию и свидетельствовало об отсутствии малейших представлений о субординации. Большую роль сыграли личные качества представителей территориальных органов и начальников частей и подразделений, обладавших с одной стороны нерешительностью и стремлением переложить ответственность за неудачи, с другой стороны властными амбициями. Кроме того, следует отметить недостаток у ко-

¹ Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1. Л. 5, 16.

² Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 2.

³ Там же. Ф. 106. Оп. 7. Д. 4. Л. 25 об.–26 об.

⁴ Там же. Ф. 151. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁵ Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 14.

мандривов воинских формирований профессиональных навыков, необходимых для решения поставленных задач по разгрому противника. Это способствовало возникновению межличностных и межведомственных конфликтов, которые, в итоге, стали одним из факторов, приведших к поражениям вооруженных сил на Западном Чехословацком фронте.

М.Е. Разиньков

Об изучении гражданских войн в современной англоязычной политологии

Компаративное исследование гражданских войн, находящееся в зачаточном состоянии в исторической науке, является чрезвычайно развитой отраслью знания в зарубежной политологии.

Существуют несколько баз данных, позволяющих проводить формализованные количественные исследования, касающихся динамики, причин, некоторых итогов гражданских войн и внутренних конфликтов в странах всего мира. В предыдущих публикациях «Альманаха» автором настоящей статьи обращалось внимание на базу The Correlates of war project¹, содержащую данные о внутренних войнах и конфликтах с 1816 г. Существует не менее солидная база PRIO (The Peace Research Institute, Oslo)², где собраны данные о войнах с 1946 г. Структуры по изучению гражданских войн работают в Стэнфордском университете, Мировом банке и некоторых других организациях. Помимо специализированного журнала «Civil wars», статьи по данной проблематике публикуют журналы «Journal of conflict resolution» и «Review of International Studies». Причем, если в журнале «Civil wars» доступ к большинству статей отсутствует, то в «Journal of conflict resolution» доступ абсолютно открытый в виде полнотекстовых документов PDF-формата. Поиск по ключевым словам («Civil wars») на сайтах этих журналов дает ссылки на большое количество литературы по проблематике. Большинство центров позиционируют себя как организации, направленные на решение практических задач, основная из которых – предотвращение гражданских войн.

¹ URL: <http://www.correlatesofwar.org/> (Дата обращения: 10.02.2017).

² URL: <https://www.prio.org/> (Дата обращения: 10.02.2017).

Как представляется, интерес к сравнительным количественным исследованиям активизировался после публикации в 2003 г. отчета группы ученых, профинансированных Мировым банком¹. Отчет анализировал проблемы сущности, движущих сил и преодоления конфликтов и является на данный момент наиболее цитируемой работой по данной проблематике. Говоря о последствиях войны, авторы подчеркнули ее негативный характер во всех сферах: политической, экономической, социально-гуманитарной, специально отметив, что если и можно найти элементы прогрессивных изменений в послевоенный период, то они будут исключениями. Одновременно указывалось на иллюзорность идей о необходимости невмешательства других стран в процесс начавшейся войны, поскольку беженцы, распространение болезней, а подчас и распространение самой войны на соседние страны неизбежно.

Обращаясь к проблеме начала гражданской войны, авторы доклада указали на то, что практически все существующие «самоочевидные» причины войны не вполне подтверждаются статистическими методами. Для того, чтобы ответы на вопрос о причине гражданской войны стали более реалистичными, авторы предлагали исследовать логику формирования и функционирования повстанческих групп, одновременно обращая внимание на более общие факторы, которые могут повысить их активность. Указывалось, что многие факторы, стимулировавшие войны, могут нарастать в ходе нее и сохраняться после того, как война уже закончилась.

Было обращено внимание на то, что современные гражданские войны стали более длительными и была сделана попытка ответить на вопрос о причинах этого процесса. Авторы доклада отметили, что этнические, географические, религиозные факторы практически не меняются со временем, и указали на перемены в экономических факторах (уровень, рост и структура доходов населения) как на наиболее вероятные причины изменений в динамике гражданских войн второй половины XX века. Другим источником современных войн служит так называемая «ловушка конфликта», т.е. его повторение в одних и тех же странах через относительно

¹ *Collier P., Elliott V. L., Hegre H., Hoeffler A., Reynal-Querol M., Sambanis N.* Breaking the Conflict Trap: Civil War and Development Policy. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/13938> (Дата обращения: 10.02.2017).

небольшой промежуток времени. Маргинализация стран, с одной стороны, и наличие стран, где конфликт носит постоянно возобновляющийся характер, сделали возможным авторам доклада делать некоторые прогнозы, относительно стран, которые будут испытывать внутренние войны до 2050 г.

Исходя из рассуждений о причинах и существующей динамике гражданских войн, авторы доклада указывают на то, что в одних и тех же конфликтах ресурсы могут сыграть роль детонатора войны, а могут сделать страну относительно стабильной (как алмазы в сравнительно развитой Ботсване и разрушенной постоянными внутренними конфликтами Сьерра-Леоне). Поэтому одна из основных идей преодоления конфликта – это не развитие страны в целом, а блокирование экономических ресурсов, политических и военных механизмов, питающих повстанческие группы. С другой стороны, был предложен широкий набор политических и экономических мер, основанных на позитивном опыте некоторых стран во внутренней и внешней политике, снижавших риски внутренних войн, а также на ожидаемом поведении международных организаций, в т.ч. финансовых, по корректировке сложившейся ситуации с гражданскими войнами. Указывается на неэффективность экономической помощи в первые послевоенные годы, т.к. она не способствует развитию экономики, которой зачастую просто нет. В этот период наиболее существенной помощью является военное вмешательство (миротворческих сил). Со второго поствоенного десятилетия риски возобновления войны будут существенно снижаться, и страна будет выходить из «ловушки конфликта», что, вероятно, позволит оказывать влияние на вторую переменную – экономические факторы.

Вместе с тем, без международного вмешательства движение к миру в воюющих странах затруднительно. Сферой такого международного вмешательства могут стать: теневая экономика, преодоление последствий ценовых шоков в странах с сырьевой экономикой, инвестирование, оказание поддержки в проведении структурно-экономических реформ. Основными принципами при оказании международной поддержки должны стать: увеличение эффективности использования помощи, улучшение управления сырьевыми ресурсами, и улучшение стратегий развития, включая военное, в постконфликтный период.

Не ограничиваясь материалами доклада, обращу внимание на работы тех же авторов по методике исследования динамики кон-

фликтов¹ и непосредственно модели Коллиера-Хёффлера². Используя количественные методы, англоязычные исследователи изучают такие специфические проблемы, как: успешность посредничества в гражданских войнах, влияние языка, религии на этнические войны, рецидивизм экс-комбатантов и т.д.³ Можно сказать, что для исследований, касающихся изучения поведенческих стереотипов, закономерностей развития феноменов, а также сравнительного анализа, количественные методы и формализация являются почти неизменным атрибутом.

Заметной попыткой обобщить накопленные результаты исследований причин гражданской войны стала работа американского исследователя Д. Диксона. Проанализировав 203 исследования, он пришел к выводу о том, что рассуждая об одних и тех же факторах, уточняя их, политологи приходят подчас к противоположным результатам, так и не создав единой объяснительной модели, но множа частные теоретические конструкции. (К слову, авторы рассмотренного выше доклада считают, что такая модель и не может быть создана из-за специфики каждой страны, субъективного фактора, конкретной ситуации⁴). Тем не менее, Д. Диксону удалось составить «консенсусную модель», которая показывает уровень согласия исследователей на определенные факторы эскалации или деэскалации гражданских войн, в таких областях, как: демографические и географические особенности, регион, экология, ресурсы и экономика, контакты с другими государствами, политический режим, наличие или отсутствие конфликтов в прошлом. Кроме об-

¹ *Collier P., Hoeffler A., Söderbom M.* On the Duration of Civil War Source // *Journal of Peace Research*. Vol. 41. N 3. (May, 2004). P. 253–273.

² *Colliern P., Hoeffler A.* Greed and grievance in civil war // *Oxford economic papers*. 2004. № 56. P. 563–595.

³ См., например: *Narang V., Caitlin Talmadge* Civil-military Pathologies and Defeat in War: Tests Using New Data // *Journal of conflict resolution*. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0022002716684627> (Дата обращения: 10.02.2017); *Kaplan O., Nussio E.* Explaining Recidivism of Ex-combatants in Colombia // *Journal of conflict resolution*. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0022002716644326> (Дата обращения: 10.02.2017); *Bormann N.-C., Cederman L.-E., Vogt M.* Language, Religion, and Ethnic Civil War // *Journal of conflict resolution*. <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0022002715600755> (Дата обращения: 10.02.2017).

⁴ *Collier P., Elliott V. L., Hegre H., Hoeffler A., Reynal-Querol M., Sambanis N.* Breaking the Conflict Trap: Civil War and Development Policy. P. 54.

щих и, как представляется, очевидных итогов о том, что процветание, рост экономики, окружение демократическими государствами и т.п. препятствуют возникновению гражданских войн, автор указывает, что такие факторы как засуха, деградация почв, сырьевой экспорт, большое количество беженцев далеко не всегда могут стать причинами войны. Помимо анализа итогов многочисленных исследований работа содержит обширную библиографию, часть которой доступна чтению в интернете¹.

С другой стороны, не все исследователи, сравнивающие войны, работают с помощью количественных методов. Развитой отраслью политологии гражданских войн являются кейс-стади в масштабах отдельных стран или регионов в них. При этом может использоваться метод интервьюирования для выявления глубинной мотивации участников конфликта и анализа факторов конфликтов. Например, исследователь К. Джонсон, изучив грузино-абхазский и приднестровский конфликты, предлагает скорректировать существующую модель гражданских войн на этнической почве, указывая на решающую роль государственных институций для стабилизации ситуации в регионе, в случае если население недовольно произошедшими разделами². В то же время, Д. Диксон критикует качественные исследования за то, что они множат гипотезы о факторах, побуждающих конфликт, но не всегда приводят обширный доказательный материал³.

Следует отметить, что политологи все же избегают изучать (за редким исключением) конфликты глубже 1945 г. Тем не менее, Д. Диксон указывает, на те надежды, которые возлагались и возлагаются на союз исторических знаний и политологических теорий (по его словам, COW создавалась как раз для этой цели). Он отмечает большую точность данных, полученных историками, поработавшими с различными типами документов и свидетельств, в то время как политологи свои данные берут зачастую у журналистов. Более детально, по мнению американского исследователя, историками изучены биографии лидеров, требования сторон, которые в

¹ *Dixon J.* What causes Civil wars? Integrating quantitative research findings // *International studies review*. 2011. № 11. P. 707–735.

² *Johnson C.* Keeping the Peace After Partition: Ethnic Minorities, Civil Wars, and the Third Generation Ethnic Security Dilemma // *Civil Wars*. 2015. Vol. 17. No. 1. P. 25–50.

³ *Dixon J.* Op. cit. P. 725–726.

дальнейшем можно формализовать и анализировать с помощью количественных методов¹. Количественные и качественные исследования содержат информацию о разнообразных политологических, конфликтологических, этнологических теориях, которые, как представляется, могут быть использованы при историческом анализе.

В.Ж. Цветков

Безуспешные попытки «самосохранения»: политико-правовые действия Временного правительства накануне и после октября 1917 года

Рассматривая события октября 1917-го года, необходимо учитывать политико-правовые решения, принятые последним составом Временного правительства. Нужно заметить, что в октябрьские дни оно не показало ни должных организаторских возможностей, ни военной решимости. Вместе с тем, еще 13 октября, исходя из статей В.И. Ленина в газете «Рабочий путь» («штрейкбрехерское» заявление Л.Б. Каменева и Г.Е. Зиновьева в газете «Новая жизнь», которое считалось первой информацией о восстании, было опубликовано 18 октября) и информации от членов ВЦИКа Советов р. и с.д., правительство имело возможность «подавить» выступление большевиков.

20 октября было опубликовано предписание министра юстиции П.Н. Малянтовича прокурору Петроградского окружного суда об аресте Ленина и о начале расследования его деятельности, которое поручалось следователю по особо важным делам П.А. Александрову. Этот следователь уже вел дело «о событиях 3–5 июля 1917 г.» – о предыдущей попытке «вооруженного антиправительственного выступления в Петрограде». Одновременно с этим Малянтович намеревался прекратить следствие по делу об июльском выступлении и освободить всех еще содержащихся в тюрьме большевиков. На свободу вышел Л.Д. Троцкий, бывший товарищем Малянтовича по партийной, социал-демократической работе еще в годы первой русской революции. Арестованным предъявля-

¹ Ibid. P. 729–730.

лись обвинения по статье 108-й Уголовного уложения – «способность неприятелю в его военных или иных враждебных против России действиях» и по закону Временного правительства от 6 июля 1917 г., наказывавшей «за публичный призыв к неисполнению законных распоряжений правительства».

Проявить власть попытались и военные. 24 октября распоряжением по Петроградскому военному округу предусматривалось, что «все, выступающие вопреки приказу с оружием на улицу, будут преданы суду за вооруженный мятеж», но военной силы для реализации этой угрозы явно не было. За «распространение воззвания с призывом не повиноваться властям и деятельность, направленную против власти», Керенским было возбуждено уголовное дело против Военно-революционного комитета. Расследование по все той же статье 108-й Уголовного уложения («государственная измена») поручалось следователю по особо важным делам Б. Гудвиловичу¹.

Выступив утром 24 октября в Совете Республики, Керенский заявил, что «те группы и партии, которые осмелились поднять руку на свободную волю русского народа, подлежат немедленной, решительной и окончательной ликвидации» и потребовал «немедленного содействия всех партий и групп, представленных в Совете Республики»².

25 октября Керенский решил перейти к еще более радикальным, с его точки зрения, мерам. Снова, как и при подавлении «корниловщины», он заявил о своих диктаторских полномочиях. В Пскове, в штабе Северного фронта, им был подписан приказ от имени Верховного Главнокомандующего (он занял эту должность после ареста Корнилова). Приказ № 314 ясно обозначал угрозу власти со стороны, на этот раз, «контрреволюции слева»: «Наступившая смута, вызванная безумием большевиков, ставит государство наше на край гибели, требует напряжения всей воли, мужества и исполнения долга каждым для выхода из переживаемого Родиной нашей смертельного испытания...». Далее премьер – Главковерх, выступая в качестве носителя высшей военной и гражданской

¹ Дело народа. Петроград. № 180. 14 октября 1917 г.; № 185, 20 октября 1917 г.; № 186. 21 октября 1917 г.; № 188. 25 октября 1917 г.; № 199. 4 ноября 1917 г.

² *Керенский А.Ф.* Пролог гражданской войны // История России. Иркутск, 1996. С. 455–456.

власти в стране, заявлял: «...в настоящее время, впредь до объявления нового состава Временного правительства, если таковое последует, каждый должен оставаться на своем посту и исполнять свой долг перед истерзанной Родиной...».

Следует отметить фразу о предстоящем возможном формировании нового кабинета (уже пятого по составу с марта 1917 г.). При смене правительства, Керенский, вероятно, рассчитывал усилить исполнительную вертикаль, опираясь на свои полномочия главы военной власти. Единоличные решения допускались в пределах полномочий Верховного Главнокомандующего и вполне могли относиться к судьбе Временного правительства в случае объявления Петрограда на военном положении (именно этот вариант власти пытался осуществить в августе 1917 г. Корнилов). В то же время слова «приказываю всем начальникам и комиссарам во имя спасения Родины сохранить свой пост, как и я сохраняю свой пост Верховного Главнокомандующего, впредь до изъявления воли Временного правительства Республики», можно расценить как проявление приоритета гражданской власти над военной, что, в общем, соответствовало статусу Временного правительства, утвержденному еще в марте 1917 г. В любом случае, попытка «усиления власти» (хотя и запоздалая) для противодействия «безумию большевиков» была налицо.

Приказ Керенского призывал к сохранению боеспособности армии: «Необходимо сохранить, во что бы то ни стало боеспособность армии, поддерживать полный порядок, охраняя армию от новых потрясений, и не колебать взаимное полное доверие между начальниками и подчиненными». Другим своим приказом, написанным в Гатчине 27 октября, Керенский, от имени министра-председателя Временного правительства предписывал «всем частям Петроградского военного округа, по недоразумению и заблуждению примкнувшим к большевикам, немедленно вернуться к исполнению долга». Но, при этом, в приказах Керенского не содержалось прямых указаний на необходимость именно вооруженного подавления «большевистского бунта». Сдержанность в возможности применения оружия отчасти объяснялась возможной сдачей Главноверху «взбунтовавшихся» частей Петроградского гарнизона. 30 октября Керенский, также от имени «министра-председателя» «предлагал» «никаких предложений и распоряжений, исходящих от лиц, именующих себя народными комиссарами, или комиссарами военно-революционного комитета, не исполнять, ни

в какие сношения не вступать, а в правительственные учреждения не допускать».

Резко обличая «темную кучку невежественных людей, руководимых волей и деньгами Императора Вильгельма», с призывом к «гражданам, солдатам и доблестному казачеству Петроградского гарнизона» высылать депутатов для переговоров выступил командир 3-го конного корпуса, в распоряжение которого прибыл Керенский, генерал-майор П.Н. Краснов. 27 октября 1917 г. приказом Керенского № 146 будущий донской атаман получил назначение на должность «Командующего всеми вооруженными силами Российской Республики Петроградского округа на правах командующего армией». В приказе от 25 октября Краснов предписывал направить в распоряжение Полковникова полки 1-й Донской дивизии. Его же приказ – призыв от 27 октября отмечал: «Временное правительство, которому вы присягали в великие мартовские дни, не свергнуто, но насильственно удалено со своих постов». В частном телеграфном сообщении в адрес Комитета Спасения Родины и революции Краснов был более конкретен: «завтра в 11 час. выступаю на Петроград. Буду идти, сбивая и уничтожая мятежников... Прибытие в Петроград вполне зависит от активности верных присяге войск гарнизона».

Однако, не без влияния известных призывов Викжеля «о прекращении междоусобной войны» тон приказов Краснова становился все более сдержанным. 31 октября в Гатчине он заявил, что «кровапролитие не является задачей наших действий» и следует начать переговоры на условиях обоюдного освобождения пленных (прежде всего, арестованных министров Временного правительства) и восстановления «законного правительства». Этот принцип восстановления власти подтверждало и телеграфное распоряжение Керенского от 31 октября: «Озабоченное скорейшим восстановлением обороноспособности армии и законной жизни в стране, правительство готово приостановить подавление восстания силой оружия и ликвидировать мятеж путем переговоров Временного правительства в полном составе с руководящими общественными организациями и партиями о воссоздании законной революционной власти в стране» (на основе «социалистической коалиции»)¹.

¹ Приказ генерала Краснова // Донская летопись. Белград. 1924. № 3. С. 355; Подготовка и наступление на Петроград // Красный архив. Т. 5 (24). 1927. С. 205–207.

В самом Петрограде, после отъезда Керенского, представителями верховной власти оставались: исполняющий обязанности министра председателя, министр торговли и промышленности А.И. Коновалов, полковник Полковников и назначенный Керенским 25 октября генерал-губернатором Петрограда министр государственного призрения Н.М. Кишкин. Полковников стал проявлять активность уже после 25 октября, а накануне «низложения» правительства он лишь констатировал в телеграмме в Ставку о том, что «положение в Петрограде угрожающее... идет планомерный захват учреждений, вокзалов, аресты. Никакие приказы не выполняются... Временное правительство подвергается опасности потерять полностью власть...».

Примечательно, что Коновалов пытался, хотя и безуспешно, созвать в Зимнем дворце (для «поддержки» правительства) представителей общественных организаций и Совета Республики, вынужденного прекратить свою работу по решению Петроградского военно-революционного комитета. Кишкину предоставлялись «исключительные полномочия по водворению порядка в столице и защите Петрограда от всяких анархических выступлений, откуда бы они ни исходили, с подчинением ему военных и гражданских властей». Очевидно, при выборе кандидатуры Кишкина в качестве «диктатора Петрограда» учитывался его, хотя и небольшой, опыт административной работы в должности комиссара Временного правительства в Москве, а также его контакты с общественностью (по линии сотрудничества с Московским Советом общественных деятелей). Но наделение Кишкина «чрезвычайными полномочиями» запоздало, авторитетом у военных он не пользовался и мог занимать лишь пассивную, оборонительную позицию.

«Продержаться 48 часов и подспеют идущие к Петрограду войска» – эти слова министра иностранных дел Терещенко хорошо передавали настроение Временного правительства в последние часы легальной работы. Однако надежды правительства не оправдались. Показательны настроения, отразившиеся в телеграфной переписке комиссара Северного фронта Войтинского с графом П.М. Толстым, начальником политотдела военного министерства. На требования штаба округа отправить войска в столицу Войтинский требовал ответа от Петрограда: «Что касается до применения вооруженной силы, то этот вопрос сводится опять все к тому же: является ли эта мера актом самозащиты смелых людей, группирующихся вокруг Керенского, или же здесь демократия отстаивает

определенным методом свое положение от посягательств... Если в Петрограде вы политически изолированы, то никакими усилиями не удастся создать вам поддержку на фронте»¹.

После ареста министров Временного правительства в ночь на 26 октября на свободе оставались: Керенский, выехавший в Москву министр продовольствия С.Н. Прокопович, освобожденный вместе с министром труда К.А. Гвоздевым после кратковременного допроса в Смольном 25 октября. Пока Керенский под Петроградом намеревался действовать, опираясь на свои полномочия Главковерха, в Москве начались попытки создания всероссийской «гражданской» власти. В Москве с Прокоповичем вели переговоры Комитет общественной безопасности и Совет общественных деятелей. Сделать Москву «филиальным отделением правительства» намеревались и оставшиеся на свободе товарищи (заместители) арестованных министров Временного правительства. Переезд в Москву формально предполагался еще в начале октября, в связи с высадкой немецкого десанта на Моонзундских островах и их приближением к столице. По воспоминаниям бывшего московского городского головы Н.И. Астрова, московские гласные – кадеты, во главе с бывшим в Москве товарищем министра финансов А.Г. Хрущевым, предложили министру «образовать в Москве, которая еще вела борьбу с большевиками, новое Временное правительство, которое было бы возглавлено Прокоповичем, как единственным представителем упраздненного Временного Правительства. Этим была бы сохранена традиция власти». Показательно, что полномочия даже одного министра считались достаточными для обеспечения «традиции власти».

Возможности поддержки Временного правительства, хотя бы даже и в форме кабинета, составленного из товарищей министров, были достаточно перспективны. 25 октября председатель Донского правительства М.П. Богаевский отправил в Москву одного из членов Совета общественных деятелей П. Соколова с поручением «собрать там товарищей министров, по сведениям с Дона, укrywшихся в Москве, предложить им, чтобы они объявили себя Временным правительством и немедля телеграфировали бы атаману (Каледину – В.Ц.) и тогда полки будут присланы в Москву и займут главные ж. д. магистрали».

¹ Октябрь на фронте // Красный архив. Т. 4 (23). 1927. С. 149, 153, 156; Последние часы Временного правительства // Красный архив. Т. 1 (56). 1933. С. 135–138.

Однако Прокопович «категорически отклонил это предложение». После 25 октября поддержка правительства кадетами стала вполне определенной. ЦК кадетской партии 27 октября выпустил воззвание, в котором, говорилось о «насильниках-большевиках», захвативших власть, о том, что «сделана предательская попытка прервать преемственность власти, берущей свое начало от первых дней революции, и вместо правительства, признанного всей страной, навязать стране волю ничтожного меньшинства». Завершалось воззвание призывом восстановить «законную и преемственную власть, созданную Революцией»¹.

В тот же день, 27 октября в ряде газет было опубликовано воззвание Временного правительства, в котором опровергалось сообщение Петроградского военно-революционного комитета и заявлялось, что власть будет передана только Учредительному Собранию, тогда как «армия и народ» призывались «ответить на безответственную политику большевиков». 28 октября с призывом к губернским и уездным земельным комитетам не допускать исполнения декрета о земле выступил Главный земельный комитет при Временном правительстве. Центром, взявшим на себя правительственные полномочия, стало Совещание товарищей министров, так называемый Малый Совет Временного правительства, во главе с товарищем министра юстиции А.А. Демьяновым. В своих воспоминаниях он отмечал, что после ареста министров именно Малый Совет «сделался единственным представителем законной Российской власти, хотя и низвергнутой».

Так называемое «подпольное Временное правительство» стало собираться на квартире Демьянова, а затем в доме члена ЦК кадетской партии графини Паниной. Освобождавшиеся из Петропавловской крепости министры-социалисты присоединялись к работе «комитета» (министры – кадеты и «цензовики» оставались под арестом). Малый Совет пытался осуществить «управление министерствами за отсутствием министров» и санкционировал саботаж большевистского Совнаркома чиновниками. Попытки Малого Совета наладить контакт с Комитетом спасения, однако закончились неудачно.

На заседания Совета приглашались сопредседатель Комитета эсер А.Р. Гоц и председатель Совета Республики Авксентьев, но

¹ *Соколов П.* Последние защитники // Часовой. № 94–95. С. 31–32; Вестник партии народной свободы. Петроград, 1917. № 24–25. С. 24.

никто из них не явился. Намерения Демьянова «объединить» все три организации (Совет Министров, Комитет спасения Родины и революции и Совет Республики), как «выразительниц русской общественности», столкнулись с желанием Комитета действовать автономно. Подобная позиция «общественности» по отношению к «чиновникам» низложенного правительства объясняется тем, что Комитет стремился стать единственным носителем власти, отчего и объявлял себя «всероссийским». Большое влияние в нем имели социалисты (Гоц, Шрейдер), поддерживавшие провозглашенную ЦК эсеровской партии программу о создании «однородного социалистического министерства без большевиков и ценовиков» для реализации планов «социализации земли» через посредство земельных комитетов и «скорейшего мира без аннексий и контрибуций на основе широкого самоопределения народов».

Другим вариантом, выдвигаемым представителями Викжеля во время работы т.н. Общедемократического Совещания по организации власти, было создание «ответственного перед Парламентом» правительства, во главе с Черновым, на основе представительства от Советов и от Московской и Петроградской городских дум, профсоюзов, Викжеля, Союза почтово-телеграфных служащих (Почтеля) и «всех социалистических партий, от народных социалистов до большевиков включительно». Данный вариант обсуждался на заседаниях т.н. Общедемократического Совещания по организации власти.

Ясно, что такая программа, принципиально не отличавшаяся от большевистской (особенно в отношении «земельного вопроса»), не могла разделяться представителями прежнего состава правительства. В конце концов и Комитет Спасения отказался от идеи создания власти на основе коалиции с большевистской партией, подтвердив «насильственный характер переворота» и призвав «все города, земства, крестьянские, рабочие, армейские и другие революционные и демократические организации» «не признавать большевистского правительства и бороться с ним», а также «образовывать местные комитеты спасения родины и революции, которые должны объединить все демократические силы для содействия Всероссийскому Комитету Спасения».

Малый Совет, как осколок правительства коалиции с кадетами, не устраивал многих социалистов. Комитет, как и большинство структур земско-городского самоуправления, считал себя полноценной местной властью и, возможно, предполагал сформировать

правительство на основе собственных полномочий, причем среди представителей местного самоуправления властный авторитет подпольного правительства и общественного «комитета» не противопоставлялись.

В резолюции земского собрания Петроградского губернского земства указывалось: «Протестуя против захвата большевиками государственной власти и отказываясь работать с назначенными ими «народными комиссарами», впредь до восстановления деятельности Временного правительства, служащие земства отдают себя всецело в распоряжение Комитета спасения Родины и Революции и продолжают свою работу для населения Петроградской губернии, выражая, вместе с тем, надежду, что, несмотря на внесенную большевистским заговором дезорганизацию, Комитет Общественного Спасения или Временное Правительство примут все меры к тому, чтобы Учредительное Собрание состоялось в назначенный законом срок»¹.

Малый Совет до конца ноября еще пытался восстановить правительственные полномочия, тогда как Керенский, после провала попытки привести войска 3-го конного корпуса к Петрограду через министра внутренних дел А.М. Никитина прислал письмо, датированное 1 ноября 1917 г., о снятии с себя звания министра-председателя Временного правительства. Правда, при этом, он продолжал считать себя членом Временного правительства. Данное письмо было кратким по форме, написано от руки, на обычном листке бумаги листе, но объявляло, по существу, идею правопреемственности: «Слагая с себя звание министра-Председателя, передаю все права и обязанности по этой должности в распоряжение Временного правительства». В ответ на это Малый Совет постановил «освободить согласно заявлению Министра-Председателя Временного правительства и Верховного Главнокомандующего (хотя об отставке с поста Главковерха Керенский не просил – В.Ц.) всеми вооруженными силами Государства Российского».

Отказ Керенского и возвращение в Петроград Прокоповича, в силу «цепочки преемственности», сделали последнего формальным председателем правительства, в должности которого он и был утвержден подпольным правительством 5 ноября, с «остав-

¹ Дело народа. Петроград, № 193. 29 октября 1917 г.; Власть народа, Москва. № 15, 27 октября 1917 г.; Петроградский земский вестник. № 20. С. 247.

лением его министром продовольствия». В отличие от Москвы, в Петрограде бывший член ЦК кадетской партии Прокопович сразу же заявил о своем намерении «издавать приказы». Реальным «приказом» стало лишь заявление об открытии Учредительного Собрания 28 ноября в Таврическом дворце, но реализовать данное решение было, разумеется, невозможно.

Совершенно очевидно, что эффективность «сопротивления большевикам» напрямую зависела от координации действий Совета и Комитета. По свидетельству князя Оболенского, Кишкин из Зимнего дворца, вплоть до момента ареста, информировал думу о положении дел по телефону (что опровергает, кстати, мнение о полной изоляции Зимнего дворца после занятия отрядами Военно-революционного комитета телефонной станции). Несмотря на оппозицию социалистической части Комитета, Малому Совету все-таки удалось добиться проведения нескольких совместных заседаний, главными участниками которых стали, помимо Демьянова и Прокоповича, меньшевик Ф.И. Дан и энес Л.М. Брамсон. Комитет спасения в середине ноября все же признал полномочия Малого Совета, что позволило объединить финансовые возможности правительства и общественное влияние Комитета, прежде всего, при проведении саботажа чиновников¹.

Таким образом, Временное правительство предпринимало достаточное количество попыток юридически обосновать свою власть и подтвердить свои полномочия. Однако ход революционных событий показал очевидную несостоятельность подобного рода действий, в условиях очевидного развала политико-правового пространства российской государственности.

¹ Временное Правительство после Октября // Красный архив. Т. 6. 1924. С. 202–203.

C. Boylan

**The Allied Intervention in North Russia in 1919
A Personal British Perspective**

The purpose of this article is to give one historian's very personal perspective of the events surrounding British operations in North Russia in 1918 and 1919. It is appreciated that this view will contrast with the Russian perception, held both at the time and now.

Much attention has recently focused on the fighting which continued in Eastern Europe after the end of the First World War and this article concentrates on one particular area where this fighting continued, North Russia. It examines the history of a small proportion of First World War combatants who failed to re-engage with post-war British society – as the majority of returning soldiers did – and continued to fight in the international arena, specifically by volunteering for the North Russia Relief Force in April 1919. Two brigades of volunteers were sent there to repatriate low category British troops who had been in Archangel and Murmansk since the spring of 1918, ostensibly protecting Allied stores originally sent to aid the Russian allies and keeping the Germans away from the Barents and White Sea ports.

The North Russian campaign was essentially different from the Allied intervention in the west, east and south of Russia during the Russian Civil War, however, because the small Allied forces were already in position in Archangel and Murmansk well before the Armistice, invited in by the local Soviet with the approval of Trotsky and the Moscow government, not to fight the Bolsheviks but to keep the Germans away from the Murman Peninsula. The purpose of the Relief Force – ostensibly to bring them home – also caused no widespread hostility initially, despite April 1919's war-mongering editorials in *The Times*. Once its purpose was seen to become offensive, however, Bolshevik opposition and Trotsky's involvement increased spectacularly. While these two factors, local invitation and innocent rescue, thus differentiated the North Russia campaign from the parallel campaigns in other parts of the country, the timing of the relieving troops' arrival was linked to the Bolshevik success over the French in Ukraine on 5 April. This strength-

ened the British Secretary of State for War, Winston Churchill's, hand enormously; not only did he now have full authority to send fresh troops to return those already in North Russia, but in his view he also had full authority to do all he could to avoid 'another Odessa'.

As far as the Russian viewpoint is concerned, Professor Vladislav Goldin of the University of Archangel fully agrees that the Allied forces were invited in and makes the interesting point that Trotsky was condemned in the 1920s as a traitor for both this action and for subsequent contacts with western diplomats. He also gives an insight into the northern peasants, how they had mostly never been serfs and how they welcomed the Allies' arrival because they thought that their interests would be best served by a White victory. The leaders of the anti-Soviet movement in the north were largely newcomers, however, who treated the north as a bridgehead and failed to take the local inhabitants' mentality and interests into account. This neglect led to numerous mutinies among the White troops who murdered their officers, both Russian and British, and, influenced by Bolshevik thinking, joined the Red armies in great numbers.

First of all, it is important to place the whole venture in its international context by giving an overview of the Russian Revolution, the Paris Peace Conference and the origins of the Relief Force. This short campaign took place against a background of extraordinary upheaval: the First World War had ended on 11 November 1918 and peace negotiations were being conducted in Paris as recruitment took place. New countries were being created from the ruins of old defeated empires, on the one hand, while, on the other hand, politicians of the victorious Allies struggled to return their exhausted countries to normality. The defeated were to be destroyed and rebuilt in a different guise, while the victorious strived for continuity. Overshadowing all these machinations, however, was the reality of Bolshevism and the Russian Bolshevik leaders who had overthrown the Provisional Government on 7 November 1917, made a humiliating peace with Germany on 3 March 1918 (one of the concrete achievements of the Paris Peace Conference was to annul this treaty) and were now excluded from the peace negotiations and were seen to be threatening to foment worldwide revolution. Fear led the Allies to underestimate the Bolsheviks' appeal.

To British eyes, the Russians appeared to be 'under the influence of demagogue revolutionaries who themselves proved to be the tool of a German intrigue', so that there was a real fear that there would be a German-Russian understanding after the November 1917 revolution. This

was ruled out, however, by the punitive terms of the Treaty of Brest-Litovsk which gave vast swathes of Russia's western lands to the Germans. Thereafter, the German army of the east occupied the OberkommandoOstfront, or Ober-Ost, which stretched 1,500 miles from the Gulf of Bothnia to the Sea of Azov and which, after an occupation of great brutality, was not evacuated until the winter of 1918/1919. It was the retirement of these German troops which led to the start of the Polish-Soviet War in February 1919, as both sides moved to fill the vacuum.

After signing the Treaty of Brest-Litovsk, the Soviet Government worried that German and White Finnish forces would seize the ports of Murmansk and Pechenga and thus asked for Allied help to repel them. As a result, a mixed force of British, American, Canadian, Chinese, Czech, French, Italian, Polish and Serb forces landed in Murmansk in the spring of 1918 and, in August, occupied Archangel. There were 6,300 British troops and 5,200 American. The latter's presence on Russian soil in 1918 and 1919 provided a continuing source of irritation to the Soviet Government throughout its tenure; the Bolsheviks never forgave the Americans for their intervention.

When the British troops landed in Murmansk in the spring of 1918, the fighting on the Western Front was at its height: the Kaiserschlacht had commenced on 21 March and although by the end of March the German offensive on the Somme was losing impetus, there was still intense fighting in Flanders and on the Aisne front between April and July. The men comprising the British force in Murmansk were therefore mostly category 'B' conscripts, medically downgraded as unfit for service on the Western Front, fit for garrison duty but not combat and the only ones available at that stage of the war. They were thus the least able to withstand the conditions and, with morale low and their mission now unclear, there were mutinous undercurrents in the two forces. 'The men [were] chiefly of low category [and] cannot be regarded as being of great fighting value.' Ironically, however, physical conditions would be as hard, if not harder, in this theatre of war, despite the fact that the original aims of the military intervention in North Russia were limited, troops supposedly being used for the defence of existing positions, not for offensive operations.

British troops had never landed on North Russian soil before, even if the local settlements had been attacked by the Royal Navy in previous centuries. So the presence of Allied forces in North Russia after Bolshevik Russia abruptly left the war and signed the Treaty of Brest-Litovsk was a new initiative. The purpose of the Allied Force was three-

fold: first, to assist the White Russians in re-establishing an eastern front in order to stop the flow of German forces to France and to prevent Germany from circumventing the Allied naval blockade by using the resources of Russia; secondly, to assist the British Admiral Kemp in preventing the German General, Rudiger von der Goltz, and 55,000 men in Finland, aided by the pro-German 'White Finns' under Marshal Mannerheim, from establishing a submarine base in Murmansk, a warm water port, from which they could harass the North Atlantic convoy system; and, finally, to stop the vast quantities of military stores lying on the harbour quays from falling into enemy hands. There was also a more oblique fourth purpose: there were approximately 70,000 Czech troops, the Czech Legion, in Siberia at that time, recruited from both indigenous communities and captured Austrian conscripts. They were making their way to Vladivostok in order to return to Europe, but, if the Allies occupied Archangel, they could use this northern port as their point of departure and be redeployed to France where their effect would be felt immediately on the Western Front.

Such were the objectives of 'Syren' Force at Murmansk, under Major-General Sir Charles Maynard, and 'Elope' Force at Archangel under Brigadier-General Finlayson, sent during the spring and summer of 1918. In overall charge of both forces was Major-General Frederick Poole, later to be transferred to south Russia at the end of 1918 to bolster the forces of General Denikin and to be replaced by Brigadier-General Edmund Ironside. As we have seen, the aim of the Murmansk force was to protect the port against German and Finnish attacks; the aim of the Archangel force was to protect the stores and train the Czechs to fight against the Germans. These aims, however, became completely redundant once the Armistice was signed in November 1918, but by this time it was too late to evacuate the two forces and so they remained in North Russia, forced to endure a long, dark Arctic winter. Meanwhile, their contemporaries were being demobilised and they needed to be brought home.

The thinking behind the British government's decision to continue to maintain troops there after the thaw in 1919 was that while it 'did not have any mission to establish or disestablish any particular political system' in Russia, it could not turn its back wholly on Russian affairs. 'Recent events have created obligations which last beyond the occasions which gave them birth...in the territories adjacent to the White Sea and the Arctic Ocean, new anti-Bolshevik administrations have grown up under the shelter of Allied forces. We are responsible for their existence

and must endeavour to support them,' wrote Lloyd George, the British Prime Minister. This argument was used to justify the continued British involvement in the Russian Civil War for almost a year after the Armistice and only collapsed when the White Russians in the north were defeated after the departure of all Allied forces.

During this time, the British forces were supposed to be seen as politically neutral, not making a choice for the Russian people but allowing an alternative government to survive should they want one. The eminent British historian, Richard Ullman, believes that the fundamental British policy towards Russia remained as it had always been: to ensure that a restored Russia, be it White or Red, did not threaten British interests in either Europe or Asia.

The plight of the North Russian Expeditionary Force – as it was known – was highlighted by a clamorous British press, deliberately provoked by Churchill, which exaggerated stories of Bolshevik atrocities and claimed that there would shortly be a large Bolshevik attack. Thus, with popular feelings running high, Churchill called for two brigades of volunteers to be recruited and sent to North Russia, ostensibly to keep the Bolsheviks at bay while the men were evacuated but with the more covert mission of replacing them in the line and moving south to join up with the advancing White Russians under Admiral Kolchak in Siberia. The two brigades, totalling 8,000 men, were to be commanded by Brigadier-General George Grogan and Brigadier-General Lionel Warren de Vere Sadleir-Jackson. These two brigades consisted entirely of volunteers. 'It will be made clear to these men that they are only going to extricate their comrades and not for a long occupation of Northern Russia' wrote Churchill in March, duplicitously as it transpired.

On 8 April 1919, recruiting was announced for the North Russian Relief Force. Enlistment was open only to fully trained men in excellent physical condition to be given service at the same rank as they were demobilised. The pay, allowances and bonus were to be the same as the soldiers of the Armies of Occupation received and they would have two months' leave with full pay and allowances after their Russian service had ended. The response was enthusiastic and there is no doubt that this was partly because of the package's financial appeal.

A Captain Jackson, part of the Expeditionary Force who had been on leave in the spring of 1919, returned to North Russia on 26 May in the company of 'young heroes covered with decorations and each wearing a Polar Star.' He wrote to his wife: 'The ship was crammed with our 'Relievers' all full of buck and vim.'

By the time they reached North Russia, these men were transformed. Allfrey described them after their arrival in Archangel:

They are all volunteers, and any quantity of ex-officers in the ranks, colonels etc galore; fellows wearing DSO's and MC's in private's uniform. I have never seen a finer crowd of men anywhere... every man has had war service and nearly all wear decorations... it is the soldier without a bit of ribbon who is conspicuous.

On almost exactly the same date, 26 May, as the 8,000 volunteers were making their various ways to North Russia, the Supreme Council of the Allies sent a note to Admiral Kolchak in Omsk recognising him and his associates as the government of all Russia. They promised him munitions, supplies and food, convinced by their experience of the last twelve months that it was not possible to attain peace and free elections by dealing with the Soviet Government of Moscow. Kolchak agreed to the Allies' terms on 4 June and the Allies confirmed their support on 12 June. This recognition appeared to galvanise the formidably efficient Trotsky, the Commissar for Military Affairs, into action, however, and Kolchak's star waned from then on. 'The moment chosen by the Supreme Council for their declaration was almost exactly the moment when that declaration was certainly too late,' wrote Churchill. The end of May marked the limit of Kolchak's successes, with the front line extending to the west of the Urals, but the Bolsheviks knew the Allies were on the verge of recognising Kolchak and Trotsky's reaction was to emphasise the vital importance of their eastern front. He backed up this message with threats and fear. 'It is impossible to maintain discipline without a revolver', Trotsky wrote to Lenin. '...the command will always be obliged to place the soldiers between the possible death at the front and the inevitable one in the rear.'

The Bolshevik troops in Siberia redoubled their efforts not only out of fear but also because, despite Allied skepticism, the Bolsheviks' promises of peace, land reform and a reformed social order were popular, as were appeals to repel 'the Foreign Invader'. In addition to this attractive ideological message, the Bolsheviks had the practical advantage of controlling the extensive rail network centered on Moscow, so that they operated on 'interior lines' and were able to transport troops from one threatened sector to another, while the Allies only controlled the peripheries. Allied communications relied heavily on the River Dvina; even had Kolchak been able to reach Kotlas, there was no railway line north to Archangel and that port and the river could only be used for transport in the summer months.

Just as Churchill had said, three days before the Allies' official recognition of Kolchak, the Red Army recaptured Ufa in the western Urals, a significant development even though the zenith of the civil war did not in fact come until 16 October, the moment of maximum advance for Denikin in the south and Yudenich along the Baltic. Thus, at almost the exact time of the volunteers' arrival in Archangel – late May and early June – Kolchak was at the limit of his success. At the end of May, his forces had been well to the west of the Urals but the Bolsheviks steadily recaptured this ground and, on 9 June, as Sadleir-Jackson's brigade was disembarking at Archangel, Ufa fell. By mid-June, Kolchak was defeated, Major-General Alfred Knox, the Allied general in Siberia, blaming his failure on 'the usual incompetent leading'.

The Russian Civil War did not principally concern the North Russian volunteers in April 1919, however, recruited as they had been to rescue troops exhausted by a long Arctic winter and apparently threatened by Bolshevik forces, a fact Churchill continually urged the press to emphasise. Once there, however, the Relief Force assumed offensive operations and Churchill's plan to unite with Kolchak's advancing forces at Kotlas was pushed through the Cabinet with the help of Sir Henry Wilson, the Chief of the Imperial General Staff. The volunteers' surprise at this change of plan was brought to the British public's attention by Lieutenant-Colonel Jack Sherwood Kelly whose letter of complaint to the *Daily Express* was published on Saturday, 6 September. It summed up the volunteers' experience and exposed Churchill's perfidy. Moreover, it is likely that many of the 8,000 would not have volunteered had they known the campaign was not to be a praiseworthy rescue mission but an offensive anti-Bolshevik one, an active intervention in the affairs of another country. On 17 August, Sherwood Kelly was ordered to carry out a raid on the enemy under cover of a ground discharge of gas but he refused to follow orders, not because of the use of gas but because he thought the raid pointless. He was therefore summoned to Archangel to be interviewed by Generals Ironside and Rawlinson and, on 18 August, relieved of his command, first, for his failure in the battle of Topsa and Troitskoye and, secondly and more importantly, for writing an injudicious letter to a friend, criticizing the conduct of the campaign and bemoaning the unreliability of the Russian allies. His letter to the newspaper had an immediate impact on the British public. He started by saying that he had volunteered for the Relief Force in the sincere belief that it was needed to make possible the withdrawal of low-category troops in the last stage of exhaustion due to fierce fighting

during the Arctic winter. He went on to say that he and the troops of the Relief Force had been misled and, instead of the purely defensive purposes they had been told about, they were now being used for offensive purposes on a large scale and far into the interior, in furtherance of some ambitious plan of campaign 'the nature of which we were not allowed to know'. For the recruiting poster issued by the War Office on 8 April 1919, which called for volunteers, made no mention of any offensive operation, implying by this omission that any fighting would be for a straightforward and just cause without political overtones. Sherwood Kelly continued by saying that he had 'seen enough to convince me that we were wasting good men and money by remaining in North Russia, and, further, that our work, such as it was, was unskillfully and badly done.' 'My personal experience of those operations was that they were not even well conducted and they were not calculated to benefit in a military or any other sense a sound and practical British policy in Russia. They only entailed useless loss and suffering in troops that had already made great sacrifices in the Great War.'

It made no difference to the British public that Sherwood Kelly had been sent home by Ironside because of failure in battle; he gained much popular support, not only from his volunteer colleagues but also from the Trade Union movement which was protesting about the material being sent to North Russia and calling for all troops to be withdrawn from the country. Their presence on Russian soil was also deeply unpopular with the British Labour Party and the press.

Churchill had presented the proposed offensive in North Russia as an essential step in the evacuation, a limited operation to prevent the Bolsheviks from threatening Archangel while the troops embarked. Ironside gave an injudicious interview at this time, however, apparently not realising that the grand scheme to move on Kotlas and even Petrograd had not been approved or even discussed by the War Cabinet and was in direct conflict with its agreed policy of evacuation.

Nevertheless, on 11 June, two days after the fall of Ufa, the Cabinet approved Churchill's plans for offensive action and, despite news of Kolchak's setbacks, Ironside was authorised to send troops up the River Dvina to Kotlas, there to rendezvous with General Gaida, the Czech general commanding Kolchak's northern army. It was hoped that this would establish a White Russian force strong enough to survive the winter and hold its own once the Allies had departed at some future date. Troops were loaded on to barges on 2 June to travel up the River Dvina to Bereznik, at the confluence of the Rivers Dvina and Vaga, where they

were to take over command from the 339th U.S. Infantry, now ordered to return home because, as with the British troops, their mission was unclear, President Wilson had never been in favour of their deployment and there was domestic pressure to recall them. These British troops made up the Dvina Force, which consisted of two main columns, one operating up the River Dvina and the other up the River Vaga.

On 19 and 20 June, an operation was planned whereby the 3rd North Russian Rifles would attack the villages of Topsa and Troitskoye so that they could be used as a forward base to attack the Bolsheviks at Kotlas. Swayed by Sir Henry Wilson's argument that an offensive operation up the Dvina was necessary to secure a safe withdrawal of the troops, the War Office gave authority for the advance on 27 June but, by 2 July, it was clear that the river level was too low to permit this. Ironside then decided to break the Bolshevik line above his present positions and use his Russian troops to establish a defensive barrier, behind which he could evacuate his men. Dyer's Battalion of the Slavo-British Legion, Ironside's particular creation with its considerable proportion of British officers, was to take part in this attack and it reached the Dvina front on 4 July, apparently well-disciplined, well-trained and in good heart. In the early hours of 7 July, however, Dyer's Battalion mutinied, killing three of its British officers and four of its Russian ones. In all, five young officers were killed and the shock to Ironside was so great that he decided that he 'should extricate myself and my troops as quickly as I could.' The mutineers ordered the men to follow them over to Bolshevik lines and approximately 150 obeyed. It was not only Ironside who was disillusioned by this mutiny; the men of the Relief Force, sceptical of the White Army from the start, now openly despised and distrusted their troops and officers. Further mutinies occurred. On 19 July, a mutiny occurred at Chekuevo on the Vologda railway front near Obozerskaya while, on 20 July, the Russians on the Onega front, part of the Petrograd railway sector, also mutinied and murdered their officers, handing over their positions to the Bolsheviks. A similar plan was foiled at Seletskoe on the River Emptsa, a tributary of the Dvina south of Archangel. As Ironside himself had written earlier in the year: 'They [the Whites] had no confidence in themselves, and there was not one of them who showed any white-hot patriotism to win through, such as the Bolshevik leaders seemed to possess in so large a measure.'

By the end of July, it was clear that Churchill's objective, to join up with Kolchak, was unachievable. On 30 July, Andrew Soutar wrote in *The Times*: 'Is it true that as far back as May 17 Kolchak, commanding

the Siberian Army, which was to make Archangel its winter base, was writing orders for the retirement of his right flank? If it is true, why was not Ironside informed of it? If he had known of it, would he have taken his forces deeper into Russia?' Tyler alludes to a second crucial factor in the failure of this expedition: the lack of water in the River Dvina. 'The Dvina was little better than a pool in places', reported *The Times* on 25 July. 'Sand banks abound; only the narrowest of channels is navigable, and the swift current, five knots even in this tropical season, is constantly shifting those sand banks so that a navigable channel today may be unnavigable tomorrow. Our troops are wholly dependent on the river for transport.' Kotlas was approximately 200 miles from Bereznik through these unknown channels, with a water depth in the river of less than three and a half foot, its lowest level apparently for fifty years. Moreover, the channels were all likely to be mined, these mines causing great delay and heavy losses in terms of men and material. Sadleir-Jackson thought a light railway built on the river banks might have overcome the transport difficulties and he blamed a poor snowfall the previous winter for the lack of water. The eminent British historian, Michael Kettle, however, also suggests that Allied dynamiting of the river ice in May had hastened the run to the White Sea and disrupted its normal melt pattern and this is confirmed by an American account which mentions that the '310th Engineers cleared the lower Dvina with dynamite.' Soutar described the Dvina as 'a wicked, treacherous river. I learned to hate it with all my heart and soul.' On 31 July, Commander Tyler mused:

I wonder what the finish of this outfit will be. It seems a great waste of life and material, and really the sooner it is over the better. Either the expedition should be a very much stronger force – properly equipped with gun barges of light draught – and many more transport barges – light draught tugs and the proper gear – more aeroplanes – kites balloons etc. or it should be abandoned. We seem to have underrated the enemy's strength and rather over-rated our own. Although we have – undeniably – been very badly let down by the Russians themselves.

The Americans agreed: 'Why if the job had been worth doing at all had it not been worthwhile for our country to do it wholeheartedly with adequate force and with determination to see it through to the desired end.' 'Why had we come at all?' Winston Churchill, writing about the British troops, was well aware of this frustration: 'Their families wish to know what purpose these men are serving. Are they just marking time until the Allies have decided on policy, or are they fighting in a

campaign representing some common aim? The longer the delay continues, the worse will be the situation of the troops on all the Russian fronts.' Woodrow Wilson, who had only reluctantly agreed to the presence of American troops on Russian soil, was equally forthright: 'Allied troops are doing no sort of good in Russia. They do not know for whom or for what they are fighting. They are not assisting any promising common effort to establish order throughout Russia. They should all leave.'

Allfrey was more optimistic: 'So ends the Russian adventure. I regret nothing, and have thoroughly enjoyed every moment of the expedition. I have also made many real good friends...and [seen] a particular part of the world which does not generally come within an Englishman's beat.' General Sir Henry Jackson, who replaced General Maynard in Murmansk in September after the latter's heart attack, and oversaw the troops' evacuation there in October, was more realistic: 'I hate leaving the poor Russians...I hate leaving the country, and so it is unsatisfactory only to take over just in time to do so.'

Churchill made two major mistakes with regard to Russia: he labelled her collapse in 1917 as 'treachery' and wrongly thought that 'loyal' Russians were available to fight for the Allied cause in 1918 and for the White cause in 1919. In the first instance, he failed to realise that Russian losses were so great that, after the failure of Brusilov's offensive in June 1917, there were mass desertions and anarchic soldiery, exacerbated by the revolution, which led to a sharp decline in the legitimacy of the officer corps. Nor did Churchill see that there were few 'loyal' Russians, most living quietly at home untroubled by the terror tactics and ruthlessness of the Bolshevik war machine. The Bolsheviks' promises of peace, land reform and a new social order were popular, particularly when combined with the slogan 'Down with the Foreign Invader' and the unexpected and brutal mutiny of Dyer's Battalion of the Slavo-British Legion forcefully illustrated this. Moreover, in Trotsky, the Bolsheviks had an able and energetic leader, who travelled by special train to the various fronts and instilled discipline by shooting any who deserted or withdrew. The Bolsheviks also had a unifying and powerful cause, whereas the Allies scarcely knew why or against whom they were fighting; their disarray mitigated in the Bolsheviks' favour. Captain Stephen Roskill, the noted naval historian, agreed with George Kennan when he wrote that 'the War of Intervention may well stand for all time as an example of unrivalled futility in the conduct of military and diplomatic affairs by four nations who, in that context, worked for disparate and often conflicting aims and could by no stretch of the imagination be de-

scribed as Allies.’ Of the four – Britain, France, Japan and the United States – the British aims were essentially inconsistent, the Foreign Office wanting to weaken Russia to prevent the re-emergence of the old rivalry between the two empires and Churchill at the War Office wanting to eliminate Bolshevism. The Japanese were more concerned with land acquisition in Siberia than in who formed the government in Moscow, while Woodrow Wilson was reluctant to send forces to Russia at all and was only influenced to do so by the plight of the Czech Legion. As we have seen, the American troops were deeply unhappy with their nebulous mission statement – and deeply unhappy at being under British command – and they were withdrawn from North Russia in June 1919. Finally, the French troops, despite their government being resolutely anti-Bolshevik and particularly keen to recover pre-war French debts, were considered to be slovenly, unreliable and mutinous.

As far as the Whites were concerned, the Bolsheviks understood far better than the Whites the political aspects of the civil war and they set up civilian administrations in their recaptured territory while the Whites relied on an ineffective military administration and a revival of the institutions of the old imperial elite. Simple opposition to Bolshevism was not enough to unite them and, with Kolchak restoring the rights of landlords, for instance, the peasants thought there would be a return to the old regime, while the national minorities were alienated by the Whites’ slogan of ‘Great Russia, one and indivisible’.

As for the original reasons for the intervention, the re-establishment of the Eastern Front to stop the flow of German divisions from there to the west was unsuccessful and the perceived threats posed by von der Goltz’ German troops and Mannerheim’s White Finns assumed greater importance than the reality warranted. Similarly, the military stores delivered to Murmansk and Archangel had largely been spirited away by the time the Allied troops arrived to secure them. The whole undertaking, from the Allied point of view, appears pointless and expensive, both in terms of lives lost and the one hundred million pounds that the intervention on all Russian fronts cost. The ideology of Bolshevism was so strong, however, and the upheaval and consequences of the Russian Revolution so enormous that the 8,000 men of the North Russian Relief Force appear mere pawns in a short-lived, forgotten and futile campaign. They did achieve what they were ostensibly sent out to do (to repatriate British troops), however, so that they were able to return home with their heads held high and only a lingering and privately-expressed anxiety that their actions would bring down Bolshevik retribution on the local inhabitants.

ЛЮДИ И СУДЬБЫ

В.И. Голдин

Драма капитана Бутакова, или Человеческое измерение Гражданской войны на Севере России

Это повествование посвящено сложной и драматической странице отечественной и мировой истории – Гражданской войне в России, началу международной интервенции Антанты в Архангельск, знаменовавшей собой и формирование широкомасштабного фронта Гражданской войны на Русском Севере, а, с другой стороны, – истории человека, оказавшегося в центре этих событий, который прибыл 2 августа 1918 г. в Архангельск из Мурманска на борту одного из кораблей эскадры Антанты, а тем самым, как показало время, и поставившего крест на собственной судьбе. Речь пойдет о морском капитане и председателе Архангельского общества лоцманов (лоц-командире) Степане Ивановиче Бутакове.

Со следственным делом С.И. Бутакова, хранящемся ныне в архиве Регионального управления ФСБ по Архангельской области, автор этих строк познакомился еще в советское время, в конце 80-х гг., в ходе работы над докторской диссертацией, посвященной истории интервенции и антибольшевистского движения на Севере России. Я был тогда первым из исследователей, который взял в руки это объемное следственное дело. Бутаков обвинялся в проводке в Архангельск эскадры Антанты летом 1918 г. Он был арестован в 1927 г., судим и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу.

В 1992 г. С.И. Бутаков был реабилитирован. В 1990-е гг. архангельский историк, кандидат исторических наук, мой друг и коллега Е.И. Овсянкин опубликовал несколько статей, посвященных трагедии незаслуженно осужденного, по его мнению, лоцмана Бутакова, и, считая справедливой его реабилитацию¹.

¹ *Овсянкин Е.И.* Судьба лоцмана Степана Бутакова // Архангельск. 1996. 20 марта; *Он же.* Гибель и воскресение Степана Бутакова // Морской флот. 1997. № 1. С. 38–39.

При этом он подверг резкой критике ряд исследователей, например, писателя Н.А. Журавлёва¹, которые считали Бутакова виновным в проводке эскадры Антанты в Архангельск. Для автора этих строк, много общавшегося в те годы с Е.И. Овсянкиным, его статьи о Бутакове остались, вместе с тем, незамеченными, и нам не пришлось обсуждать с ним эту тему.

Жизнь и судьба С.И. Бутакова затрагивались в дальнейшем в ряде книг и статей, посвященных архангельской лоцманской службе, авторы которых заканчивали свое повествование его реабилитацией в 1992 г.² Но это было лишь фрагментарное описание этой драматической истории людьми, в лучшем случае бегло знакомившимися с материалами следственного дела Бутакова и не являвшимися профессиональными историками, специалистами по истории Гражданской войны в России и на Русском Севере.

У автора этих строк все не доходило руки, чтобы вновь обратиться к следственному делу С.И. Бутакова, еще раз критически проанализировать изложенный там материал и написать об этом человеке и о драматическом эпизоде Гражданской войны и интервенции на Севере, связанном с проводкой иностранной эскадры в Архангельск. Но приближалось 100-летие Гражданской войны в России и на Русском Севере, и к этой теме нельзя было не обратиться, чтобы, сопоставив разные мнения, вынести, в конечном итоге, свой вердикт.

В феврале 2016 г. автор вновь внимательно изучил объемное следственное дело С.И. Бутакова (217 листов) в архиве Регионального управления ФСБ по Архангельской области, а год спустя еще раз обратился к нему. Кроме того, был изучен и широкий круг иных источников и литературы. Результатом и стала настоящая статья.

Итак, начнем с краткого описания жизненного пути Степана Ивановича Бутакова. Он родился 27 декабря 1879 г. и происходил из крестьян деревни Ершовка Лявленской волости Архангельского уезда Архангельской губернии. Автор этих строк прекрасно знаком с этими местами.

¹ Журавлёв Н.А. Эхо в снегах. М., 1986. С. 400–402, 424–428.

² Пителина В.Б., Плотицына Е.В. Лоцманский стан. Архангельск. 2012. С. 20–23; Егоркин В., Егоркина Н. Корабельные вожжи Архангельска. 400-летнему юбилею лоцманской службы посвящается. Архангельск, 2013. С. 128–129; Меньшиков В.М. Лоц-командиры общества архангельских лоцманов // Известия Русского Севера. 2014. № 6. С. 42–43.

Деревня Ершовка стоит на высоком двинском берегу, откуда открывается прекрасный вид на водные и иные окрестности, и, видимо, Степан не случайно избрал своей профессией речное и морское дело. Он стал ходить в море, согласно его показаниям, с 15 лет, а с 18 лет стал работать матросом. За его плечами было сельское училище, а затем он окончил курсы и Петроградское мореходное училище. Имел диплом штурмана дальнего плавания.

В 1904 г. Бутаков находился на воинской службе в Балтийском флоте и в сентябре того же года по экзамену ему был присвоен чин прапорщика по морской части. В октябре 1904 г. он стал служить на броненосце береговой охраны «Адмирал Чичагов». Весной 1905 г. он был переведен в 1-й флотский экипаж, а оттуда был назначен в Архангельск на пароход «Пахтусов» и служил там до 1913 г. производителем гидрографических работ.

Бутаков занимался исследованием морей Северного Ледовитого океана и, в частности, обследованием морских территорий, прилегающих к Мурману. В 1908 г. экспедицией Отдельной съемки Мурманского берега на пароходе «Пахтусов» были обнаружены острова (лудки), названные его именем. Это пять островков и несколько осушенных камней, входящих в группу Гавриловских островов у Мурманского берега, к востоку от устья реки Вороньей. Именем Бутакова была названа и банка, расположенная в Баренцевом море. Документы гласят, что острова и банка названы в честь поручика корпуса флотских штурманов С.И. Бутакова¹.

В 1913 г. он был назначен капитаном на пароход «Мурман», занимавшийся гидрографическими работами. 22 марта 1915 г. Бутаков был произведен в капитаны Корпуса гидрографов за отличие². В период Первой мировой войны приказом Главноначальствующего г. Архангельска и района Белого моря от 16 октября 1916 г. Бутаков был назначен исполняющим обязанности лоц-командира

¹ Краткий очерк работ по систематической описи Мурманского берега // Известия Архангельского общества изучения Русского севера. 1910. № 5; Географический словарь Мурманской области. Мурманск, 1996; URL: http://ke.culture.gov-murman.ru/slovnik/?ELEMENT_ID=93180 (дата обращения: 24.02. 2017.).

² Список офицерских чинов русского императорского флота. Царствование императора Николая Второго / Составитель В.Ю. Грибовский. URL: <http://www.petergen.com/publ/omsn202.shtml> (дата обращения: 9.02.2017.).

Общества Архангельских лоцманов, а приказом по Морскому ведомству от 17 марта 1917 г. он был утвержден в этой должности¹.

После Октябрьской революции должность лоц-командира была упразднена, и Бутаков был принят в Общество лоцманов, а в феврале 1918 г. был избран его председателем, точнее председателем Архангельского отдела Всероссийского Союза лоцманов, как официально стала именоваться эта организация.

Добавим к вышеизложенному, что С.И. Бутаков был женат и имел в браке с Юлией Николаевной Бутаковой (в девичестве Чагиной) шесть человек детей, которым в 1927 г. было от 10 лет до 21 года. До революции у него был дом в Архангельске, который был национализирован в годы советской власти. Имел Бутаков и полдома в отцовском доме в Ершовке, где и жила его жена с детьми в 20-е гг.

Летом 1918 г. С.И. Бутаков, будучи председателем Архангельского общества лоцманов, отправился из Архангельска в Мурманск, оккупированный в это время интервентами Антанты. А сейчас сделаем отступление, чтобы пояснить, как происходил генезис союзнической интервенции на Севере России.

Первые английские военные суда появились в северных российских водах в 1915 г. по просьбе российских властей той поры. Дело в том, что в условиях Первой мировой войны через арктические воды в северные порты, первоначально главным образом в Архангельск, направлялись корабли с союзническими грузами. Поток судов в годы войны стремительно нарастал, как и объем направляемых грузов. Рос и вывоз из России, через Архангельск, товаров, направляемых в страны Антанты. А, кроме этого, из Архангельска отправлялись русские солдаты для участия в боевых действиях на Западном фронте. В связи с этим немцы приступили к минированию трасс следования судов, а затем и развернули подводную войну в Арктике.

В этих условиях на Русский Север направляются английские тральщики и тяжелые боевые корабли. Воинское соединение Антанты стало именоваться британской Северорусской эскадрой (British North Russia Squadron) или Арктической эскадрой, а командующий ею – коммодор Т.У. Кемп был произведен в апреле 1917 г. в чин контр-адмирала.

¹ *Меньшиков В.М.* Лоц-командиры Общества архангельских лоцманов // Известия Русского Севера. 2014. № 6. С. 42.

Постепенно в руки англичан, несмотря на постепенное увеличение и числа русских военных кораблей здесь, реорганизованных в 1916 году во Флотилию Северного Ледовитого океана, переходит полный контроль над русскими северными водами и прежде всего Белого моря. «Хозяева положения в настоящий момент здесь англичане, а не мы», – вынужден был признать российский Морской штаб в Петрограде в то время¹.

Приход к власти большевиков в Петрограде в октябре 1917 г., а затем и распространение советской власти на Север, декрет II съезда Советов о мире и начатые переговоры о выходе из войны вызвали крайнюю озабоченность представителей стран Антанты.

23 декабря 1917 г. в Париже была подписана секретная англо-французская конвенция о разделе сфер влияния в России. Формально она преследовала цель борьбы с врагами в мировой войне, но фактически означала широкую поддержку антибольшевистских сил в России и укрепление английского и французского влияния в ней. В соответствии с достигнутой договоренностью Северная Россия была отнесена к «зоне влияния» Великобритании².

Считая необходимым сохранить свое влияние в России и на Русском Севере, представители Антанты поддерживали контакты как с представителями укреплявшейся здесь советской власти, так и с антибольшевистскими организациями, размышляя и о возможной военной интервенции.

Немецкое наступление на Петроград в феврале 1918 г., после прерванных переговоров о мире, поставило советское руководство в сложную ситуацию. В этих условиях находившие в России неофициальные представители стран Антанты француз Ж. Садуль, англичанин Р. Локкарт и американец Р. Робинс вступили в активный диалог с большевистским руководством. Одновременно они ходатайствовали перед своими правительствами о признании и оказании необходимой помощи большевикам ради удержания советского правительства от подписания Брестского мира. Правительство Франции уполномочило своего посла сделать заявление, что Россия может рассчитывать на ее военную поддержку в борьбе против Германии, хотя и не гарантировало политический

¹ *Столяренко М.А.* Моряки в огне революции. Л., 1960. С. 15.

² *Strakhovsky L.* The Franco-British Plot to Dismember Russia // *Current History*. March 1931. P. 841; *Волков Ф.Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 28–29.

нейтралитет в отношении внутрироссийской ситуации¹. Но официальный Лондон и Вашингтон не поддержали эту инициативу.

Углубляющийся кризис имел прямое отношение к Северной России. 21 февраля американский посол Д. Френсис в телеграмме в госдепартамент, ссылаясь на успешное наступление немцев, деморализацию советского правительства, возможность падения Петрограда и фактического превращения России в германскую провинцию с монархической формой правления, резюмировал: «Я серьезно настаиваю, чтобы мы взяли под свой контроль Владивосток, а британцы и французы – Мурманск и Архангельск, для предотвращения захвата находящихся там запасов немцами»². А британский генерал Пуль в это же время телеграфировал из Москвы в Лондон: «Я считаю, что нужна немедленная военная акция для обеспечения захвата порта Мурманска англичанами»³. Таким образом, формулировалась идея вооруженной интервенции на Север во имя союзнических военно-стратегических интересов.

В Мурманске резко активизировалась деятельность сотрудников штаба контр-адмирала Кемпа, стремившихся к укреплению контактов с руководством местных органов власти и уверявших их в своей поддержке. В конце февраля 1918 г. Т. Кемп обратился к британскому правительству с просьбой направить на Мурман 6 тысяч военнослужащих для защиты порта от угрозы атак из Финляндии⁴.

1 марта 1918 г. Мурманский Совет направил запрос в Совнарком, указывая, что возобновившееся немецкое наступление вызывает опасения за Мурманский край и железную дорогу, где возможно появление отрядов белофиннов и немцев. В телеграмме сообщалось о доброжелательном отношении союзных миссий и их готовности предоставлять необходимую помощь, «начиная с продовольствия до помощи живой силой включительно». Совет просил «сообщить руководящие указания, в особенности по вопросу

¹ *Садуль Ж.* Записки о большевистской революции. М. 1990. С. 192–194; *Чубарьян А.О.* Ленин и формирование внешней политики. М., 1972, С. 171.

² *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States.* 1918. Russia (FRUS). 1918. Washington, 1931. Vol. I. P. 384.

³ *Волков Ф.Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. М., 1980. С. 34.

⁴ *Ullman R.* The Anglo-Soviet Relations. 1917–1921. Vol. 1: Intervention and the War. Princeton, 1961. P. 115.

о том, в каких формах может быть приемлема помощь живой и материальной силой от дружественных нам держав»¹.

Вечером 1 марта в Мурманск была отправлена ответная телеграмма за подписью наркома по иностранным делам Л.Д. Троцкого. «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий и противопоставить все препятствия против хищников», – говорилось, в частности, в ней². Эта неосторожная фраза советского наркома стала в дальнейшем формальным основанием для расширения интервенции Антанты на Север. 2 марта в Мурманске на заседании представителей Совдепа, Центромура, Совжелдора и союзных миссий было выработано «Словесное, но дословно запротоколированное соглашение о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края»³. Для командования вооруженными силами района был учрежден союзный военный совет в составе английского майора Фоссета, французского капитана де Лагатинери и первого помощника капитана русского крейсера «Аскольд» В.А. Брикаса.

6 марта по достигнутому согласованию с борта флагмана эскадры Антанты линкора «Глори» в Мурманске высадился отряд английских морских пехотинцев с двумя орудиями. Так начиналось союзническое военное присутствие на мурманской земле, которое вызывало самые разноречивые суждения, от поддержки до тревоги и протестов.

Заметим, что у немцев и белофиннов (последние вели в это время гражданскую войну в стране с красными финнами и одержали в ней верх в начале мая 1918 г.) были замыслы оккупации северных регионов России, и в первую очередь портов. Но, как показало время, реальных ресурсов для этого не было, поэтому дело ограничивалось рейдами белофиннов в приграничные российские территории Мурмана и Карелии.

Тем не менее, представители Антанты в России и на Севере, полагая возможным крупное наступление немцев и белофиннов здесь, ходатайствовали об отправке на Русский Север от 5–6 до 15 тысяч военнослужащих. Положение на Севере России неоднократно было предметом рассмотрения весной 1918 г. на заседа-

¹ Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане. Мурманск, 1960. С. 145–146.

² Там же. С. 147.

³ Там же. С. 147.

ниях британского правительства, а также на совместных заседаниях представителей Антанты. Но ограниченность их воинских ресурсов не позволяла направить войска на Север в требуемых размерах, поэтому принимались решения об укреплении в первую очередь военно-морской мощи союзников в этом регионе России. Весной сюда были направлены английский крейсер «Корквейн», французский тяжелый крейсер «Адмирал Об» и американский крейсер «Олимпия». Через Мурманск эвакуировались на родину французские и сербские солдаты, но часть из них оставалась здесь.

В марте-апреле 1918 г. в высших военно-политических кругах Антанты активно обсуждались идеи интервенции в Россию «по приглашению» или «с согласия» советского правительства. В отношении северного региона страны эти планы обосновывались необходимостью совместной защиты края от немцев и белофиннов. Розыгрыш «мурманской карты» мог стать, по мнению сторонников такой интервенции, противовесом заключенному большевиками Брестскому миру, который союзники осудили и отказались признать. Они надеялись, восстановив Восточный фронт, облегчить положение на Западе, не без оснований полагая, что втягивание России в войну будет равносильно падению советского правительства, которое обещало народу мир.

Ограниченность союзнических воинских контингентов, которые могли быть направлены в Россию, не позволяла лидерам Антанты пойти на серьезное осложнение отношений с Советами, а приглашение советского правительства должно было придать действиям войск союзников законный характер и помочь избежать международных и внутривластных осложнений. Союзники, пытаясь расширить свою опору в России, поддерживали в этот период контакты как с большевиками, так и с их противниками¹.

Главная ставка руководством Антанты была сделана весной на отправку на Мурман нескольких десятков тысяч солдат находившегося в России Чехословацкого корпуса. Но в силу антисоветско-

¹ Подробнее о развитии ситуации на Мурмане весной – летом 1918 года см.: *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993. Г. 1–2; *Он же.* Интервенты или союзники? Мурманский «узел» в марте–июне 1918 г. // Отечественная история. 1994. № 1.

го мятежа чехословаков, вспыхнувшего в конце мая, этот замысел не был реализован.

В мае – июне 1918 г. события по организации интервенции Антанты на Мурмане вступают в решающую стадию. 20 мая британский военный кабинет принял постановление «Интервенция в России», а 23 мая последовало его решение о направлении в Северную Россию в распоряжение генерала Пуля военной миссии инструкторов для создания армии из чехов, русских и представителей других национальностей. Сам Ф.К. Пуль в годы Первой мировой войны работал в России, занимаясь поставкой британских грузов сюда. Он был ярким поборником и главным разработчиком планов вооруженной интервенции на Север России. 18 мая он отбыл из Англии и, спустя несколько дней, на борту американского крейсера «Олимпия» прибыл в Мурманск. Британский военный кабинет утвердил и направление на Мурман экспедиции в составе 600 пехотинцев, пулеметчиков и саперов для «обороны Мурманска и Печенги от немцев и финнов»¹.

1 июня американский президент В. Вильсон заявил о намерении послать в Мурманск войска США из числа соединений, направляемых во Францию. Длительные и настойчивые усилия союзников по вовлечению американцев в интервенцию в Россию, наконец, увенчались успехом. 3 июня на пленарном заседании Верховного совета Антанты был одобрен разработанный военными представителями текст объединенного меморандума № 31 «Союзная интервенция в русских портах Северного Ледовитого океана», который предусматривал направление 4–6 батальонов пехоты в Северную Россию для удержания Мурманска и возможной оккупации Архангельска. Эти войска должны были получить ‘поддержку со стороны чехословаков, перебрасываемых на Север, что, заметим, было уже невозможно в силу начавшегося антисоветского военного мятежа последних.

Интервенция Антанты на Севере связывалась и с ее предстоящей организацией в Сибири и, хотя считалась антигерманской, но фактически носила антисоветский характер, так как должна была осуществляться вопреки воле советского правительства. Британ-

¹ *Ullman R. Intervention and the War. P. 172–173, 193–194; Jackson R. At War with Bolsheviks. Allied Intervention into Russia, 1917–1920. London, 1972. P. 38.*

ский генерал Ф. Пуль был назначен главнокомандующим союзными вооруженными силами в России¹.

В июне в Мурманск прибывали суда Антанты с воинскими подкреплениями. Кроме того, под руководством англичан началось формирование на Мурмане славяно-британского, финского и карельского легионов. Два последних предполагалось использовать в первую очередь для противодействия белофиннам на границе. 22–23 июня с прибывших транспортов высадились примерно 1200–1500 британских военнослужащих во главе с генералом Финлейсоном, ставшим начальником штаба главнокомандующего Пуля, и генералом Мейнардом, возглавившим войска, непосредственно предназначенные для боевых действий на Мурмане.

Согласно различным источникам и литературе, к концу июня здесь под руководством англичан находилось от 5 с лишним до более 10 тысяч военнослужащих. По мнению автора, здесь было не менее 4,5 тысяч человек. Бывшие союзники России в Первой мировой войне, ставшие интервентами, имели в это время на Мурмане 4 крейсера, линкор, авианосец и ряд других военных кораблей. В их распоряжении находилось и большинство кораблей Мурманского отряда судов, ибо в условиях происходившей демобилизации для поддержания боеготовности миноносцев, ввиду возобновившейся немцами подводной войны, между Центральным комитетом Мурманского укрепрайона и отряда судов и союзным командованием было достигнуто соглашение, что их экипажи на 80 % укомплектовываются иностранными военнослужащими². Главную политическую и военную оппозицию силам Антанты на Мурмане составлял экипаж русского крейсера «Аскольд».

В июне лидеры советского правительства пытались убедить председателя Мурманского Совета А.М. Юрьева пойти на разрыв отношений с представителями Антанты и требовать вывода их кораблей и военнослужащих с Мурмана. Но тот отказался делать

¹ FRUS. 1918. Russia. Vol. II. P. 212; *Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников.* Архангельск, 1997. С. 443–444; *Long J. Civil War and Intervention in North Russia, 1918–1920. Ph.D. Dissertation. Columbia University, 1972. P. 85–87; Kettle M. Russia and the Allies, 1917–1920. Vol. II: The Road to Intervention. March – November 1918. London; New York, 1988. P. 169–170.*

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 16. Оп. 1. Д. 7. Л. 4–8.

это, указывая, что «если будем пытаться действовать против них, то полетим к черту, как во Владивостоке»¹. 30 июня под давлением интервентов состоялся разрыв Мурманского краевого Совета с советским правительством. Генерал Пуль, информируя Лондон о решении Мурманского Совета, заметил, что «его депутаты надели веревку на шею и, если они будут колебаться, я смогу заставить их быть твердыми»². Действительно, Мурманский Совет, порвав с Москвой, оказался в полной зависимости от бывших союзников.

В начале июля Совнарком объявил Юрьева «врагом народа» и «вне закона», и было принято решение об обороне Мурманска. В конце июня – начале июля на Мурмане произошли первые столкновения между войсками Антанты и советскими отрядами. 2 июля при захвате здания Кемского Совета англичанами и сербами были убиты три руководителя Совета, а остальные арестованы. Так, усилиями бывших союзников России, ставших интервентами, сложился Мурманский фронт Российской гражданской войны.

6 июля президиум Мурманского Краесвета подписал «Временное, по особым обстоятельствам соглашение с представителями Великобритании, Франции и США». Его целью провозглашалось сотрудничество в деле обороны Мурманского края от держав германской коалиции. Формально вся власть во внутреннем управлении краем передавалась Краесвету, но фактически хозяевами положения на Мурмане являлись представители Антанты. По свидетельству генерала Ч. Мейнарда, генерал Пуль относился к своим ближайшим русским помощникам и антибольшевикам Г.М. Веселаго и Н.И. Звезгинцову, как хозяин к своим слугам. А сам Веселаго писал впоследствии, что генерал Пуль вел «определенно реакционную политику и смотрел на русских, как смотрели англичане прежде на кафров»³.

В реализации замыслов осуществления военной интервенции в России и, в частности, на Русском Севере, принципиальную роль сыграли решения Верховного военного совета Антанты в Версале 2–3 июля 1918 г. 2 июля был представлен британский доклад о расширении интервенции в России. На следующий день на засе-

¹ *Кедров М.С.* Без большевистского руководства. Из истории интервенции на Мурмане (Очерки). Л., 1930. С. 119.

² *Ullman R.* Intervention and the War. P. 183.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРФ). Ф. 187. Оп. 124. Д. 3523. Л. 83; *Maynard C.* The Murmansk Venture. L., 1928. P. 39.

дании было заслушано сообщение первого лорда Адмиралтейства Э. Геддеса о результатах его поездки в Мурманск и распространен его доклад о ситуации в Северной России. Охарактеризовав положение здесь как безвластие, он изложил план генерала Пуля, который с помощью направленных ему дополнительно 5 тысяч солдат предполагал высадиться (мирно или вооруженным путем) в Архангельске и продвинуться к Вологде. В этом районе он считал возможным создать армию в составе 100 тысяч антигермански и просоюзнически настроенных русских. Большинство военных кораблей Антанты, находившихся в это время в Мурманске, не могли быть использованы для продвижения по Северной Двине к Котласу. Поэтому, сообщил Геддес, туда предстояло послать несколько специальных судов, к ним могли присоединиться и суда других союзников. Геддес, как и сам Пуль, характеризовал этот план как «рискованное предприятие», но считал, что он может и должен быть осуществлен.

В результате сессия Верховного военного совета одобрила планы расширения интервенции в Сибири и на Севере России. Британское, французское и итальянское правительства должны были ускорить отправку на Русский Север в общей сложности 6 батальонов, о чем была достигнута договоренность в совместном меморандуме ВВС 3 июня 1918 г., а американское правительство должно было дать ответ о направлении 3 батальонов и других частей, о которых телеграфировало ему правительство Великобритании 11 июня¹.

С фактической оккупацией Мурманска интервентами Антанты под руководством англичан развернулась подготовка к захвату Архангельска, налаживались связи с местными антибольшевистскими организациями. В таких условиях и состоялась поездка С.И. Бутакова из Архангельска на Мурман.

Вернулся Бутаков в Архангельск 2 августа 1918 г. на одном из кораблей эскадры Антанты. И в дальнейшем, уже после освобождения Архангельска, советские власти вменяли именно ему в вину проводку военных кораблей Антанты в этот город. Но сам Бутаков, служивший в годы Гражданской войны в захваченном Архангельске интервентами, в последний момент покинул город в феврале 1920 г. вместе с белогвардейцами, бежавшими на ледоколе «Козьма Минин» в Норвегию.

¹ Из истории гражданской войны в СССР. М., 1960. Т. 1. С. 31–32; *Kettle M. The Road to Intervention.* P. 236–244.

Попытки чекистов разыскать его после окончания Гражданской войны в России успехов не имели. След Бутакова терялся. Тем не менее, поиск его продолжался. В 1925 г. были получены сведения, признанные надежными, о том, что Бутаков находится в СССР, и началась его оперативная разработка. В деле сохранилась, например, запись от 2 июля 1925 г. с указанием: «Бутакова разыскать и арестовать с доставкой в Архангельск»¹.

В следственном деле Бутакова содержатся показания допросов свидетелей в июле и в сентябре 1925 года, в которых указывалось, что тот был членом антисоветской организации «Белый Крест», ездил летом 1918 г. в Мурманск, был руководителем проводки судов интервентов в Архангельск и даже стоял на мостике английского крейсера в качестве штурмана. В показаниях отмечалось также, что Бутаков служил в дальнейшем у белых и бежал с генералом Миллером. Утверждалось, что в дальнейшем Бутаков служил на одном из советских пароходов. В показаниях указывалось, что его семья в настоящее время проживает в деревне Ершовка. Но при этом свидетели показывали, что не знают, где находится Бутаков². Его поиск архангельскими чекистами был продолжен. 14 апреля 1926 г. последовал их запрос в Крым, но в поступившем оттуда ответе указывалось, что в Севастополе Бутаков не живет, а на службе в торгфлоте не состоит.

Поиск Бутакова не дал, казалось бы, результатов, но подозрения чекистов о том, что он находится в России, вероятно, остались. Поэтому разработка Бутакова продолжалась, и под контроль были взяты его близкие, проживавшие в Архангельске, и жена, жившая с детьми в деревне Ершовка.

5 января 1927 г. в результате обыска у свояченицы Бутакова П.Н. Чагиной было обнаружено письмо от него, адресованное жене. Вслед за этим состоялся обыск у его жены Юлии Николаевны и его сестры М.И. Карповой. В отношении всех троих были возбуждены дела по обвинению в укрывательстве и несообщении о местонахождении Бутакова, и они были арестованы. Как выяснилось, между Бутаковым, находившимся на Дальнем Востоке, и родными в Архангельске велась переписка. Он отправлял письма

¹ Здесь и далее цитирование идет по материалам архивного следственного дела С.И. Бутакова П–18575 архива Регионального управления ФСБ по Архангельской области (АРУ ФСБ по АО).

² АРУ ФСБ по АО. Д. П–18575. Л. 6–8.

на имя сестры жены – П.Н. Чагиной, проживавшей в Архангельске, на улице Прокашева, в доме № 1, который принадлежал ранее ему. Ответные письма опускались в последний момент в почтовый ящик на вокзале во время отхода поезда на Москву.

Архангельскими чекистами был направлен запрос в отдел ОГПУ во Владивостоке, и 10 января 1927 г. Бутаков был там арестован и направлен под конвоем в Архангельск.

Но прибытие его в Архангельск затянулось, и туда он был доставлен лишь 24 июня. Анализ следственных материалов позволяет понять, что Бутаков по ходу следования, содержался в Бутырской тюрьме в Москве, где в отношении него, вероятно, велись следственные действия. Но, очевидно, в Москве чекистами было решено, что Бутаков не представляет для них особого интереса, и в результате он был направлен в Архангельск.

Первые сохранившиеся в следственном деле материалы допросов С.И. Бутакова были произведены в Архангельске 27 и 29 июня 1927 г., а затем были продолжены. Протоколы допросов с показаниями Бутакова, заверенные его собственноручной подписью, хранятся в его следственном деле.

Он показывал, что весной 1918 г. в Архангельске пошли слухи среди населения, что бывшие союзники идут туда с целью интервенции, а Мурманск ими уже занят. В Архангельске начались аресты бывших офицеров. Будучи бывшим офицером флота и желая избежать ареста, утверждал Бутаков, он решил бежать из Архангельска, чему, по его словам, в некоторой степени способствовала встреча на улице с капитаном II ранга Поливановым, бывшим начальником охраны Архангельского порта, под непосредственным начальством которого ему приходилось ранее служить.

Они, по предложению Поливанова, зашли в сквер около собора в Архангельске, где состоялся их разговор. Тот рассказал о сложившейся ситуации, сообщив, что англичане заняли Мурманск. Сам Поливанов, по утверждению Бутакова, был недоволен советской властью и являлся монархистом.

Он предложил Бутакову отправиться в Мурманск, сообщив о готовящемся захвате англичанами Архангельска и сказав, что в случае направления сюда союзной эскадры, тот может быть полезен англичанам в смысле руководства проводкой английских судов. На другом допросе Бутаков показывал, что ему было сказано, что он может принести пользу и получить работу. Далее Поливанов якобы дал Бутакову записку на французском языке с именем

какого-то иностранца, находившегося в Мурманске, с указанием его адреса. Подследственный утверждал, что о содержании записки не знал.

Бутаков показывал на допросах, что принял предложение Поливанова, т.к. не разделял в это время политики советской власти и стоял за Учредительное собрание и республиканский строй¹.

Выждав некоторое время, Бутаков в июле, взяв отпуск по месту службы, отправился на пароходе «Ксения» в Кемь, а оттуда на пароходе «Ольга» в Кандалакшу. Здесь он встретился с управляющим заводом братьев Беляевых в Умбе П.П. Тикстоном, и с ним отправился на поезде в Мурманск. О пребывании там Бутаков давал противоречивые показания.

На первом допросе он говорил о том, что Тикстон, очевидно, состоял на службе белых, ибо знал о его намерении, рекомендовал его и вел переговоры с англичанином, который в итоге и посадил его на английское судно «Найрана», направлявшееся в Архангельск. На другом допросе Бутаков утверждал, что передал записку по назначению в Мурманске неизвестному лицу в штатской одежде в небольшом домике вблизи барачков. Прочитав записку, неизвестный просил подождать результата и поселиться там, в бараках. Потом Бутаков встретил этого человека на улице, и тот сказал, что посадит его на английский пароход «Найрана», что и было сделано².

В более поздних показаниях, в конце августа, Бутаков вносил принципиальные коррективы в картину своего пребывания в Мурманске. Он говорил, что поезд прибыл туда ночью, поэтому он переночевал в вагоне, а утром отправился по адресу, указанному в записке Поливанова. На этот раз подследственный именовал человека, с которым встретился, английским консулом. Тот, по его словам, принял его любезно и, прочтя письмо, начал разговор с ним о Поливанове, пояснив при этом, что тот женат на его племяннице. После этого собеседник Бутакова спросил, где он служит, в какой должности и каково положение в Архангельске. Тот ответил, что там всё спокойно. После получасового разговора Бутакова попросили немного подождать, сообщив, что отправят его в Архангельск на «английском транспорте “Найрана”».

¹ АРУ ФСБ по АО. Д. П-18575. Л. 82 об., 83, 84 об., 86.

² АРУ ФСБ по АО. Д. П-18575. Л. 86-86 об, 88.

Но это ожидание, как утверждал на допросе Бутаков, затянулось почти на десять дней. В конечном итоге, английский консул переправил его на «Найрану», которая той же ночью вышла в море¹.

Таковы были эти довольно путанные показания Бутакова, которые в дальнейшем уточнялись в ходе следствия. А сейчас прервемся, чтобы обратиться к ряду сюжетов, поднятых им в ходе показаний. Начнем с той первой встречи в Архангельске с человеком, который направил Бутакова в Мурманск. Речь пойдет о бывшем капитане II ранга Поливанове.

Итак, Сергей Матвеевич Поливанов накануне Первой мировой войны командовал посыльным судном «Бакан», единственным русским вооруженным кораблем на Белом море. Когда поступило известие о начале войны с Германией и о том, что немецкая эскадра якобы движется к северным берегам, Поливанов находился в Архангельске, и именно он стал одним из главных организаторов обороны города. Интернированные в Архангельске немецкие суда были затоплены на фарватере Северной Двины, сняты навигационные знаки на подходе к порту.

К счастью выяснилось, что слухи о направлявшейся в Архангельск немецкой эскадре оказались ложными. Но в условиях войны надо было заниматься обороной порта, и Поливанов был назначен помощником начальника охраны водного района Архангельского порта, а потом стал его начальником. Он выполнял эти обязанности на протяжении всего периода Первой мировой войны, до прихода к власти на Севере большевиков. В этот период складывалось и его тесное сотрудничество с англичанами. Возглавивший в годы войны, в октябре 1916 г., Архангельское общество лоцманов Бутаков отвечал за проводку судов в Архангельском районе, находившемся на военном положении, тесно взаимодействовал с начальником охраны порта Поливановым и признавал в дальнейшем, что служил под его начальством.

Впрочем, не все в Архангельском порту в годы войны было благополучно. В октябре 1916 г. и в январе 1917 г. произошли два страшных взрыва на территориях грузового порта Бакарица и аванпорта Экономия. Результатом стал огромный нанесенный ущерб и сотни жертв. Причины взрывов до сих пор вызывают споры, то ли это была немецкая диверсия, то ли обычная халатность

¹ АРУ ФСБ по АО. Д. П–18575. Л. 85–85 об.

и нарушение правил техники безопасности. Начатое следствие не было доведено до конца в связи с революционными событиями, но при этом начальника охраны порта Поливанова не относили к числу виновных.

Приход большевиков к власти в Петрограде, а затем и в Архангельске, и объявленный выход из войны привели к резкому осложнению их отношений с бывшими союзниками, которые начали, как уже указывалось выше, подготовку интервенции в Архангельск. В этих условиях центральные и местные органы советской власти приступили к ускоренному вывозу грузов из Архангельска в центр. Для этой работы была создана специальная Чрезвычайная комиссия по разгрузке Архангельского порта. Большевики приступили и к укреплению обороны Архангельска, чистке его от подозрительных лиц, арестам лиц, подозревавшихся в сотрудничестве с Антантой и в подготовке антисоветского переворота в Архангельске.

Летом 1918 г. здесь действовал целый ряд антибольшевистских организаций. Правые группировки, и прежде всего антисоветски настроенных офицеров, пытался объединить под своим руководством бывший капитан II ранга Г.Е. Чаплин, прибывший в Архангельск во второй половине июня и тесно сотрудничавший с англичанами. Он действовал здесь как сотрудник британской военно-морской миссии капитан Томсон. Чаплин координировал свои действия с руководителем местной организации «Национального центра» и лидером архангельских кадетов Н.А. Старцевым.

В июле в Архангельск нелегально прибыла из Вологды группа бывших членов Учредительного собрания. Среди них был один из лидеров «Союза возрождения России» (СВР) и партии народных социалистов Н.В. Чайковский, а также правые эсеры и видные деятели СВР С.С. Маслов, Я.Т. Дедусенко, М.А. Лихач и др. Они опирались в Архангельске в первую очередь на оппозиционные большевикам социалистические группировки, особенно правых эсеров, а также на средние городские слои, отдельные группы рабочих и крестьян окрестных деревень.

В числе организаций, принимавших участие в подготовке антисоветского переворота Архангельске, была и монархическая организация «Белый Крест», руководимая, как следует из ряда документов, бывшими полковниками А.А. Мурузи и Ф.А. Бараевым. Уволенный из охраны порта большевиками Поливанов был, согласно чекистским материалам, активным членом этой организации.

В членстве в ней чекисты в дальнейшем обвиняли и Бутакова. Сам он свое участие в ней отрицал и утверждал, к тому же, как уже упоминалось выше, что придерживался республиканских взглядов.

Что же обусловило в таком случае эту неожиданную поездку Бутакова на далекий Мурман? Тем более, что добраться до него в условиях военного времени было непросто. Сомнительно, что единственная встреча Бутакова с Поливановым привела вдруг к тому, что он бросил все дела и тайно направился в Мурманск. Даже, если принять во внимание то, что они были знакомы длительный период, и Бутаков служил под начальством Поливанова, вряд ли бы тот в ходе случайной встречи принял вдруг столь ответственное решение об организации поездки своего бывшего подчиненного к англичанам в Мурманск. Даже убедившись в ходе разговора в антисоветских взглядах Бутакова, посылать его туда только для того, чтобы передать англичанам некую тайную записку, было, вряд ли, целесообразно. Тем более, что Бутаков был все-таки человеком с положением.

Из всего вышеизложенного, в том числе показаний самого Бутакова, вытекает вывод, что он ехал в Мурманск к англичанам не как некий мелкий порученец для передачи записки. Эскадре Антанты с военными на борту предстояло прежде всего пройти очень непростое для плавания тяжелых военных кораблей Белое море. Если даже принять во внимание тот факт, что англичане уже несколько лет имели опыт плавания по нему, а сам командующий эскадрой контр-адмирал Кемп уже три года находился на Русском Севере, то он всё-таки не мог не подстраховаться, чтобы не иметь на борту своего корабля опытного русского моряка.

Но самое главное и сложное заключалось в ином. Для того, чтобы попасть в Архангельск, надо было пройти сложным фарватером Северной Двины. А Кемп прекрасно понимал, что тяжелые военные корабли вряд ли смогут пройти по нему и достичь Архангельска без лоцманской проводки. Да, можно было попытаться уже по ходу следования эскадры захватить лоцманов с одного из маяков, но это было рискованно, тем более, что их там могло и не оказаться.

Командование интервентов и эскадры, готовя операцию по захвату Архангельска, не могло не знать, что на острове Мудьюг, неподалеку от входа в устье Северной Двины, находятся русские артиллерийские батареи, прикрывавшие город еще от возможного морского набега немцев. Нельзя было исключать, что большевики, ожидая нападения бывших союзников, могли снять все навигац-

онные знаки, заминировать вход в Северную Двину и предпринять другие меры для обороны Архангельска. Поэтому эскадру, следующую туда, должен был сопровождать опытный моряк и лоцман, находящийся на советской службе и знающий все последние новости в Архангельске и на морском побережье. А для этого вряд ли можно было найти человека, лучше, чем С.И. Бутаков, который возглавлял Архангельское общество лоцманов, точнее Архангельский отдел их Всероссийского союза.

Мотивация самого Бутакова при поездке в Мурманск была обусловлена, вероятно, не только давними и тесными служебными отношениями с Поливановым, но и собственными антисоветскими взглядами. Кроме того, он уже длительное время по роду службы поддерживал тесные отношения с англичанами, обеспечивал проводку судов Антанты в период Первой мировой войны, и они оставались для него союзниками России. Это он признавал и в своих показаниях на следствии. Подобной точки зрения придерживался не один Бутаков, но и многие другие бывшие русские офицеры и гражданские лица, находившиеся в Архангельске, на Севере и в России в целом в тот период. И лишь реальности союзнической интервенции на Русском Севере в дальнейшем и их действия в Архангельске, в частности, заставят этих людей корректировать свои взгляды и поведение. Кто-то из них продолжит тесное сотрудничество с бывшими союзниками, ставшими интервентами, кто-то будет поддерживать отношения с ними вынужденно, а кто-то уйдет в оппозицию.

Но всё это будет в будущем. А пока доминирующим у многих, в том числе у Бутакова, мнением, было то, что необходимо обратиться к союзникам, чтобы помочь им или во взаимодействии с ними свергнуть советскую власть. А в дальнейшем попытаться организовать новую жизнь на Севере, решить в сотрудничестве с представителями Антанты вопросы, которые стояли здесь на повестке дня, получить их помощь в налаживании этой новой жизни и в борьбе с большевиками. При этом было очевидно, что предстоит тяжелая вооруженная борьба. Тем более, что продолжалась и Первая мировая война, из которой Советская Россия вышла посредством заключения тяжелого и унижительного Брестского мирного договора со странами Четверного союза, который осуждали многие патриотически мыслящие русские люди, но с расторжением этого документа страна вновь неизбежно втянулась бы в мировую войну.

Иначе говоря, на повестке дня в это время было много сложных вопросов, но начало их решения части россиян и северян, в частности, виделось в восстановлении отношений с бывшими союзниками и в строительстве с их помощью новой России. Время показало иллюзии этих людей о бескорыстной помощи союзников по Антанте, но это всё было впереди. А сейчас они стремились наладить отношения с ними, и с их помощью свергнуть советскую власть, идеи и практику деятельности которой они не принимали. К числу таких людей в это время относился и С.И. Бутаков. И только это могло мотивировать его сложную, ответственную и рискованную поездку на Мурман.

Остается вопросом, являлся ли сам Бутаков членом одной из активных антибольшевистских организаций. Сам он это отрицал. Но в дальнейшем, например, уже на суде, он утверждал, что не мог не поехать в Мурманск по приказанию Поливанова, боясь с его стороны репрессий. Но их должностных отношений по службе летом 1918 г. уже не существовало, ибо Поливанов был уволен, и не мог уже приказывать Бутакову, как своему подчиненному. Приказ же мог последовать только в том случае, если Поливанов был его руководителем как члена активной антибольшевистской организации, причастной к подготовке антисоветского переворота в Архангельске во взаимодействии с бывшими союзниками и при их военной поддержке.

Вряд ли Бутаков, зная его жизненный путь и характер, мог бы бояться Поливанова, о чем он говорил на суде. Это опасение могло проистекать только из того, что Бутаков знал о серьезности намерений и действий Поливанова, вовлеченного в подготовку вооруженного переворота в Архангельске. И тот, поделившись с Бутаковым своими планами и пытаясь привлечь его к выполнению тайного и ответственного задания, получив отказ последнего, мог прибегнуть к крайним мерам, включая его ликвидацию. Однако последнее все-таки было маловероятным.

Но вернемся к событиям лета 1918 г. Вышеуказанные антисоветские организации, готовившие переворот в Архангельске, поддерживали связи с английским консульством и с другими союзными миссиями, находившимися в этом городе, а также с сотрудниками спецслужб стран Антанты, которые периодически посещали Архангельск. Или, напротив, эмиссары этих организаций посещали Мурманск, как, например, С.И. Бутаков.

Готовя операцию по направлению из Мурманска военной эскадры для захвата Архангельска, командование Антанты усиливало

разведывательную деятельность. Секретную службу при главнокомандующем интервентами генерале Пуле возглавлял англичанин, полковник Джон Торнхилл, служивший в военной миссии в России с мая 1915 г. и являвшийся ранее помощником военным атташе в Петрограде, занимаясь разведывательной деятельностью. Он хорошо знал страну и, в частности, Русский Север. Его заместителем был майор У.У. Ван Сомерен, служивший до этого в штабе военных разведывательных операций в Лондоне. В их распоряжении была группа офицеров разведки, как работавших ранее в России (в миссии Локкарта, в Русском комитете поставок), так и прибывших из Англии (майор Дж. Скейл, капитан У.М.А. Макграт и др.). Они установили и поддерживали связи и взаимодействие не только с русскими антибольшевистскими организациями в Архангельске, но и со своими английскими коллегами, занимавшимися разведывательной деятельностью в России – капитаном Дж. Хиллом в Москве и капитаном Ф.А. Кроми в Петрограде.

Замысел операции по захвату Архангельска сводился к тому, что союзная эскадра должна была прибыть сюда одновременно с антибольшевистским восстанием в городе. В начале июля во время поездки контр-адмирала Кемпа в Архангельск, а затем в конце того же месяца во время путешествия на Мурман через Архангельск из Вологды находившегося там дипломатического корпуса, проходили встречи с руководителями заговорщиков в Архангельск, в частности, с уже упоминавшимися выше капитаном Г.Е. Чаплиным и Н.В. Чайковским.

28 июля 1918 г. в Архангельске был раскрыт, как указывалось в чекистских документах, заговор меньшевиков, эсеров, кадетов и офицерства. Согласно полученным чекистами сведениям, восстание планировалось на 29–30 июля и следовало продержаться 2–3 дня до подхода интервентов, что подтверждается и документами из антисоветского лагеря. В Архангельске были проведены аресты, и чекисты надеялись, что сорвали восстание. Но они ошибались, в их руки попали лишь рядовые участники.

Архангельским чекистам не хватало опыта. У них отсутствовала серьезная осведомительная работа, агентурные разработки, не было опытных следователей, что и сказалось на результатах. Заметим, что в это же время аресты прошли и в Шенкурске, где незадолго до этого было подавлено восстание мобилизованных. Но, как самокритично признавал в своих воспоминаниях бывший начальник Архангельской губернской Чрезвычайной комис-

сии П.И. Лукьянов: «С начала июня по вторую половину августа губЧК переживала организационный период и многого сделать не могла»¹.

Так или иначе, в конце июля – начале августа 1918 г. спецслужбы Антанты во взаимодействии с антисоветскими организациями завершали действия по переходу к завершающей фазе интервенции на Север – захвату Архангельска с последующим развертыванием наступления вглубь российской территории. Суда и группы лазутчиков стремились обследовать беломорское побережье у Архангельска, получить информацию о ведущихся оборонительных работах, минных заграждениях в устье Северной Двины, чтобы обеспечить успешный захват города. Здесь энергично действовали, в частности, британские разведчики Макграт и Харрисон, свою разведывательную сеть имел и французский военный атташе полковник Доноп.

Работавший в тесном контакте с англичанами бывший капитан II ранга Г.Е. Чаплин установил тесные связи с различными антибольшевистскими организациями и стремился к координации их действий в ходе подготовки восстания в Архангельске. Сам Чаплин оценивал в дальнейшем численность людей в своих организациях сначала в 300 человек, а в момент восстания – почти в 500 человек. Парадоксально, но ему обманным путем, удалось привлечь к участию к восстанию в Архангельске отряд красных финнов, бывших участников Гражданской войны в Финляндии, бежавших после поражения на Север России (в количестве 120 человек), находившийся в городе².

Таким образом, проводимая с использованием многообразия методов, форм и институтов военная, политическая, разведывательная и подрывная деятельность главным образом британских, а также французских спецслужб, или, по выражению современного западного исследователя М. Оккешоу, «разведывательная интервенция» стала прологом военной интервенции Антанты в Архангельск.

Союзные послы, покинувшие Вологду после информации о готовящейся интервенции в Архангельск, ехали через этот го-

¹ Кубасов А.Л. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией на Севере России (март 1918 – февраль 1922 г.). М.; Вологда, 2008. С. 153.

² Чаплин Г.Е. Два переворота на Севере (1918 год) // Белое дело. Берлин, 1928. Т. 4. С. 17, 20.

род, имея возможность встретиться здесь с руководителями заговорщиков. Прибыв 30 июля в Кандалакшу, они срочно связались с генералом Пулем. Уведомив его о назначенном на 31 июля восстании, они просили, чтобы союзные войска были там не позднее, чем через 48 часов, полагая, что в противном случае последствия будут «катастрофическими» для восставших.

Получив информацию от союзных послов о готовящемся восстании в Архангельске, генерал Пуль отдал приказ о срочном направлении туда эскадры с войсками. Первый отряд кораблей, о котором расскажем немного позднее, покинул Мурманск вечером 30 июля. На следующее утро в Архангельск направился еще один отряд кораблей в составе 4 транспортов с войсками, 4 военных тральщиков и миноносца. В общей сложности на судах союзной эскадры находилось примерно 1400–1500 военнослужащих, британцев, французов и американцев¹.

Замысел главнокомандования экспедиции заключался в том, чтобы не только захватить Архангельск, но овладев г. Онега и наступая оттуда далее на станцию Обозерская, расположенную на железной дороге, соединяющей Архангельск с Москвой, отрезать и уничтожить советские войска, располагавшиеся в архангельском районе, и создать тем самым благоприятные условия для стремительного продвижения союзных эшелонов на Вологду.

Операцией по захвату г. Онеги руководил начальник разведывательного отдела вооруженных сил Антанты полковник Торнхилл. 31 июля его отряд, высадившись с моря, овладел городом и двинулся через Чекуево на Обозерскую, но, встретив сопротивление, вынужден был отступить к Онеге.

Но вернемся к главной операции Антанты по захвату Архангельска. И в связи с этим вновь обратимся к следственному делу и показаниям С.И. Бутакова. Он свидетельствовал, что английский консул посадил его вечером в Мурманске на английское судно «Найрану», и той же ночью оно вместе с другими кораблями союзнической эскадры вышло в море. «За всё время перехода моих услуг не требовалось», – утверждал в своих показаниях на следствии Бутаков. Утром 1 августа эскадра Антанты подошла, по его показа-

¹ *Strakhovsky L.I.* Intervention at Archangel. Princeton, New Jersey, 1944. P. 14, 261; *Rhodes B.* The Anglo-American Winter War with Russia. 1918–1919. A Diplomatic and Military Tragicomedy. New York; London, 1988. P. 21, 26.

ниям, к реке Северной Двине и остановилась перед плавучим маяком, корабли «Аттензив» и «Найрана» встали здесь на якорь¹.

Прервёмся здесь с цитированием показаний Бутакова, чтобы внести некоторые частные и принципиальные уточнения. Во-первых, эскадра еще не подошла к самой Северной Двине. Это был пока Двинской залив Белого моря. Плавучий маяк был выставлен в море на расстоянии 10–12 км от Мудьюга для наблюдения за подходящими иностранными судами².

Во-вторых, и это являлось самым главным и определившим судьбу Бутакова, уточним, на каком судне следовал он в Архангельск. Название этого корабля уже упоминалось неоднократно – «Найрана». Но Бутаков все время утверждал в своих показаниях и на следствии, и на суде, что это был транспортный корабль, который, к тому же, следовал последним в караване судов эскадры. Заметим, что и историк Е.И. Овсянкин, выступивший в 90-е годы в его защиту, стоял на такой же позиции и утверждал, что Бутаков, следовавший на транспортном судне, да еще и в конце эскадры, не имел никакого отношения к проводке эскадры Антанты и был напрасно осужден.

Но дело в том, и это принципиально меняет всю картину, что «Найрана» являлась не мирным транспортным судном, а новинкой, ноу-хау военно-морского флота той поры. Тогда этот корабль называли авиаматка (seaplane carrier), а, говоря современным языком, это был авианосец. Иначе говоря, это было чудо военно-морской техники XX века, призванное предрешать успех борьбы за моря в наступившем столетии.

Расскажем об этом корабле подробнее. Он был заложен на верфях Шотландии в 1915 г. как гражданское судно, но шла Первая мировая война и, будучи реконструирован в авианесущий корабль, сошел со стапелей в 1917 г. и был передан британскому Адмиралтейству для Большого флота страны. Это было судно длиной более ста метров, на вооружении которого было четыре 76-миллиметровых орудия. В составе экипажа было 278 человек, в том числе 90 человек авиационного персонала. На ее борту могло находиться 7–8 самолетов³.

¹ АРУ ФСБ по АО. Д. П–18575. Л. 85.

² Метелев А.Д. Падение Архангельска // Борьба за Советы на Севере (1918–1919). Архангельск, 1926. С. 56–58.

³ URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/HMS_Nairana_\(1917\)](https://en.wikipedia.org/wiki/HMS_Nairana_(1917)) [http://military.wikia.com/wiki/HMS_Nairana_\(1917\)](http://military.wikia.com/wiki/HMS_Nairana_(1917)) (дата обращения: 8.02.2017).

В 1918 г. «Найрана» прибыла в Мурманск для пополнения британской военно-морской эскадры. И вот в конце июля в составе эскадры Антанты этот новейший военный корабль под флагом командующего, контр-адмирала Кемпа с самолетами на борту отправился в поход для захвата Архангельска. Это само по себе говорило об особой важности этого корабля в составе эскадры.

И тот факт, что Бутаков находился на борту этого главного корабля интервентов, свидетельствовало о том, что он был не простым пассажиром (как пытался убедить в дальнейшем следствие), возвращавшимся в Архангельск, но был значим для ее командующего, который хотел видеть его рядом. Добавим, что по данным, приводимым генералом У.Э. Айронсайдом, преемником генерала Пуля в качестве командующего войсками Антанты на Севере, на борту «Найраны» находилось двести французских пехотинцев¹. В этой кампании с французскими и английскими солдатами и матросами (в общей сложности с учетом численности экипажа – около 500 человек) Бутаков возвращался в Архангельск.

В составе первого отряда судов были также французский тяжелый (броненосный) крейсер «Адмирал Об», на борту которого находилось 200 французских солдат и 100 английских морских пехотинцев, английский легкий крейсер «Аттендив» (с сотней французских пехотинцев), 6 вооруженных тральщиков, 2 канонерки, замаскированные под торговые суда, и яхта «Сальватор» со штабом главнокомандующего генерала Пуля на борту. А на следующий день, 31 июля, в составе второго отряда кораблей в Архангельск направились, как уже упоминалось выше, 4 вооруженных траулера и эсминец, а также 4 транспорта и грузовых судна. Практически на всех кораблях находились войска, в основном английские и французские, всего, по сведениям Биерера, около 1400 человек, включая 3 офицеров и 51 солдата с американского крейсера «Олимпия»².

Итак, вернемся к показаниям Бутакова, прерванным на том, что «Аттендив» и «Найрана» встали на якорь перед плавучим маяком, не доходя до острова Мудьюг. «Затем снялись, – продолжал Бутаков, – и меня попросили на мостик», но не пояснял, зачем. Не-

¹ Айронсайд Э. Архангельск. 1918–1919 гг. // Зброшенныя в небытне. Інтэрвенцыя на Руском Севере (1918–1919) глaзaмi яе учaстнiкoв. Архангельск, 1997. С. 222.

² Зброшенныя в небытне. С. 222, 444.

много не доходя до Мудьюгского маяка, показывал он на допросе, увидел сигнал на маяке, но значения его не знал. В ответ «Найрана» подала сигнал, значения которого он тоже не понял. После этого на мостик вышел контр-адмирал Кемп¹, но состоялся ли у него в это время разговор с Бутаковым, последний умалчивал.

«Найрана» и «Аттентив» направились к плавучему маяку и встали здесь на якорь. Показания Бутакова в этой части дополняет доклад другого участника экспедиции, командера Б.Б. Биерера, с американского крейсера «Олимпия» (который шел на яхте «Сальватор»), направленный 3 августа 1918 г. уже из Архангельска старшему офицеру этого крейсера, оставшегося в Мурманске. Он сообщал, что движение эскадры происходило не без приключений. Погода была холодная, а на море – волнение, лег плотный туман. В результате ночью, около трех часов, французский крейсер «Адмирал Об» сел на мель в Белом море, в районе Инцы. «Сальватор», входивший в это время в воды Белого моря, отправился к нему на помощь. Было очень туманно. Приблизившись к указанному месту «Сальватор» начал поиски французского корабля, но получил радиограмму, что тот снялся с мели.

Тогда яхта с этим американским офицером на борту двинулась к острову Мудьюг и встала здесь на позиции около 4-30 дня. Когда рассеялся туман, он увидел тут «Адмирала Оба», который, как выяснилось, встал здесь на якорь около 3-30 дня. Тут же стояли на якоре, по рассказу Биерера, прибывшие около полудня «Найрана» и «Аттентив»².

Английские военные моряки с крейсера «Аттентив» захватили плавучий маяк с находившимися здесь лоцманами. В следственном деле Бутакова находятся показания лоцмана Ф.О. Урпина от 19 августа 1927 г. Он указывал, что при проходе английской эскадры мимо Северо-Двинского плавучего маяка находился на нем и был арестован вместе с другими лоцманами и комиссаром Смолюровым³. Вероятно, это имя – ошибка, ибо комиссаром маяка был П.В. Кукин, действительно захваченный в плен вместе с лоцманами.

Сам Бутаков указывал в своих показаниях, что крейсером «Аттентив» были арестованы лоцманы. При этом на одном из допросов он показывал, что фамилий их не помнит, но на другом сооб-

¹ АРУ ФСБ по АО. Д. П–18575. Л. 85.

² Зброшенне в небытие. С. 445.

³ АРУ ФСБ по АО. Д. П–18575. Л. 87.

щал, что на «Найрану» был доставлен лоцман Пустошный (кажется, Василий, добавлял он), который и вел в дальнейшем корабль, где находился и он сам. Снимая с себя ответственность за проводку кораблей Антанты в Архангельск, Бутаков указывал на допросах, что захваченные лоцманы были помещены и на другие корабли, и именно они вели эскадру. По современным данным, с Северо-Двинского маяка было снято 8 лоцманов, дежуривших здесь на вахте¹.

А сейчас обратимся к другому вопросу, имел ли сам Бутаков отношение к захвату маяка и аресту лоцманов. Дело в том, что один из свидетелей утверждал в ходе расследования, что тот руководил захватом маяка. Но уже упомянутый выше лоцман Урпин, допрошенный как свидетель, указывал, что во время своего ареста Бутакова не видел. Как руководитель Общества лоцманов Бутаков, безусловно, знал всех своих подчиненных и маяки, расположенные по пути следования к Архангельску. Сообщал ли он о них интервентам или они и сами знали об их расположении, остается вопросом. Так или иначе, захваченный маяк находился на пути следования к Мудьюгу и, арестовав здесь лоцманов, интервенты облегчили себе задачу движения к Архангельску, ранее надеясь лишь на помощь Бутакова.

Сам он утверждал на одном из допросов, что на «Найране» не вел переговоров с английским командованием, хотя признавал, что его вызывали на мостик, где находился контр-адмирал Кемп, и тот, в частности, задавал вопросы о том, есть ли в районе Мудьюга минные заграждения.

Бутаков в ходе допросов давал скупые показания о бое за остров Мудьюг. Он утверждал, в частности, что, не доходя до Мудьюга, корабль, на котором он находился, был обстрелян артиллеристами с этого острова и вблизи ее корпуса разорвался снаряд. «Найрана», по словам Бутакова, сделала два ответных выстрела по северной оконечности Мудьюга².

Более подробное описание этого боя давал уже упомянутый выше американский офицер Биерер. Он указывал, что капитан крейсера «Аттендив» телеграфировал с маяка командующему батареей острова, требуя сдать. Батарея, по его словам, состояла

¹ Пителина В.Б., Плотицына Е.В. Указ. соч. С. 26.

² АРУ ФСБ по АО. Д. П-18575. Л. 85, 86 об.

из четырех орудий, размещенных в полумиле к югу от маяка, и четырех – в полумиле – к северу. Половину из этих орудий составляли гаубицы. По российским источникам, эти восемь орудий составляли не одну, а две батареи. В орудийной прислуге было всего 35 матросов.

«Найрана» и «Аттензив» подошли к берегу острова и готовились к высадке войск, поскольку командующий артиллерией якобы заявил, по словам Биерера, что встретит десант лично. Но батарея, однако, просигналила, указывая в докладе американский офицер, чтобы отряд не высаживался. Тогда корабли интервентов были отведены, по свидетельству Биерера, на безопасное расстояние, около шести тысяч ярдов (около 6 км) к северу, и эскадра вступила в бой. Заметим, фарватер проходил рядом с берегом острова Мудьюг и пройти мимо него, к устью Северной Двине без боя было невозможно.

Крейсер «Аттензив» открыл огонь, выпустив, по словам Биерера, около 30 снарядов. Батарея сделала несколько выстрелов, и один из ее снарядов поразил переднюю дымовую трубу на этом крейсере, сильно повредив ее, но, не причинив, однако, большого ущерба кораблю. Взлетевшие с «Найраны» самолеты, о чем умалчивал находившийся на этом корабле Бутаков, нанесли бомбовой удар по защитникам острова и обстреливали их из пулеметов.

На Мудьюг с крейсера «Аттензив» и «Найраны» были высажены солдаты, около 150 человек, по приводимым Биерером данным¹. Батареи, не прекращая огня, послали для отражения десанта 15 матросов во главе с бывшим старшиной с броненосца «Пересвет» Матвеем Омельченко².

Как утверждал американский офицер Биерер, появление в зоне видимости защитников острова броненосного крейсера «Адмирал Об» (с его десятью тяжелыми орудиями, шестью 100-миллиметровыми и восемнадцатью 47-миллиметровыми пушками³) и непрерывная бомбежка с самолетов стали причиной того, что артиллеристы покинули батарею, которая, добавлял он, не была повреждена ни обстрелом, ни бомбовыми ударами.

¹ Зброшенне в небытие. С. 445.

² URL: <http://www.korvet2.ru/vojna-na-severe.html> (дата обращения: 8.02.2017).

³ URL: <http://battleships.spb.ru/0279/history.html> (дата обращения: 8.02.2017).

После неравного боя, длившегося более двух часов, артиллеристы взорвали погреба с боезапасом, сняли с орудий замки и отступили. Бутаков показывал на следствии, что после высадки десанта «Найрана» продолжала стоять на якоре до тех пор, пока на Мудьюге, на сигнальной мачте, не поднялся французский флаг¹.

Ход этого боя и причины эвакуации острова стали в дальнейшем, уже после окончания Гражданской войны, предметом разбирательства и публикаций с изложением существенно различающихся версий. Заметим лишь, что бой был неравным, ибо орудиям Мудьюга противостояли около 60 орудий и пушек двух крейсеров и «Найраны», а также авиация последней. По мнению ряда специалистов, бой за Мудьюг был, возможно, первым в мировой истории, когда комбинированно использовались военный флот, авиация и проводилась сухопутная операция.

В связи с этим двухчасовым сражением за Мудьюг встает другой и, по сути своей, морально-нравственный вопрос, связанный с Бутаковым. Интересно, какие чувства и эмоции испытывал этот русский человек, находясь на борту английского военного корабля, самолеты и артиллерия которого бомбили и обстреливали русскую землю, стремясь прорваться к Архангельску и впервые в истории захватить этот город? Были ли у него сомнения, сожаления, или же, сделав свой выбор, он был просто пассивным наблюдателем и не испытывал никаких эмоций? По крайней мере, в своих показаниях на допросах Бутаков не касался этой темы.

После окончания мудьюгского боя «Аттентив», по показаниям Бутакова, снялся с якоря и направился в сторону Архангельска. За ним последовала яхта «Сальватор», а через час, снявшись с якоря, за ними направилась и «Найрана». Последняя шла, по его словам, от плавучего маяка под проводкой лоцмана Пустошного².

Биерер указывал в своем донесении, что эти корабли снялись с якоря в 7-30 вечера, чтобы взять курс на Архангельск. Крейсер «Адмирал Об» и два тральщика были оставлены охранять остров Мудьюг. Но выяснилось, продолжал американский офицер, что противником предпринята попытка заблокировать проход к городу. Два ледокола были затоплены в узкой протоке юго-западнее порта Лапоминский, а на следующее утро, 2 августа, неподалеку был затоплен другой пароход. Поэтому движение военных кора-

¹ АРУ ФСБ по АО. Д. П-18575. Л. 85.

² АРУ ФСБ по АО. Д. П-18575. Л. 85, 168.

блей к Архангельску было остановлено. В 8-30 вечера к месту сбора эскадры прибыли шесть тральщиков и две канонерские лодки – «Тэй» и «Тайн»¹.

Бутаков показывал на допросе, что корабли, дойдя до створной башни, встали на якорь. Здесь его и лоцмана Пустошного вызвал к себе контр-адмирал Кемп и задал вопрос, есть ли в районе Мудьюга минные заграждения. Бутаков и Пустошный отвечали, что не знают². Заметим, что, согласно имеющимся данным, вечером этого же дня (1 августа) самолет (или самолеты) с «Найраны» совершили облет Архангельска, разбрасывая здесь листовки, извещавшие о подходе эскадры Антанты к городу.

Это заставило местные советские власти, учитывая неравенство в боевой мощи с интервентами, срочно начать вечером и ночью эвакуацию Архангельска. Вверх по Северной Двине отправился караван судов, а часть войск гарнизона эвакуировалась из самого города на левый берег реки. Это стало сигналом для вооруженного выступления заговорщиков, которое началось вслед за советской эвакуацией из Архангельска, в ночь на 2 августа.

Утром 2 августа крейсер «Аттентив» и тральщик, согласно докладу Биерара, проверили канал (фарватер Северной Двины) и обнаружили, что затоплены два больших ледокола – «Святогор» и «Микула Селянинович», а также минный заградитель «Уссури». Но последний находился совсем рядом с правым берегом, «Микула Селянинович» – с левым, нос «Святогора» был у левого берега, а корма – у середины канала. Таким образом, между ледоколами образовался, по словам Биерера, глубокий, но узкий проход. «Аттентив», траулер и яхта «Сальватор» смогли успешно пройти этим проходом. Кемп перенес свой флаг с «Найраны» на «Сальватор», который, указывал Биереру, около 11-30 утра встал на якорь ниже по течению от ледоколов³.

Согласно показаниям Бутакова, «Найрана» подошла вслед за этими судами к указанному месту затопления ледоколов. Оно казалось слишком узким для ее прохода, но, когда подошли ближе, то выяснилось, что проход достаточен, и корабль прошел его, направившись далее в Архангельск⁴.

¹ Зброшенныя в небытце. С. 445.

² АРУ ФСБ по АО. Д. П–18575. Л. 85, 170.

³ Зброшенныя в небытце. С. 445–446.

⁴ АРУ ФСБ по АО. Д. П–18575. Л. 89 об.

Заметим, что это неудачное затопление судов, которые, к тому же, планировалось взорвать, но это не было сделано, стало в дальнейшем, уже после ухода интервентов и белогвардейцев из Архангельска, предметом специального расследования. В случившемся обвиняли прежде всего членов контрреволюционных организаций, действовавших в Архангельске в то время, а в срыве взрыва судов – персонально главного специалиста по взрывному делу, бывшего полковника М.М. Костевича, находившегося в качестве военспеца на службе у советской власти, а затем перешедшего на сторону ее противников.

Согласно докладу Биерера, в 3–45 дня эскадра заняла аванпорт Экономию, а несколько ранее, в 3 часа, были получены сведения о восстании в Архангельске и в его рабочем районе Соломбала, где положение было критическим, поэтому эскадра срочно взяла курс на Архангельск¹. Вечером интервенты высадились в центральной части города, где их встречали члены сформированного в результате переворота органа власти под громким названием Верховное управление Северной области (ВУСО), состоявшего в абсолютном большинстве из умеренных социалистов во главе с Н.В. Чайковским.

Впрочем, уже через несколько дней выяснилось, что надежды на то, что власть в Архангельске окажется в руках названного органа и действительно будет верховной, оказались тщетными. Действительными хозяевами в городе и в провозглашенной Северной области оказались интервенты. А в начале сентября в результате переворота в Архангельске члены ВУСО были арестованы правыми заговорщиками во главе с командующим войсками Северной области Чаплиным, действовавшим под покровительством англичан, и сосланы на Соловецкие острова. Спустя несколько дней, правда, благодаря заступничеству дипломатического корпуса, их вернули в Архангельск, но к своей деятельности так называемое «Верхнее управление» более уже фактически не приступало, а в начале октября Чайковским был сформирован орган уже под более скромным названием – Временное правительство Северной области.

В начале января 1919 г. сам Чайковский отбыл в Париж, а его обязанности в Архангельске исполняли сначала кадет П.Ю. Зубов, а потом генерал Е.К. Миллер. Но фактическими хозяевами здесь оставались интервенты Антанты. Командующий войсками и член правительства Северной области генерал В.В. Марушевский впо-

¹ Зброшенныя в небытiе. С. 446.

следствии откровенно признавал: «Чтобы охарактеризовать создавшееся положение, проще всего считать его «оккупацией». Исходя из этого термина, все отношения с иностранцами делаются понятными и объяснимыми»¹.

Но вернемся к Бутакову. «Найрана», на борту которой он находился, прибыла в портовый район Бакарица. А на следующий день, 3 августа он катером отправился на берег, на свою квартиру, а затем к семье в Лявлю. Что же касается «Найраны», то утром 3 августа она вместе с крейсером «Атентив» вступила в бой с отрядом красноармейцев прибывшего из Москвы эшелона под командованием наркома Советской ревизии М.С. Кедрова. Красноармейцы заняли узловую станцию Исакогорка и продвигались к Бакарице. Но огонь орудий кораблей Антанты и бомбовые удары авиации «Найраны» заставили их отступить.

После всего вышеизложенного зададимся вопросом, проводил ли все-таки Бутаков эскадру Антанты в Архангельск? С формальной точки зрения нет, ибо по Белому морю военные корабли шли самостоятельно, а по фарватеру Северной Двины их вели захваченные англичанами лоцманы. Но к услугам Бутакова интервенты могли прибегнуть в любой момент, да он и сам свидетельствовал, что неоднократно вызывался на мостик «Найраны» в критические минуты и отвечал на вопросы контр-адмирала Кемпа.

Но давайте представим себе, что лоцманы не были бы захвачены на Северо-Двинском маяке. И тогда, без сомнения, Бутакову самому пришлось бы вести эскадру по фарватеру Северной Двины. И хотя он оговаривался в своих показаниях, что не был готов к этой миссии, не знал фарватера, но в это вряд ли можно поверить. Ведь, как уже указывалось выше, он ходил в море с 15 лет и, таким образом, на протяжении двух с лишним десятилетий многократно проходил низовья реки Северной Двины, выходя в Белое море, как штурман, судоводитель и лоцман. Другое дело, что вести тяжелые военные корабли было бы для него делом новым и непривычным, но именно для этого он, без сомнения, и направлялся из Архангельска в Мурманск.

Что касается служебных дел Бутакова после возвращения в Архангельск в августе 1918 г., то он вернулся на старую должность

¹ *Марушевский В.В.* Год на Севере (август 1918 – август 1919 гг.) // *Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы.* Вып. 1. Архангельск, 1993. С. 340.

председателя Архангельского общества лоцманов, т.к. считался в отпуске, и принял дела от старосты П.П. Пустошного. Бутаков указывал в своих показаниях на следствии, что «о действительной причине поездки в Мурманск жене ничего не рассказывал, но впоследствии жена узнала по случаю, что был в Мурманске»¹. Об этой поездке узнала и сестра Бутакова – М.И. Карпова.

Уже после ареста Бутакова и его допросов станет очевидным, что он рассказывал жене и сестре не только о поездке в Мурманск, но и о проводке им в Архангельск эскадры Антанты. Сам Бутаков объяснял это так: «Что касается моих рассказов жене и сестре, что я якобы провел эскадру – то это просто моё хвастовство, где я хотел выставить себя каким-то героем»². Но даже, если это и было хвастовством, то оно обошлось в дальнейшем Бутакову очень дорого.

Жена Бутакова на одном из допросов в сентябре 1927 г., в частности, показывала: «Когда в Архангельск прибыла английская эскадра, возвратился с ней и муж, который мне говорил, что он в Архангельск провел английскую эскадру». «Но этому я мало верила, – добавляла она, – так как считала это хвастовством с его стороны, вообще он любил всегда похвастаться»³.

Очевидно, что об этой его поездке в Мурманск и выполненной миссии узнали впоследствии и сослуживцы. И, видимо, их реакция была различной, ибо, как признавался Бутаков на допросе: «Также я встречал косые взгляды со стороны знакомых и сослуживцев»⁴. Свидетели показывали, что он в период интервенции поддерживал тесные связи с англичанами. Да и его служебная деятельность в качестве лоц-командира этому всемерно способствовала, ибо интервенты установили полный контроль над Архангельским портом и активно вывозили из него грузы в счет погашения помощи, оказываемой белогвардейцам. А их корабли с грузами до выхода в Белое море сопровождали лоцманы из возглавляемой Бутаковым организации. Судя по всему, он поддерживал и тесные связи в период Гражданской войны на Русском Севере с С.М. Поливановым, который после антисоветского переворота в августе 1918 г. в Архангельске вновь занял должность начальника охраны Архангельского порта.

¹ АРУ ФСБ по АО. Д. П–18575. Л. 90.

² Там же. Л. 86 об.

³ Там же. Л. 128 об.

⁴ Там же. Л. 90.

Сожалел ли С.И. Бутаков об этом факте своей биографии, поездке в Мурманск, которая является предметом исследования в данном очерке, сказать трудно. Скорее всего, это вряд ли все-таки происходило в годы Гражданской войны и интервенции на Севере, ибо для интервентов он был их соратником, который помог им в выполнении миссии по захвату Архангельска. Да и большинство сторонников антисоветской власти должны были с пониманием воспринимать этот его поступок.

Но в дальнейшем случившееся обернулось уже против Бутакова и его семьи. Выбор, сделанный в годы Гражданской войны в России, предопределил всю его последующую жизнь. Как показывал Бутаков на одном из допросов: «Я сам был удручен совершенным мною фактом, т.к. я думал ранее, что своим поступком я приношу пользу России, но, в конце концов, получилось, как я убедился впоследствии, противоположное»¹. Было ли это чисто-сердечным раскаянием, сказать трудно. По крайней мере, немало высокопоставленных деятелей антисоветской Северной области в дальнейшем весьма критически оценивали состояние дел в ней, зависимость от иностранцев, вынашивавших собственные корыстные замыслы в отношении России и Русского Севера, крах собственных надежд и иллюзий.

Как складывалась судьба Бутакова и членов его семьи в период Гражданской войны в России? Летом 1919 г. Бутаков в период объявленной интервентами эвакуации Северной области в связи с их уходом, не желая искушать судьбу и подвергать семью опасностям, отправил ее (жену с детьми) в Крым, предполагая и сам вскоре отправиться туда. Он служил лоц-командиром в Архангельске до падения Северной области в феврале 1920 г. и эвакуировался из Архангельска на ледоколе «Козьма Минин».

Прибыв в Норвегию, он более двух месяцев находился здесь в лагере для интернированных, а затем через территорию Европы отправился к семье в Крым. После падения белогвардейской власти в Крыму он с семьей отправился в 1921 г. на родину, в Архангельск. Пробыв здесь два дня у сестры жены П.Н. Чагиной, он оставил семью и уехал на Дальний Восток, надеясь там скрыться от преследования.

Оттуда Бутаков поддерживал тайную переписку с семьей, которая была, как уже говорилось ранее, раскрыта, а сам он был аре-

¹ АРУ ФСБ по АО. Д. П-18575. Л. 90.

стован во Владивостоке в январе и доставлен в Архангельск в июне 1927 г.

Но вернемся к следствию по делу С.И. Бутакова. На допросе 25 августа он показывал: «Признаю себя виновным в том, что в 1918 г., находясь в Архангельске, я по предложению капитана II ранга Поливанова выехал в Мурманск с целью иметь встречу с английским консулом и предложил ему свои услуги по проводке английской эскадры в Архангельск в районе лоцманских вод, т.к. в то время я был председателем Общества лоцманов в Архангельске». «Сделал я это ввиду заблуждения и недостаточного знакомства с Советской властью, а так же ввиду желания принести какую-то пользу России, – продолжал свои признания Бутаков. – Однако после той помощи, которую я оказал англичанам, я понял, что сделал преступление перед Отечеством, что можно заключить с того хозяйничания англичан в Архангельске, которое они проявили». «Также признаю себя виновным в том, что с 1920 г. и по день ареста, т.е. 10.I – 27 г. я скрывался от Соввласти из боязни понести должное наказание за совершенное мною преступление», – указывал подследственный¹.

Бутаков заканчивал свое признание словами: «Детали и объяснения по моему делу я указал в ранее данных показаниях мною, а также дал исчерпывающие объяснения личным заявлениям»². «Записано с моих слов и мною прочитано», – эта трафаретная фраза завершала показания и закреплялась подписью.

В сентябре 1927 г. чекистами было подготовлено обвинительное заключение по делу № 396 в отношении С.И. Бутакова и других. Этими другими были уже указывавшиеся ранее его жена – Юлия Николаевна Бутакова 1885 г. рождения, его сестра – Марфа (Мария) Ивановна Карпова 1898 г. рождения и сестра жены – Пульхерия Николаевна Чагина 1884 г. рождения.

Воспроизведем этот документ с некоторыми сокращениями. В его вступительной части указывалось, что в 1918 г., приблизительно в июне месяце, перед захватом Архангельска белыми, здесь находились контрреволюционные организации, которые, пытаясь использовать в своих целях бедственное состояние СССР, занимались агитацией против советской власти и распространяли среди населения слухи, что в случае освобождения Архангельска от

¹ АРУ ФСБ по АО. Д. П–18575. Л. 98 об.

² Там же.

большевиков союзниками они дадут народу хлеб и свободу. В это время английская эскадра, находившаяся в Мурманске, была готова двинуться на Архангельск с целью его захвата.

Далее в обвинительном заключении указывалось, что проживавший в Архангельске и занимавший должность лоц-командира бывший капитан 1-го ранга Бутаков (он, как уже указывалось выше, не имел этого звания – В.Г.), именовавшийся убежденным монархистом, решил бежать из Архангельска в сторону белых с целью принести известную пользу англичанам в борьбе с большевиками.

Вслед за этим указывалось на состоявшуюся встречу Бутакова на улице «с одним из видных контрреволюционных деятелей капитаном Поливановым, бывшим в то время “не у дел”». Утверждалось, что в ходе этой встречи Бутаков высказал свои взгляды по отношению к советской власти и желание бежать из Архангельска. Выслушав Бутакова, Поливанов, отмечалось в документе, предложил ему пробраться в Мурманск и обратиться там к английскому консулу с предложением своих услуг. Поливанов дал ему письмо к консулу, в котором рекомендовал его как «своего человека, долго состоявшего на службе в Архангельском порту в должности лоц-командира и в силу служебных обстоятельств хорошо осведомленного с фарватером Белого моря и реки Северной Двины, а также с минными заграждениями и береговыми укрепленными пунктами».

Бутаков добрался до Мурманска, встретился здесь с английским консулом и, как утверждалось в обвинении, предложил свои услуги как лоц-командира «оказать всемерное содействие английскому командованию в проводке английской эскадры в Архангельский порт». Предложение Бутакова было принято, и он был сопровожден на английский транспорт «Найрана». Далее в документе содержалось описание движения эскадры, захвата личного состава Северо-Двинского маяка. В обвинительном заключении утверждалось, что обвиняемый помог англичанам благополучно преодолеть препятствия (минные заграждения, остров Мудьюг с береговыми орудиями) – почти без боя захватить их и высадить десант. В связи с затоплением ледоколов, между которыми, тем не менее, остался достаточный проход, констатировалось, что в этом «чувствовалась рука контрреволюционных организаций».

Далее указывалось, что по возвращении в Архангельск Бутаков за оказанное содействие интервентам был назначен на должность

председателя Общества лоцманов и занимал ее до ликвидации белых. Летом 1919 г. он отправил свою семью на юг, к генералу Врангелю, а сам позднее бежал за границу.

В обвинительном заключении указывалось также, что осенью 1925 г. после получения сведений о Бутакове и его жене было начато осуществление разработки ОГПУ. Была обнаружена его переписка с женой, которая велась через свояченицу – П.Н. Чагину, проживавшую в Архангельске. Были найдены доказательства такой связи, в результате жена Бутакова и Чагина были арестованы, а по поводу самого Бутакова был направлен запрос во Владивосток, где он и был арестован и доставлен в дальнейшем в Архангельск¹.

В этом документе приводились также некоторые показания свидетелей и заявление самого Бутакова, утверждавшего, что он сам никакого участия в проводке эскадры не принимал, а она шла под проводкой лоцмана Пустошного. Заметим, что, как следует из материалов дела, тот погиб в дальнейшем во время шторма в Белом море. Источники подтверждают, что Василий Константинович Пустошный действительно погиб в возрасте 49 лет, и после смерти у него осталось пятеро детей².

Постановление по делу № 396 за подписями трех лиц, в том числе временно исполняющего должность начальника Архангельского губернского отдела ОГПУ, в отношении С.И. Бутакова, обвиняемого по статье 58 п. 3 Уголовного кодекса, и остальных лиц, привлекаемых по статье 58 п. 12 УК, было направлено архангельскому губернскому прокурору для предания их суду³. С.И. Бутаков продолжал содержаться в Архангельском губернском исправдоме, а остальные находились под подпиской о невыезде.

22 сентября 1927 г. старший следователь Архангельской губернской прокуратуры принял дело к производству предварительного следствия. В его постановлении о привлечении указанных лиц в качестве обвиняемых по существу повторялись основные пункты вышеуказанного обвинения, подготовленного чекистами. Главный пункт обвинения в отношении Бутакова заключался в том, что он, находясь на одном из английских военных судов (здесь впервые правильно определяется характер «Найраны»), которая ранее име-

¹ АРУ ФСБ по АО. Д. П–18575. Л. 100–102.

² *Пителина В.Б., Плотницyna Е.В.* Указ. соч. С. 33.

³ АРУ ФСБ по АО. Д. П–18575. Л. 115.

новалась транспортом), провел эскадру беспрепятственно в Архангельск и таковой был занят английскими войсками, свергнув советскую власть.

Обвинение, предъявленное другим лицам, гласило, что они, зная местонахождение Бутакова с 1920 по 1927 г. на территории СССР и ведя переписку с ним, упорно скрывали его местонахождение, уверяя, что его нет в живых¹.

15 октября 1927 г. обвинительное заключение, подготовленное старшим следователем, было утверждено руководством Архангельской губернской прокуратуры. Здесь содержалось и обвинение в том, что Бутаков состоял членом контрреволюционной организации «Белый Крест». Это обвинение, как и обвинение в проводке эскадры Антанты, Бутаков отрицал, указывая также на то, что минные заграждения и береговые батареи ему не были известны. Остальные обвиняемые признали себя виновными².

Суд над обвиняемыми состоялся в Архангельске с 14 по 16 ноября 1927 г. Архангельская губернская газета «Волна» опубликовала несколько репортажей из зала суда. Бутаков, признавая часть обвинений в свой адрес, в том числе поездку в Мурманск по заданию Поливанова и состоявшуюся там встречу с английским консулом, службу у белогвардейцев, вместе с тем, отрицал другие обвинения: членство в контрреволюционной монархической организации «Белый Крест» (указывая, что не знал и ее называемого обвинением руководителя полковника, князя Мурузи); проводка союзной эскадры; знание минных заграждений и расположения береговых батарей в районе Мудьюга, что помогло кораблям эскадры пройти к Архангельску. Бутаков утверждал, в частности, что был на Мудьюге лишь один раз, в 1917 г., производя промер воды, и с тех пор не был там, не знал про береговые укрепления и не мог знать³.

Обвинение требовало в отношении главного обвиняемого – С.И. Бутакова высшей меры наказания – расстрела и сурового наказания в отношении других обвиняемых. Защита настаивала на их амнистии в связи с 10-летием Октябрьской революции.

В результате Степан Иванович Бутаков был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества, лично ему принадлежащего. Это мотивировалось тем, что преступление не являлось случай-

¹ АРУ ФСБ по АО. Д. П–18575. Л. 123–123 об.

² Там же. Л. 135 об.

³ Там же. Л. 161 об.–178 об., 191 об.–192.

ным, а было заранее подготовлено и продумано, и своими действиями он нанес огромный ущерб промышленности и населению Архангельской губернии. Кроме того, указывалось, что в поведении Бутакова нет и мысли о полном раскаянии в совершенном преступлении, что характеризует его как социально-опасного преступника, вредного для существующего строя. В декабре 1927 г. приговор в отношении С.И. Бутакова был приведен в исполнение¹.

Был ли заранее predetermined подобный приговор, сказать трудно. Но, вероятно, что он был во многом обусловлен поведением обвиняемого, стремившегося оправдаться и снять с себя те обвинения, которые он считал несправедливыми. Возможно, что свою роль сыграло то обстоятельство, что Бутаков долго скрывался от преследования, находился за границей, затем вернулся в Россию, а был обнаружен и арестован во многом случайно. Это давало возможность квалифицировать его как злого и опасного преступника, не осознавшего свою вину и опасного для существующей власти.

Не исключен и тот факт, что подобное суровое наказание было обусловлено тем, что суд состоялся в канун 10-летия Октябрьской революции и Гражданской войны в России, и населению нужно было продемонстрировать, что органы госбезопасности и суд, несмотря на истекшее время, ищут и сурово карают врагов советской власти. Тем более, что 1927 г. характеризовался резким обострением борьбы на мировой арене и ухудшением международного положения СССР. А в качестве главного противника его в это время, руководителем и инициатором нового «крестового похода» против советского государства, организатором возможной новой международной военной интервенции против советской страны выступала именно Великобритания, консервативное правительство которой разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом. Бутаков же обвинялся именно в сотрудничестве с англичанами.

Так выбор, сделанный в период Гражданской войны, спустя десять лет после ее окончания, оборвал жизненный путь С.И. Бутакова. Его сестра – М.И. Карпова попала под амнистию, и ее дело было прекращено. Жена Бутакова и ее сестра П.Н. Чагина были приговорены к лишению свободы со строгой изоляцией на один год, но учитывая, то, что Бутакова «совершила преступление впер-

¹ АРУ ФСБ по АО. Д. П–18575. Л. 216–216 об.

вые по своей темноте и невежеству, под влиянием мужа», а также тот факт, что у нее было шесть человек детей, суд счел возможным подать ходатайство в Президиум ВЦИК об освобождении ее от наказания. Кассационная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР своим определением от 7 декабря 1927 г. освободила сестер Бутакову и Чагину от наказания¹.

18 октября 1991 г., незадолго до распада СССР, был принят Закон РСФСР № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий». Его целью называлась «реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года»². В этом документе под «политическими репрессиями» признавались «различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам»³. Это открыло возможность для широкой и массовой реабилитации противников большевиков и советской власти в годы Гражданской войны в России.

С.И. Бутаков был реабилитирован 26 марта 1992 г. В заключении по его делу указывалось, что данных о совершении Бутаковым действий, образующих состав преступления по ст. 58 п. 3, не имеется. Аналогичные заключения о реабилитации были приняты в отношении Ю.Н. Бутаковой, М.И. Карповой и П.Н. Чагиной⁴.

Этим можно закончить описываемую историю, хотя можно и продолжать ее, рассказывая о тех страданиях, которые пережили родственники расстрелянного лощмана, и репрессиях, которые выпали на долю членов большой поморской семьи Бутаковых, а также о том, как они защищали Родину в годы Великой Отечественной войны и как жила эта морская династия в последующие десятилетия. Но об этом уже писал ранее в своих статьях Е.И. Овсянкин, и поэтому не хотелось бы здесь повторяться.

Автор этой статьи не собирался и не собирается судить главного героя своего повествования, исповедуя принцип: не судите, да не судимы будете. А вот попытаться разобраться, осмыслить

¹ АРУ ФСБ по АО. Д. П-18575. Л. 216.

² Поморский мемориал. Книга памяти жертв политических репрессий. Архангельск, 1999. Т. 1. С. 8.

³ URL: https://05.xn--blaew.xn--plai/grajdanam/uslugi/Uslugi_predostavljajemie_Informacionnim_c/polit/Izvluchenie_iz_Zakona_RF_ot_18_oktjabrja (дата обращения: 1.03.2017).

⁴ АРУ ФСБ по АО. Д. П-18575.

и переосмыслить эту историю считал необходимым и полезным, ибо на уроках истории необходимо учиться, извлекать уроки, а эти уроки могут быть трудными и горькими.

В заключение хотелось бы коснуться еще одного принципиально важного момента, касающегося финала этой истории. Да, С.И. Бутаков был реабилитирован и назван жертвой политических репрессий. Но реабилитировала его не та страна, которая судила, а уже новая постсоветская Россия, руководство которой надеялось подружиться с Западом, в надежде, как заявлял президент Ельцин, что «Запад нам поможет». Бутаков же, как раз пострадал за сотрудничество с интервентами, т.е. с иностранцами.

Впрочем, строгих юридических доказательств того, что С.И. Бутаков действительно проводил эскадру Антанты в Архангельск и таким образом совершил преступление, которое могло квалифицироваться, как «измена родине», следствием и судом в 1927 г. установлено не было. От Северо-Двинского плавучего маяка суда эскадры Антанты вели в Архангельск арестованные на нем лодчаны. Доказательств того, что С.И. Бутаков вел эскадру или, по крайней мере, «Найрану» через Белое море тоже не существовало. Участие его в контрреволюционной организации «Белый Крест» также не было доказано, а, если бы и было доказано, то подпадало бы сейчас под «политические репрессии», т.е. меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам.

Так или иначе, постсоветская Россия начала свое существование с реабилитации жертв политических репрессий и попыток примирения исторически разделенной страны. Удастся ли это, остается большим вопросом, но, по крайней мере, это небольшое из того достойного интереса, внимания и уважения, что делается ныне в России, ибо разделенной, по отношению к прошлому, стране, трудно двигаться вперед. Впрочем, разделяет страну и общество не только и не столько прошлое, сколько современность, с обилием сложнейших проблем, стоящих ныне перед Россией и требующих своего решения. Но это уже совсем другая тема.

ЛИКИ ПОВСТАНЧЕСТВА. НАРОДНЫЕ ВОЖАКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ

А.О. Булгаков

Балашовский «мятеж Викжедора»¹

К началу 1918 г. в Балашове сложилась непростая политическая ситуация. Несмотря на наличие достаточно влиятельной большевистской ячейки, председателем уездного исполкома избирается левый эсер Г.И. Солонин. Так как эта фигура сыграет далеко не последнюю роль в дальнейших событиях, необходимо более подробно остановиться на его персоне и характере действий.

По воспоминаниям Н.И. Малинина (который в данный период сам относился к эсерам), в начале своей карьеры Солонин активно сотрудничал с большевиками. Но затем установил жесткий авторитарный характер руководства, относясь к своим коллегам по исполкомскому «как к баранам, и даже арестовывал тех комиссаров, которые позволяли себе протестовать против его деятельности, его указания носили приказной характер, советоваться с кем-либо он считал излишним»². В этих же мемуарах содержится и такая характеристика: «Он, властный от природы и не связанный дисциплиной, скоро занялся устройством своей личной жизни; жестоко пьянствовал и пользовался всякого рода развлечениями, щедро осыпая деньгами лиц, эти удовольствия ему доставлявших»³.

Таким образом, с одной стороны, мы имеем дело с желающим любой ценой остаться у власти эсером Г.И. Солониным, и с другой – все больше набирающими популярность в условиях произвола властей балашовскими большевиками.

Основными источниками при подготовке данной статьи стали мемуары С.У. Дудина (командир отряда красных партизан села

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, в рамках проекта № 17-01-00460.

² Государственный архив Саратовской области. Балашовский филиал (ГАСО БФ). Ф.К. Оп. 1. Д. 87. Л. 2.

³ Там же. Л. 3.

Святославка, непосредственный участник подавления восстания), Т.И. Шмелева (командир батареи тяжелого гаубичного дивизиона, участник подавления восстания), М.Т. Зыкова (железнодорожник, большевик, участник восстания), Романова (большевик, впоследствии – председатель исполкома).

Обратимся непосредственно к рассмотрению событий мятежа. По мнению Дудина, на балашовском железнодорожном узле начальник дистанции Лицингер, студент Кащих, машинист Павлов и слесари Калинин и Сыроежкин спровоцировали рабочих не подчиняться своему железнодорожному комиссару матросу Королёву (близкому другу и сослуживцу Солонина), который был назначен Балашовским исполкомом и приступил к исполнению своих обязанностей в начале февраля 1918 г. Уже в первой половине того же месяца Королёв был убит. На этой почве возник конфликт, так как железнодорожная администрация убийц не выдала (Солонин дал на это 12 часов)¹.

Совсем по-иному описывает данное событие железнодорожник Зыков. По его словам, убийство Королёва происходило при следующих обстоятельствах. Из железнодорожников был сформирован летучий отряд по охране участка пути, во главе которого поставлен эсер Вишняков, занимавший высокую должность в «личной охране» Солонина.

Отряду поступило сообщение, что в Тамбове ограблен на крупную сумму артельщик, и бандиты двинулись к Балашову. После этого сообщения было отдано распоряжение проверять все поезда и задерживать подозрительных лиц. Не зная в лицо Королёва железнодорожники Сыроежкин и Попов потребовали у него предъявить документы, на что тот ответил отказом, при попытке задержания достал из кармана гранату и двумя выстрелами был убит.

По приказу председателя исполкома, уже в ночь убийства в поселке железнодорожников был произведен обыск, сопровождавшийся откровенными грабежами. По мнению Зыкова, эсеры, находившиеся у власти, использовали обыск в своих целях – взбудоражить и настроить работников дистанции против советов, что им вполне удалось, – на собрании была принята резолюция не подчиняться распоряжениям совета, стрелявших в Королёва Попова и Сыроежкина не выдавать. В железнодорожной типографии вы-

¹ ГАСО БФ. Ф.К. Оп. 1. Д. 92. Л. 24.

пускались агитационные листовки с текстом резолюции и призывами к борьбе против Солонина¹.

Упорные переговоры длились больше месяца, проходили многочисленные собрания, митинги и встречи. Поворотным моментом стало собрание, состоявшееся 30 марта. На нем от лица уисполкома присутствовал Дудин и около десяти артиллеристов в качестве охраны. Со стороны железнодорожников выступал слесарь Калинин. Очень быстро переговоры превратились в открытую перепалку, закончившуюся попыткой ареста Дудина и его охраны. Однако артиллеристы под командованием Шмелева пресекли эту попытку, угрожая оружием. Представители исполкома удалились, потребовав от железнодорожников в течение трех часов полностью подчиниться властям².

Однако в мирный исход мало кто верил, – сразу же после собрания Шмелев вместе с тремя другими артиллеристами измерил шагами расстояние от вокзала до артиллерийских казарм³.

Осложняли ситуацию стоявшие на станции Балашов эшелоны чехословаков под командованием генерала Середы. Именно это обстоятельство не давало Солонину в кратчайшие сроки покончить с неподчинением железнодорожников. По свидетельству Дудина, слесарь Павлов просил непосредственного военного вмешательства чехословаков, но получил отказ. В то же время, генерал Середа передал железнодорожникам около тысячи винтовок, тридцати тысяч патронов и три пулемета.

К ночи рабочие железной дороги получили вооружение на руки. Почти одновременно, в час ночи 31 марта, Балашовский уисполком отправил вооруженные отряды на подавление восстания. Силы исполкома составляли около двух пехотных рот при поддержке одной батареи тяжелого артиллерийского гаубичного дивизиона, недавно прибывшего из Ивангородской крепости. По первоначальному плану, в случае вмешательства чехословаков эта батарея должна была открыть беглый огонь по вокзалу и путям.

Первая рота под командованием Филиппова двигалась в лоб восставшим, вторая, под командованием Данильченко – во фланг через монастырский сад. Рота Филиппова была остановлена на

¹ Воспоминания М.Т. Зыкова. Из фондов Балашовского краеведческого музея. НВСП 290/1-3. С. 6.

² ГАСО БФ. Ф.К. Оп. 1. Д. 92. Лл. 26–27.

³ ГАСО БФ. Ф.К. Оп. 1. Д. 93. Л. 2.

привокзальной площади пулеметным огнем. Стрелял милиционер Брагин, который присоединился к восставшим. Рота Данильченко также залегла на окраине сада. Видя невозможность дальнейшего продвижения, Солонин решил обстрелять вокзал артиллерией. Последовал приказ дать два залповых выстрела шрапнелью. Однако это не остановило сопротивления мятежников. Тогда было решено дать залп фугасными снарядами, но артиллеристы приказ саботировали – намеренно стреляли по полю за путями, опасаясь как больших жертв, так и вмешательства чехословаков.

Беглый артиллерийский и винтовочный огонь подорвал боевой дух железнодорожников. Вскоре они стали бросать оружие и разбегаться, красногвардейцы проводили облавы, разоружали и арестовывали активных участников восстания. Так, был пойман и позже расстрелян агент милиции Брагин. Весь бой длился около двух часов.

Интересно отметить, что перед поспешным отступлением железнодорожников машинист Павлов сел на паровоз, прицепил два вагона и «эвакуировал» Лицингера, Кациха, Калинина и Сыроежкина. К ним же присоединились и большевики Кахонов и Федоров, эсеры Розанов, Малашин, Словоходов (редактор балашовской газеты «Мысль», позже будет расстрелян в Энгельсе). По прибытии на станцию Ртищево, ими была дана телеграмма следующего содержания: «Всем, всем, всем! Советам! В г. Балашове, Саратовской губернии анархисты захватили власть, произвели разгром Советов и железнодорожных организаций, разбили вокзал, порвали полотно железной дороги. Производят повальные обыски, на улицах валяются убитые и тяжело раненные. Примите спасительные меры».

Уже к 1 апреля 1918 г. в Балашов прибыло около 18 красногвардейских отрядов разоружать Балашовский уисполком, но убедившись в том, что обстановка нормализовалась, они поспешно ретировались¹.

Вносят определенные штрихи в общую картину конфликта свидетельства Малинина и Романова. Так, Малинин сообщает, что Солонин выдал желаемое за действительное, – на первых порах бунт был мнимым, а причиной конфликта стал его «телохранитель» Вишняков (командир летучего отряда железнодорожников), который и был виновен в убийстве матроса Королёва, но вину

¹ ГАСО БФ. Ф.К. Оп. 1. Д. 92. Лл. 27–30.

свалил на Сыроежкина и Попова¹. Романов же сообщает, что Солонин, почувствовав непрочность своего положения перед предстоящим съездом советов, искал любой повод, чтобы объявить в городе военное или даже осадное положение и не допустить нормальной работы съезда. Убийство Королёва как нельзя лучше подходило для такого случая, тем более что железнодорожники в большинстве своем поддерживали именно большевиков. Кроме того, по мнению Романова, Солонин и до выступления предпринимал все меры для терроризирования служащих железной дороги. Например, отправил отряд железнодорожников в Ртищево на защиту советской власти от чехословаков, которых там не оказалось. А после объявил всех железнодорожников контрреволюционерами и изъял львиную долю оружия, сократил число отрядов, а во главе оставшихся поставил своих непосредственных починенных и единомышленников².

Подводя итог, необходимо отметить, что описанное восстание является показательным примером политической борьбы на уездном уровне в период становления советской власти, щедро направленной личным властолюбием.

С.А. Смирнов

Курмышское восстание 1918 года

Курмышский уезд некогда входил в состав Нижегородского княжества, затем – учрежденной в 1714 г. Петром I Нижегородской губернии, а с образованием в 1780 г. Симбирского наместничества был включен в его состав. Располагаясь на стыке Нижегородской, Симбирской и Казанской губерний, Курмышский край имел с ними тесные связи и в 1922 г. окончательно вошел в состав Нижегородской губернии. Современный Курмыш – село в составе Пильнинского района Нижегородской области.

Курмыш был основан в 1372 г. нижегородским князем Борисом Константиновичем как крепость для защиты от набегов мордвы и татар. Располагается он на левом берегу Суры. На рубеже XIX и

¹ ГАСО БФ. Ф.К. Оп. 1. Д. 87. Л. 2.

² Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 199. Оп. 3. Д. 684. Лл. 15–17.

XX веков в городе проживало 2916 жителей, в том числе 38 дворян, 34 лица духовного звания, 149 почетных граждан и купцов, 1807 мещан и 878 крестьян, имелись пристань, служившая перевалочным пунктом хлебной торговли, женская гимназия, городское 2-классное училище, земская больница, 5 кирпичных и 2 поташных завода. В уезде насчитывалось 13 волостей и около 180 тысяч жителей, включая 150 тысяч православных и 27 тысяч татар. Последние проживали преимущественно в Петряксинской и Чембилеевской волостях, в то время как чуваша преобладали в Алгашинской, Анастасьевской и Атаевской, отошедших впоследствии к Чувашской АССР. Основной род занятий крестьян в уезде – естественно, земледелие¹.

Имена курмышских помещиков Андреевских (село Жданово), Бахметьевых (Княжиха), Бобоедовых (Ащериха), Левашевых (Каменка), Пазухиных (Бортсурманы), Шипиловых (Деяново) и других были культурными гнездами и нередко – образцовыми агрохозяйствами. Многие из дворян отличились на государственной службе. Степан Степанович Андреевский (1774–1843) начинал службу лейб-гвардии в Конном полку, за боевые отличия в Отечественную войну 1812 г. был удостоен ордена Святого Георгия 4-й степени, под конец службы командовал гвардейским Уланским полком и вышел в отставку в чине генерал-майора, погребен был в родовой вотчине Жданово. Его внук Сергей Сергеевич (1857–1930) подвизался на гражданской службе, занимал посты председателя губернской земской управы и начальника Воронежской и Орловской губерний, имел чин действительного статского советника. Скончался в эмиграции в Париже и похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа.

В сентябре 1918 г. здесь вспыхнуло антибольшевистское восстание. По своим масштабам и политическим последствиям оно имело ничтожное значение, по количеству жертв – огромное. Советская власть и официальная историография постарались уничтожить память о трагедии, разыгравшейся почти столетие назад. Автор попытается воссоздать канву и смысл тех событий, оставивших неизгладимый отпечаток в народной душе.

События осени 1918 г. в Курмышском уезде надо рассматривать на фоне вооруженной борьбы, развернувшейся летом 1918 г.

¹ Нижегородский край в словаре Брокгауза и Ефрона. Н. Новгород, 2000. С. 261.

как в Среднем Поволжье, так и в стране в целом. Позорный Брестский мир, насаждение коммунизма и откровенный курс на классовый раскол общества привели к эскалации гражданской войны. На Юге России набирало мощь Белое движение. После восстания казачества большевики изгнали из Донской области. В мае разгорелся конфликт наркомвоена Льва Троцкого с Чехословацким корпусом, который большевики – в угоду союзникам-немцам – попытались разоружить с целью воспрепятствования его эвакуации через Сибирь на западный театр мировой войны. Этот конфликт обернулся свержением советской власти в Поволжье с захватом белыми и союзными чехословацкими частями ряда крупных городов: Самары – 8 июня, Симбирска – 22 июля, Казани – 7 августа. В Самаре были сформированы Комуч – Комитет членов Учредительного собрания, правительство – Совет управляющих ведомствами во главе с Е.Ф. Роговским и Народная армия, ударной силой которой стал добровольческий отряд Генерального штаба полковника В.О. Каппеля.

В конце августа линия фронта проходила по правому берегу Волги от Хвалынска до Казани. Между тем, войска красного Восточного фронта готовились перейти в контрнаступление, бросив против части сил Народной армии Комуча под начальством С. Чечка 5-ю армию П. Славена, а против Симбирска – 1-ю армию М. Тухачевского¹.

В это время в Курмышском уезде, лежавшем в прифронтовой полосе и игравшем важную роль в снабжении и обеспечении тыла 5-й армии, и вспыхнул антибольшевистский мятеж. Недовольство новой властью здесь зрело давно. Как и всюду, реквизиции и произвол комиссаров настроили массы курмышан против большевиков. Масла в огонь подлила принудительная мобилизация. Штабу Восточного фронта, с 18 августа обосновавшемуся в Арзамасе, требовалось все больше пополнений. Как докладывал Мобилизационный отдел РККА, первая попытка поставить жителей уезда под ружье, назначенная на 10 августа, была сорвана: на призывные пункты никто не явился, и военный комиссар Рудаков лишь разводил руками.

На 31 августа по уезду был объявлен новый набор численностью в 3000 человек с последующим отправлением мобилизо-

¹ Гражданская война и иностранная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1987. С. 19.

ванных в Саранск. Для содействия мобилизации военкому был придан отряд красноармейцев с пулеметом¹. За отказ явиться на сборные пункты полагался расстрел, и это не было пустой угрозой. В то же самое время в Арзамасском уезде ЧК на Чехословацком фронте во главе с М.И. Лацисом (Судрабсом) чинила жестокие расправы над всеми, кто уклонялся от мобилизации или против нее протестовал. Такое происходило повсеместно. Недовольство приближалось к критической точке. О том, что большевики не имели в уезде ни авторитета, ни влияния, свидетельствуют выборы в новый состав исполкома совета депутатов, прошедшие 10 июля на IV уездном съезде советов. 10 из 15 мест получили эсеры, меньшевики и беспартийные и только треть – коммунисты². При таком раскладе удерживать власть можно было только вооруженной силой.

Мятеж в Курмыше начался в ночь на 2 сентября. Ядро восставших составила молодежь, среди которой главную роль играли демобилизованные офицеры. Среди повстанцев были даже члены уездного исполкома. Местом сбора восставших стала Стрелецкая слобода (часть Курмыша), откуда вооруженная масса двинулась в город. Повстанцы захватили арсенал с 300 винтовками, атаковали воинскую казарму и караульный пост, помещавшиеся в Тихоновской школе. Гарнизон из 25 красноармейцев мог оказать лишь слабое сопротивление. В перестрелке были потери с обеих сторон: повстанцев убиты Королев, В. Логинов, Подлекарев, у их противника – М. Сидоров, Вельчик (Бельчик), В. Михайловский.

На другой день у здания женской гимназии собрался общий сход, на котором был избран «Временный комитет спасения родины и революции». Появились воззвания к населению. По инициативе курмышанина Ивана Вечерина в Успенском соборе протоиерей Михаил Рождаев и духовенство совершили молебен в благодарность за избавление от большевиков. Было арестовано и взято под стражу около 30 коммунистов. Восставшие готовились к обороне, оборудовав у берегов Суры и Курмышки окопы³.

О лидерах восстания известно немного. Источники называют его главным руководителем члена партии социалистов-революци-

¹ РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 239. Отчет подотдела формирования и обучения. Л. 16.

² Данилов И.Я. Красночетайский край. Чебоксары, 1997. 179.

³ Кузнецов С.А. Курмыш. Н. Новгород, 2002. С. 99–100.

онеров Михаила Саверкина. Михаил Петрович в июне был избран председателем отдела собеса Курмышского уездного исполкома, а после восстания скрылся. В нижегородском архиве имеется следственное дело его брата, Александра Петровича Саверкина, уроженца Курмыша: «Родился в августе 1899 г., окончил высшее начальное училище и 5-й гимн. педагогический курс, до сентября 1918 г. учился, потом служил в Народной армии Учредительного собрания и армии Колчака до 1 января 1920 г., красноармеец 1-й роты рабочего батальона при УПВОСО пятой армии (г. Иркутск). Арестован 21.12.1920. Состав семьи: мать Авдотья Ивановна Саверкина, 62 лет, сестра Елена Петровна Саверкина, 19 лет, братья: Иван, 25 лет – г. Кострома, Красная Армия; Дмитрий, 31–32 лет – Курмыш, в советских учреждениях; Михаил, 36–37 лет. Саверкин А.П. признан виновным как участник восстания в сентябре 1918 г. в Курмыше, осужден 19.4.1921 Симбирским трибуналом на 3 г. заключения, реабилитирован в 1992 г.»¹.

Вместе с тем, свидетели на процессе по обвинению Сергея Васильевича Логинова, проходившем в 1924 году в Сергаче, уверяли, что организаторами восстания явились молодые демобилизованные офицеры. Одним из них был сын обвиняемого, народный учитель и прапорщик военного времени В.С. Логинов.

Согласно послужному списку, Логинов Владимир Сергеевич родился 5 июля 1894 г., происходил из крестьян Симбирской губернии. В 1910 г. окончил Курмышское 4-классное училище, затем двухлетние педагогические курсы при нем со званием учителя народных училищ. Состоял учителем в Пильне, Спасском Казанской губернии. В феврале 1915 года он был призван в армию с зачислением в запасной батальон лейб-гвардии Семеновского полка. Оттуда командирован в Чугуевское военное училище (Харьковская губерния), приказом №63 от 1.02.1917 г. зачислен юнкером рядового звания для прохождения 4-месячного курса обучения, приказом по армии и флоту от 1.06.1917 произведен в прапорщики пехоты, после чего направлен в распоряжение начальника 3-й Сибирской стрелковой запасной бригады. Зачислен в списки 37-го Сибирского стрелкового запасного полка младшим офицером в 6-ю роту. Избирался товарищем председателя ротного комитета, членом Омского совета депутатов. С 1.02.1918 г. – командир 19-го

¹ Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2209. Оп. 3. Д. 21034.

Сибирского стрелкового запасного полка. После увольнения от службы приказом войскам Омского военного округа № 196 вернулся на родину. Отец – Сергей Васильевич, мать – Евдокия Андреевна, брат – Сергей¹.

Другой активный участник – Евгений Норенберг, 1891 года рождения, уроженец Пензы, русский, из дворян, сын подполковника Владимира Карловича Норенберга, курмышского уездного воинского начальника. После поражения повстанцев покинул Курмыш. В 1930-е гг. проживал в Ялте, работал инженером санатория ВЦСПС № 2. Арестован 13.09.1935 г. Ялтинским районным отделом НКВД СССР, приговорен Верховным Судом РСФСР по ст. 58-2 УК РСФСР к 10 годам лагерей. Реабилитирован 18.07.1995 г. прокуратурой Республики Крым².

В селения, включая отдаленные чувашские, восставшие послали агитаторов с целью привлечь крестьян на свою сторону. Житель села Акчикасы вспоминал: «Рано утром 2 сентября вдруг раздался колокольный звон. Звонили колокола Баймашкинской и Четайской церковью». Отряд повстанцев переправился через Суру и вошел в село Ильина Гора. В селе Красные Четаи также образовался Комитет спасения родины и революции. Десятки жителей деревни Мочковасы тоже выразили намерение идти в Курмыш. К тому времени десять волостей уезда, включая Стрелецкую, Казачью, Деяновскую, Красночетайскую, Пандиковскую, Тархановскую и Атаевскую, были охвачены восстанием.

Уездное начальство покинуло город еще накануне, отправившись на 5-й уездный съезд крестьянских депутатов в Пильну. Председатель исполкома Н. Мартьянов (бывший эсер) в сопровождении красноармейцев М. Абрамова и Ф. Попкова выехал в Курмыш, но, узнав о захвате города, вооружившись винтовками и пулеметом, повернул к Пильне, чтобы затем добираться до Ядрина. По прибытии в деревню Березовку он с сопровождавшими красноармейцами был обнаружен местными крестьянами. По-видимому, все они погибли в перестрелке. Из Ядрина для ликвидации восстания 3 сентября был послан отряд красноармейцев под начальством Вострикова, но его авангард был обстрелян повстанцами в Березовке и Ильиной Горе и после продолжительного боя повернул назад.

¹ ЦАНО. Ф. 1290. Оп. 12. Д. 6. Л. 46.

² Архив СБУ Украины в Крыму. Д. 021941.

Тем временем большевики лихорадочно наращивали силы. Местом их сосредоточения стали Алатырь, куда после падения Симбирска переехали советские учреждения губернии, и Ядрин, расположенный выше по течению Суры. Штаб ликвидации восстания образовался в Ядрине. Из Васильсурска на пароходе «Чайка» сюда во главе отряда прибыл чрезком Казанской ЧК в Васильсурском и Курмышском уездах Карл Грасис, принявший на себя руководство всей операцией. Из Ядрина 4 сентября в двух направлениях к Курмышу выступили два карательных отряда. Первый походным порядком двигался по правому берегу Суры, другой, под начальством В.И. Гарина, поднимался вверх по реке на пароходе «Чайка». Помимо них Реввоенсовет и штаб Восточного фронта, с августа квартировавшие в Арзамасе, выделили из состава Саратовского полка отдельный отряд пехоты и кавалерии, который прибыл по железной дороге на станцию Княжиха и двинулся к Курмышу через селения Сормово, Тарабаи, Красные Четаи, Черепаново и Акчикасы. Из Алатыря шел на усмирение мятежного уезда коммунистический отряд Симбирской губчека под начальством ее председателя Абрама Левина. Из Саранска снарядили отряды пехоты и конницы при одном оружии под начальством Бориса Ибрагимова, воспитанника Нижегородского кадетского корпуса и в мировую войну поручика 1-го уланского Петроградского полка. Готовясь к штурму Курмыша, Грасис наладил взаимодействие с Нижегородской ЧК.

Повстанцы были атакованы 5 сентября в пятом часу утра тремя красными отрядами. Первый наступал в районе Березовки. Второму ставилась задача форсировать Суру и ударить восставшим в тыл, перерезав им пути к отступлению. Третий двинулся к перевозу у Ильиной Горы, куда надлежало швартоваться пароходу «Чайка» с отрядом Гарина. Две последние войсковые части повели наступление на Курмыш с юго-востока. Все три отряда начали операцию одновременно.

Первый бой произошел у Березовки. Под натиском превосходящих сил противника повстанцы отступили к Суре, но оказались под перекрестным огнем первого отряда и чекистов с «Чайки», располагавших палубной артиллерией. «Благодаря исключительному мужеству отряда чрезвычайной комиссии передовой отряд белогвардейцев был разбит наголову», – доносило красное командование. К вечеру защитники покинули Курмыш и рассеялись¹.

¹ Данилов И.Я. Указ. соч. С. 184–186.

Два известия о событиях в Курмышском уезде приводит № 1 еженедельника «Красный террор», вышедшего 1 ноября в Казани под редакцией Лациса. Первое из них повествует о деятельности в Поволжском регионе ЧК на Восточном фронте: «Немедленно по всем уездам были брошены надёжные кадры энергичных работников, которые, на вербовав отряды на местах из местной городской и деревенской бедноты, быстро справились со своей задачей. Белые шайки были быстро беспощадно раздавлены в самое короткое время. Зачинщики-агитаторы расстреляны. Во время Курмышского и Ядринского восстания был расстрелян 81 человек»¹.

Второе сообщение представляет собой доклад председателя Курмышской ЧК: «Курмыш сначала был подчинен непосредственно ЦФ комиссии. Комиссия организована 5 сентября по приказанию Центральной Фронтальной Комиссии и состоит из 10 человек. При Комиссии имеется отряд в 80 человек с 3 пулеметами, что вызывается особой необходимостью положения уезда и отсутствия местного гарнизона. Работа комиссии проходит успешно. Работаем по вылавливанию офицеров, белых шаек, скрывшихся в лесах. 3 сентября еще до существования комиссии в Курмыше было большое восстание. Местные контрреволюционеры за отсутствием надзора соорудили банду в 500 человек и хорошо укрепились в городе Курмыше. Посланный отряд красноармейцев в 120 человек, в том числе 20 кавалеристов, после 16-часового горячего боя взял Курмыш. В бою пало с нашей стороны 6 человек и 2 лошади, со стороны противника 36 человек. Бегство белых было паническое, так что они даже не успели расстрелять приговоренных ими к смерти 35 арестованных советских работников, которые по вступлении наших в город были немедленно освобождены. В настоящее время гражданская власть восстановлена. В уезде образуются комбеды, с которыми мы связываемся и которые нам очень помогают в ловле офицеров, кулаков и т.д. За время подавления восстания и существования комиссии расстреляно 109 человек явных белогвардейцев»².

Число расстрелянных – 81 и 109 – на порядок меньше реальных и, по всей вероятности, относятся к первым дням после подавления мятежа, когда маховик террора еще только раскручивался.

¹ Красный террор. Еженедельник Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на Чехо-Словацком фронте. № 1. 1918. 1 ноября. С. 15.

² Там же. С. 18.

Пройдет несколько дней, и Курмыш прогремит на всю Совдепию. «Правда» в короткой заметке «Расстрелы участников восстания» объявит со ссылкой на РОСТА, что «по постановлению Чрезвычайной комиссии на Чехословацком фронте расстреляно 658 человек – участников Курмышского белогвардейского восстания»¹. То же сообщение напечатают «Известия», «Красная газета» и другие издания. Террор продолжался до зимы. Общее число жертв достигло 1000 человек².

ЧК под начальством Гарина трудилась не покладая рук. Аресты велись по классовому признаку. Кого-то после краткого дознания вели на смерть (курмышане говорили – «на песок»), других отправляли в концлагерь или, после продолжительного заключения, на фронт, как поступили, например, с молодыми дворянами Марсальским, Пазухиным и Пантусовым. Репрессии дополнялись повальным грабежом.

Кого казнили в первую очередь, неизвестно. В Арзамасском архиве имеется документ – «список лиц, принимавших горячее участие в контрреволюционном мятеже в г. Курмыш». В списке 12 человек: Морозов Никита Матвеевич – бывший полковник, Бобоедов Н.В. – бывший помещик, Трифонов Иван Еремеевич – кулак, Кулькова Татьяна Андреевна – агитатор, Куликов П.П., Рубцов В.И., Толстов В.И., Языкова – помещица, Сальников Г.Н., Самойлов Алексей Филиппович, Лисин Василий Семенович, Щербаков Ф.М.³

Вероятно, приведенный список – это первые попавшие под руку курмышане, без разбору зачисленные в контрреволюционеры в соответствии с критериями Лациса, то есть по происхождению и профессии. Вероятность того, что все они или большая их часть стали первыми жертвами расстрелов, велика. Под вопросом остается участь ащерихинского помещика Н.В. Бобоедова. Наша справка: Бобоедов Николай Владимирович (? – ?), потомственный дворянин Нижегородской губернии. В 1864 г. окончил Николаевское кавалерийское училище в Санкт-Петербурге, откуда выпущен корнетом лейб-гвардии в Гусарский полк. На 1865 г. в том же чине и полку. К 1869 г. вышел в отставку и поселился в родовом

¹ Правда. 1918. 18 сентября.

² РГВА. Ф. 11. Оп. 8. Д. 239. Отчет подотдела формирования и обучения. Л. 16.

³ По: Государственный архив Нижегородской области № 2 (г. Арзамас). Ф.Р-2345. Оп. 1. Дд. 1–4.

имении при селе Ащериха. В 1900-е гг. состоял управляющим 3-м, затем 21-м Курмышским имением удельного ведомства, в 1914 г. – гласный Сергачского уездного земского собрания¹.

По одним данным, бывший лейб-гвардеец Николай Бобоедов был расстрелян ЧК, по другим, – умер своей смертью в 1923 г. в Курмыше. Обе документально не подтвержденные версии требуют проверки, ибо в то время фамилия Бобоедов у дворянства Курмышского и Сергачского уездов была очень распространенной, и какой именно Бобоедов в том и ином случаях имеется в виду, неясно.

В курмышский мартиролог попали Павел Александрович Шипилов, сын деяновского помещика А.П. Шипилова, и земский врач Николай Гаврилович Салищев, снискавший огромное уважение местного населения и расстрелянный в 1918 г. по подозрению в оказании повстанцам медицинской помощи. Данные об этом сообщила москвичка Елена Аникина, исследующая вопрос в рамках составления своей родословной.

В Книге памяти Ульяновской области есть справка на Куделенского Федора Александровича: 1891 г. рождения, уроженец и житель Курмыша, арестован 25 ноября 1918 г., содержался под стражей, процессуальное решение в деле отсутствует, реабилитирован в 1998 г. По свидетельству родных Ф.А. Куделенского, проживающих в Нижнем Новгороде, он был расстрелян сразу после занятия Курмыша красными отрядами. В семейном архиве сохранилось его фото.

Количественно более других пострадало крестьянство. Краевед Татьяна Грачева предоставила автору вырезку из газеты «Знамя революции» – органа Казанского губкома РКП(б), в которой опубликован список из 63 фамилий «контрреволюционеров», расстрелянных 6 и 8 сентября в Бортсурманах, Деянове и Мальцеве. Почти все жертвы – местные хлебопашцы. Там же значатся два сельских батюшки и церковнослужитель. В числе прочих каратели убили настоятеля Успенской церкви села Бортсурманы протоиерея Михаила Воскресенского. Газета сообщила, что в последнюю минуту батюшка «не расставался с книжкой дома Романовых». Участь священника разделил чтец храма Евлампий Николаев. На сельском кладбище в Бортсурманах установлена памятная доска с

¹ Памятная книжка и адрес-календарь Нижегородской губернии за 1914 год.

именами расстрелянных земляков, в память о них по инициативе прихожан местного храма совершаются панихиды и крестные ходы. Два дня спустя в соседнем Деянове был расстрелян иерей местной Троицкой церкви Стефан Немков¹.

Среди жертв бортсурманского расстрела оказался и герой Первой Мировой войны Тимофей Федотович Быстров. Сведения о нем по крупицам собрала краевед из Пильны Елена Адушева, отыскавшая внуков Георгиевского кавалера – жителя деревни Ягодное Александра Ивановича Кондратьева и жительницу Пильны Валентину Ивановну Есянину. С их слов и составлена биография Тимофея Федотовича. Родился, предположительно, в 1880-е гг. в селе Бортсурманы. Участник войны с Японией. В Первую мировую воевал в звании фельдфебеля. Еще до войны за четыре года беспорочной службы Тимофей Федотович был награжден двумя медалями: «За усердие» на Станиславской ленте и в память 300-летия Дома Романовых. За отличия в боях Первой мировой унтер-офицер Быстров был удостоен трех, а по другим данным, – всех четырех степеней Георгиевского креста и Георгиевской медали. У Тимофея Федотовича было четверо детей: Вера, Надежда, Александра и Иван. С войны он вернулся в роковой день 8 сентября 1918 г. и тогда же был арестован и расстрелян как «кулак, агитатор, белогвардеец и бывший зауряд-прапорщик». В Бортсурманах сохранилась могила героя.

Нам удалось найти о нем дополнительные сведения. Достоверно известно о награждении Тимофея Быстрова Георгиевскими крестами 4-й степени № 233052 и 2-й степени № 14974. В Приказе о пожаловании подпрапорщику 15-го уланского Татарского полка Тимофею Федотовичу Быстрову Георгиевского креста 2-й степени указывается, что он удостоен награды 24 сентября 1915 г. «от имени Государя Императора, Его Императорским Высочеством Великим Князем Георгием Михайловичем за то, что в бою 29.08.1915 г., за выбытием офицера, принял командование над полуэскадромом и удачно руководил им в течение всего боя»².

Отметим, что Георгиевский крест – высшая воинская награда Российской империи для нижних чинов. Его кавалерами становились самые доблестные воины и вообще люди высоких моральных

¹ Знамя революции (Казань). 1918. 19 сентября.

² *Патрикеев С.Б.* Сводные списки Георгиевских кавалеров 1914–1922 гг. Т. 1. С. 483.

качеств. Не приходится сомневаться, что Тимофей Федотович Быстров был и крепким хозяином (не случайно палачи именуют его «кулаком»), и добрым семьянином, а значит, пользовался в селе всеобщим уважением.

А теперь сравним патриота и героя, самоотверженно проливавшего кровь за Отечество, с теми, кто вершил над ним суд скорый и неправый, лишив достойнейшего русского человека жизни. Взять хотя бы Левина Абрама Михайловича. Возраст 29 лет, из семьи служащего, до войны работал фармацевтом, в войну служил писарем в интендантстве XX армейского корпуса. Член РСДРП(б) с июня 1917 г., ранее – член Бунда, с 1917 г. – управделами и инструктор НКВД РСФСР в Вилейке (Белоруссия), с апреля 1918 г. – первый председатель Симбирской губчека. Позднее – сотрудник особого отдела армии, председатель Астраханской ЧК, полпред ВЧК на Тамбовщине и полпред ОГПУ на Дальнем Востоке. С этого времени работал под псевдонимом Бельский. Сделал головокружительную карьеру: в 1934 г. назначен наркомом Г.Г. Ягодой начальником всей советской милиции, с 1936 г. – замнаркома НКВД СССР. Возмездие настигло пламенного чекиста почти четверть века спустя после организованной им резни в Курмышском уезде: 5 июля 1941 г. Левин-Бельский был расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР как заговорщик и террорист¹.

Такая же участь постигла других карателей. По некоторым данным, палач Курмыша Гарин был расстрелян за превышение власти и мародерство. Об этом говорится в известной книге о новомучениках и исповедниках российских². Ее автор, ныне клирик храма Покрова Пресвятой Богородицы в Москве и член Синодальной комиссии по канонизации святых игумен Дамаскин (Орловский), сообщил мне, что при написании книги использовал свидетельства современников и очевидцев трагедии, собранные в 1981 г. Косвенно факт расстрела Гарина подтверждает и член РКП(б) Ундрицов, рассказавший в письме редактору красноармейской газеты «Голос бедноты» от 22 февраля 1919 г. о том, что бывший председатель

¹ *Абрамов В.* Евреи в КГБ. Палачи и жертвы. М. 2005. С. 117.

² В: Иеромонах Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия. Книга 1. Тверь, 1992.

ЧК Гарин арестован в Симбирске, и у него отобрадено конфискованное им имущество – несколько возов»¹.

Председатель прифронтовой ЧК в Козьмодемьянском и Курмышском уездах Карл Грасис расстрелян в 1937 г., маньяк красного террора Мартын Лацис – в 1938-м. Политический комиссар отряда Левина Михаил Ямницкий расстрелян как враг народа в 1939 г.² Не избежали сталинских чисток и следователь фронтовой ЧК Бобкевич (Бабкевич) и лидер сергачских большевиков и также участник подавления Курмышского мятежа Михаил Санаев, расстрелянный в 1938 г. в Крыму. По иронии судьбы бумеранг жестокости и презрения к чужой жизни возвратился к тем, кто его бросал.

Приложение

Список выявленных жителей Курмышского уезда, расстрелянных карательными отрядами и органами ВЧК в 1918 г.

Аверин Иван Степанович; Авлин Федор; Азлин Петр; Босов Герасим; Быстров Тимофей Федотович; Ванюков Семён Тимофеевич; Васьков Илларион Герасимович; Вечерин Иван Данилович; Власов Николай; Воскресенский Михаил Григорьевич; Галапулов Дмитрий; Галахов Андрей Николаевич; Герасимов Александр; Герасимов Петр; Григорьев Анатолий; Дементьев Иван Фомич; Дрожжев Иван Иванович; Ежеев Тихон; Иванов Иван; Иванов Николай; Иванов Степан Тимофеевич; Калякин Алексей Васильевич; Кириллов; Кондратьев Александр; Конов Александр Алексеевич; Королев Дмитрий Федорович; Кирилов Николай; Кондратьев Иван; Костянов Павел; Крылов Алексей; Крылов Сергей Михайлович; Куделенский Федор Александрович; Кузнецов Михаил; Куликов П.П.; Кулькова Татьяна Андреевна; Куренин Кузьма; Ленин Дмитрий; Лисин Василий Семенович; Лисин Сергей; Лисов Герасим; Мельников Владимир; Мигунов Леонид; Мигунов Николай; Морозов Никита Матвеевич; Небасов Василий; Небасов Михаил; Небасов Николай; Немков Стефан Михайлович; Николаев Евлампий Павлович; Осипов Владимир Александрович; Поляков Николай; Сазанов Петр Александрович; Салищев Николай Гаврилович;

¹ Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф.3-499. Оп. 1. Д. 9. Лл. 11–12об.

² *Абрамов В.* Указ. соч. С. 351.

Самойлов Алексей Филиппович; Сарбаев Василий; Сидоров Василий; Сорокин Федор Алексеевич; Тихонов Павел; Толстов В.И.; Трифонов Иван Еремеевич; Тутурин Михаил Евдокимович; Фадеев Степан; Хорин Алексей; Хорин Иван; Чамжайкин Ермолай Ермолаевич; Чернышев Иван; Шипилов Павел Александрович; Штах Геральд Яковлевич; Шутов Алексей; Шутов Григорий; Шутов Евраф; Шутов Матвей; Шутов Яков; Щербаков Ф.М.; Языкова; Якадин Василий; Якадин Иван; Якадин Федор; Якимов Иван Григорьевич.

ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ

А.В. Ганин

Революционные события 1917 года и начало Гражданской войны на Юге России в дневнике полковника Н.А. Рота¹

В 2016 г. был обнаружен и спасен для науки уникальный дневник офицера русской армии полковника Н.А. Рота за период 1916-1918 гг. Поскольку речь идет о первом упоминании документа из частной коллекции (предполагается его передача в Архив Дома Русского Зарубежья им. А. Солженицына), необходимо начать с внешней характеристики этого источника.

Дневник представляет собой две небольшие тетради в линейку с чернильными записями под заголовком «Выдержки из дневника офицера Генерального штаба (апрель 1916 г. – январь 1918 г.)». Записи охватывают 46 листов в первой тетради и 39 листов – во второй и в действительности начинаются с 4 марта 1916 г., но ретроспективно затрагивают и более ранние события. Предваряется и заключается дневник повествованием о службе Н.А. Рота и о его трагической гибели. По всей видимости, эти записи были сделаны уже в эмиграции кем-то из знавших офицера лиц. Поскольку почерк везде одинаковый, очевидно, текст дневника был переписан позднее.

В конце дневника в таком же переписанном виде приводится сопроводительное письмо переписчика: «Дорогой Александр, не получил от Тебя ответа на мой запрос, стоит ли посылать Тебе дневник Коли Рота. Все же решаюсь послать его с Димой – может быть явится возможность его издать. Повторяю, что считаю единственным возможным способом – это продать его издательству, выговорив возможно выгодные условия для вдовы покойного и его детей. Может быть, можно оставить семье покойного право

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 17-81-01022 а(ц) «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг. в документах офицеров русской армии».

на перевод на иностранные языки. По желанию вдовы покойного все имена, о которых автор отзывается неместно (это касается, конечно, только тех лиц, у которых у автора могли быть личные отношения) заменены мною инициалами. Думаю, что в том виде, в каком дневник здесь переписан, он вполне может быть издан.

Справки, прилагаемые мною в начале и в конце, а также на полях – к сведению издательства, для использования.

Пишу кратко, т.к. только сейчас, перед отъездом Димы, кончил переписывать. Прости, что навязываюсь, но думаю, что и Тебя это заинтересует.

Крепко целую Тебя и Светлану, за себя, Асю и Стаську.

Любящий друг Георгий.

P.S. Считаю нужным сказать, что первые строки записи 14го марта 1917 года мною сокращены. В подлиннике, после слов: "...не может быть на ответственных местах", написано следующее (про Н.Н.):

– "Мне его не жаль. В талант его я никогда не верил, он это ясно доказал в начале войны; вся его доблесть и энергия выражалась в грубом обращении с генералами и в рванье зубами фуражки, как видно, способности не Бог вещь какие и доступные каждому смертному".

Следует ли это включать – не берусь судить отсюда¹. Речь шла о великом князе Николае Николаевиче (младшем) и о возможности по политическим мотивам опубликовать критическую оценку его деятельности.

Судя по открывающей первую тетрадь дневника записи «Музей Л. гв. Конной артиллерии», дневник хранился в этом музее и имел шифр № 388. Сопоставление данных дневника с другими источниками подтверждает его достоверность.

Николай Александрович Рот родился 30 марта 1883 г. В 1903 г. он окончил Пажеский корпус, служил в гвардейской конной артиллерии. На Крещение 6 января 1905 г. произошел скандально известный «Иорданский выстрел», когда возле Зимнего дворца обстрелу картечью из предназначенного для салюта артиллерийского орудия подверглась царская семья. Расследование показало, что в одном из орудий остался картечный заряд после недавних учений.

¹ Рот Н.А. Выдержки из дневника офицера Генерального штаба (апрель 1916 г. – январь 1918 г.). Тетрадь 1. Л. 46-46об.

После этих событий Н.А. Рот вместе с другими офицерами батареи Его Величества (включая его родного брата) был отдан под суд. Рот поступил благородно: «Лично на себя я навалил больше, чем сделал; сам взял вину, что не осмотрел свой взвод перед салютом, хотя единственный это сделал. Не хотел отделяться от других; отвечать – так уж отвечать всем»¹. Спустя 12 лет, в январе 1917 г., Рот с горечью вспоминал об этом в дневнике, отмечая, что искали злой умысел там, где имела место обычная российская халатность: «Неужели сразу не было ясно, что все заключается в нашей милой постоянной халатности!»² Офицера приговорили к трем месяцам заключения на гауптвахте, но по Высочайшему повелению на Пасху 17 апреля (через неделю ареста) освободили, за что он испытывал благодарность к императору даже через многие годы.

Затем Н.А. Рот был переведен во 2-й конно-горный артиллерийский дивизион. Обучался в Офицерской кавалерийской школе и в Императорской Николаевской военной академии, которую окончил по 1-му разряду в 1912 г. После академии Н.А. Рот был прикомандирован к штабу Киевского военного округа для испытания по службе Генерального штаба, совершил секретную поездку в Богемии на маневры австро-венгерской армии. С октября 1913 г. Н.А. Рот проходил цензовое командование эскадронам в 9-м гусарском Киевском полку.

Принял участие в Первой мировой войне в качестве старшего адъютанта штаба 12-й кавалерийской дивизии, которой командовали генералы А.М. Каледин и К.Г.Э. Маннергейм. Их характеристики встречаются на страницах дневника. Н.А. Рот неоднократно исполнял должность начальника штаба дивизии. В августе 1915 г. Н.А. Рот был назначен старшим адъютантом штаба 2-й кавалерийской дивизии, затем в октябре занял должность и.д. штаб-офицера для поручений при штабе II кавалерийского корпуса. 15 августа 1916 г. он был произведен в подполковники. В августе – сентябре 1916 г. временно исполнял должность начальника штаба 9-й кавалерийской дивизии, а с января 1917 г. периодически исполнял должность начальника штаба II кавалерийского корпуса. Наконец, 16 мая 1917 г. Н.А. Рот занял пост и.д. начальника штаба 2-й Сводной казачьей дивизии и находился на этом посту до конца года. За боевые отличия офицер был награжден Георгиевским оружием,

¹ Там же. Л. 12–12об.

² Там же. Л. 11об.

орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й ст. с мечами, Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 2-й ст. с мечами. Когда Н.А. Рот был произведен в полковники, установить не удалось. По всей видимости, это произошло в 1917 г.

В декабре 1917 г. он по приказу командующего IV казачьим корпусом генерала Я.Ф. фон Гилленшмидта вместе с корпусом выступил на Дон. На Дону Рот в течение двух недель в середине декабря 1917 г. занимал должность начальника штаба Северного фронта обороны Донского войска (в «Казачьем словаре-справочнике» указана и другая должность – начальник штаба западного участка обороны Новочеркасска), под чужим именем совершил дерзкую поездку в Киев на свидание с семьей, откуда благополучно вернулся на Дон, по всей видимости, в январе 1918 г.

Офицер занимался ликвидацией дел штаба дивизии. После занятия Новочеркасска красными 12 (25) февраля 1918 г. «окончив все дела по сокрытию и уничтожению документов штаба, полковник Рот сажился на извозчика вместе с военным чиновником штаба, чтобы ехать на вокзал. В эту минуту их остановил проходивший патруль и потребовал предъявить документы; найдя их в порядке, патруль отпустил их, но проходящий в это мгновение по улице казак всмотрелся в лицо полковника Рота и, узнав его, закричал, – Стой, стой, это наш начальник штаба. Полковник Рот и бывший с ним военный чиновник были моментально схвачены и арестованы. В ночь с 17 на 18 февраля оба были расстреляны вместе с атаманом Назаровым и другими офицерами. Вдова чиновника добилась выдачи их тел и, похоронив их, с оставшимися вещами своего мужа и полковника Рота приехала в Киев, где и рассказала о всем случившемся вдове последнего, передав ей вместе с его вещами и дневник покойного»¹. Очевидно, это описание не вполне точно (известно, что вместе с атаманом Назаровым были расстреляны только офицеры). По другой версии, офицер попал в плен под станицей Кривянской во время движения в Степной поход².

Н.А. Рот погиб в возрасте 35 лет³. Сохранилось описание его расстрела в журнале «Донская волна», согласно которому Рот был

¹ Там же. Тетрадь 2. Л. 37-37об.

² Казачий словарь-справочник. Сан-Ансельмо, 1969. Т. 3. С. 38.

³ В двух справочниках С.В. Волкова ошибочно утверждалось, что Н.А. Рот служил на белом Юге вплоть до 1920 г. и погиб в Югославии

расстрелян в составе группы из семи офицеров¹. Вдова, Елизавета Эммануиловна, эмигрировала в США, где скончалась в 1974 г. У полковника остались четверо детей: Александр, Георгий, Николай и Татьяна².

На страницах дневника перед нами предстает мыслящий и высокообразованный офицер, монархист, тяжело переживающий события жизни страны и армии, любящий солдат (исключая тех, что разложились в результате революции) и относящийся к ним как к своим младшим братьям. При этом он является носителем традиционной для кадрового офицерства системы взглядов, не исключая и националистических (офицером не раз в негативном контексте упоминались евреи³). Представления Н.А. Рота о революции и разложении армии в целом типичны для кадрового офицера.

Дневник содержит воспоминания о боевых эпизодах прежних лет, а также рассуждения по самым разным вопросам военной и политической жизни, включая народную психологию, природу войн, итоги и перспективы революционных перемен, подготовку кадров Генерального штаба, германский милитаризм, характер Первой мировой войны, вопросы тактики, дисциплину. В тексте много высокопарных фраз о любви к Родине, долге и чести. Тем не менее, они представляются искренними. Описание революционных событий и связанные размышления нетривиальны. Особую ценность представляют свидетельства о малоизвестных событиях переброски IV казачьего корпуса с Юго-Западного фронта на Дон в конце 1917 г., а также о начальном периоде Гражданской войны на Дону. Портретные зарисовки в дневнике немногочисленны, но также представляют интерес. В частности, воспоминания автора дневника о генерале А.М. Каледине в годы Первой мировой войны.

(*Волков С.В.* Офицеры армейской кавалерии: опыт мартиролога. М., 2004. С. 453; *Он же.* Офицеры российской артиллерии: опыт мартиролога. М., 2011. С. 578), позднее эти данные были скорректированы (*Волков С.В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии. Опыт мартиролога. М., 2012. Т. 2. С. 321).

¹ *Севский В.* Тринадцать вопросов (из материалов революционного суда) // Донская волна (Ростов-на-Дону). 1918. № 1. 10 июня. С. 8.

² *Волков С.В.* Генералы и штаб-офицеры русской армии. Т. 2. С. 321.

³ *Рот Н.А.* Выдержки из дневника офицера Генерального штаба (апрель 1916 г. – январь 1918 г.). Тетрадь 1. Л. 5, 27; Тетрадь 2. Л. 32.

На Февральскую революцию Н.А. Рот откликнулся уже 4 марта 1917 г.: «Я устал и морально, и физически, голова работает плохо, но сейчас переживаю такой исторический момент, что беру себя в руки, заставляю себя писать, чтобы впоследствии можно было бы установить нить моей мысли в момент небывалого исторического события.

С той минуты, когда я вчера узнал под строжайшим секретом то, что сейчас вижу перед собой в строках Высочайшего манифеста, – окончательно перевернуло мою душу и выбило из душевного равновесия. Знаю только одно, что случилось нечто грозное и непоправимое, и Государь отрекся от престола. Какая душевная драма за эти дни произошла в его душе, какой ужасный перелом, когда он увидел себя одиноким и когда те, по вине коих он потерял корону, не сумели сделать то, что обязан сделать каждый честный дворянин – не сумели даже прилично умереть, а может быть, жалея свою шкуру, уговорили его отказаться от борьбы!

То, что действительно произошло в Пскове, мне, конечно, не известно; правду мы узнаем потом; но сейчас так больно, так жаль, жаль до слез Его, как человека!

Я твердо помню, что я у него в личном долгу; это чувство было для меня тем священным знаменем, к которому тянулась моя душа в часы тревог и сомнений; благодаря этому чувству я до сих пор – на фронте. А теперь – кому я служу? Манифест говорит, что только в том случае Михаил примет власть, если его изберет народ, – значит теперь тот флаг, тот лозунг, к которому надо тянуть, это Россия. Так и сказано в последнем манифесте Царя: во имя блага России Он, сознавая, что Ему не под силу дальше вести ее к победе и славе, и снял со Своей головы корону.

И пусть же этот пример Первого русского человека, русского Царя, послужит и мне примером, маленькому временному начальнику штаба; пусть временно забуду свои интересы, свое личное Я, и посвящу сейчас все мысли и дела единой, мощной и неделимой России!»¹

В записи от 6 марта чувствуется растерянность: «События текут и развиваются своим чередом; надо писать, пусть потомство знает то, что думали мы, которые сковывали счастье России на поле сражения. В голове тот же хаос, тот же рой мыслей, который ни на чем определенном остановиться не может.

¹ Там же. Тетрадь 1. Л. 22об.

Постараюсь хоть рядом сравнений поймать нить своей мысли, авось тогда она будет рельефнее...

Храм разрушен и ограблен, тяжелым снарядам уничтожен алтарь, иконы сброшены и разбиты на куски; от церкви остались лишь одни стены. Но отчего же, когдаходишь в эти голые, поруганные стены, невольно снимаешь фуражку и творишь крестное знамение?

Храм – это Россия, алтарь – ее царь. Кошунственная рука уничтожила самое святое в церкви, но благоговение к ее стенам осталось у верующего человека. Пусть разбит алтарь, пусть сорваны иконы, но виноваты ли в этом стены? Я их все-таки люблю так же, как и любил тогда, когда храм сиял во всем блеске величия и славы!

Другая картина. Любимый полк строится после атаки; большинство его, его цвет остался там, где-то на поле; штандарт пропал и находится в кошунственных вражеских руках! – Но все же, эти жалкие остатки без своего символа, без своего штандарта, дороги моему сердцу, и по-прежнему я люблю свой полк!

Так и тут: как храм без алтаря, как полк без штандарта, – люблю Тебя, моя бедная, несчастная родина, и Тебе, потерявшей свою эмблему, свое лицо, я продолжаю служить! Но пусть не думают те, которые сейчас узурпировали власть, что я служу им. Каждый понимает, что теперь считаться с ними нельзя, что надо во имя победного окончания войны мириться с фактами – надо сейчас ждать и исполнять свой долг – не пуская врага в пределы страны.

Но волосы становятся дыбом, когда задаешь себе вопрос: – во имя чего мы дрались? Неужели мы проливали свою кровь и уложили цвет своего населения для того, чтобы дать власть куче самозванцев? – И хочется верить, что нет, что настанут лучшие времена для великой России, когда вся накипь, все отбросы, сейчас вырвавшие власть, падут под железной рукой диктатора, под мощный клик победных легионов: – “Да здравствует Цезарь!”¹! Эта запись показывает неприятие генштабистом тех сил, которые пришли к власти в результате революции.

Запись от 8 марта пронизательно-тревожна: «С той минуты, когда вчера ночью я прочел приказ “г-на Гучкова”, я понял, что выиграть кампанию нельзя, и мы ее бесповоротно проиграли. Ко-

¹ Там же. Л. 23об.–24об.

нечно, мы все здесь исполним свой долг, будем драться до конца и умрем, надеюсь, “не посрамив земли Русской”, но рассчитывать на хороший исход нельзя. Временное правительство бронируясь громкими словами, само вносит такую разруху в армию, какую не мог внести никакой старый режим. Пункт приказа, гласящий, что нижние чины и офицеры имеют право быть членами политических союзов, – говорит все. Глупее выдумать что-либо трудно и выдумать такую штуку может только тот, кто желает продать Россию неприятелю.

Неужели не ясна аксиома, что первое требование, которое следует предъявлять вооруженной силе – это беспартийность, второе – дисциплина. Без дисциплины армия – опасная толпа. Теперь же перед лицом неприятеля оба эти принципа нарушены и проведены через приказ; им же нарушено то славное, которое необходимо для победы, – а именно взаимное доверие и любовь между офицерами и солдатами.

Если раньше, иногда, стоило невероятных усилий заслать обратно в цепи бегущих солдат, то возможно ли будет это теперь, когда приняты все меры, чтобы развратить солдат и внушить им, что их офицеры, те, которые их водили к победе и смерти – их враги! Да и кто же смеет так говорить, кому судить наши взаимоотношения? – Куча мерзавцев и негодяев, “союз рабочих депутатов”! Сколько они получили от немцев за свой труд – секрет, но иначе не может быть.

Будущее все покажет; дай Бог, чтобы я не оказался пророком, дай Бог лучших дней, но пред лицом своей совести я не могу не сознаться, что шансы на победу сведены господами “освободителями” на нет. Бедная Россия, бедная армия, что вас ожидает в будущем, но все же, что бы то ни было, что бы ни случилось, но мысли мои и все силы принадлежат сейчас вам!»¹

Кадровый офицер-генштабист с первых дней революции пришел к выводу о тяжелых последствиях начавшегося для армии и страны развала. 9 марта Н.А. Рот в связи с новым приказом А.И. Гучкова отметил: «Весь ужас в том, что мы скованы на фронте и обязаны нести свой долг здесь, а то иначе, думаю, было бы достаточное количество людей, которые охотно “тряхнули бы Москвой” – в данном случае Петроградом»². Как монархист автор

¹ Там же. Л. 24об.–25об.

² Там же. Л. 25об.

дневника писал о необходимости царя для страны. В летних дневниковых записях ретроспективно смену власти офицер расценивал как «желание кучки мерзавцев ввести у нас республиканский строй»¹. Активных и пассивных участников отречения императора Н.А. Рот считал необходимым повесить².

Несмотря на новые порядки, Н.А. Рот пытался поддерживать дисциплину. Так в первые недели марта он сорвал с одного из унтер-офицеров нашивку за вальяжный разговор с офицером, позднее приказал снять красные банты явившимся с ними на присягу³. Возмущение офицера вызывали страх начальства перед солдатами и потакание углублению революции. Сталкиваясь с разрушительными приказами, Рот полагал, что эти приказы снимают ответственность с младших командиров за будущий разгром и развал армии. Спокойствие же, по мнению генштабиста, наступит только после приказа Временного правительства о расстреле совета депутатов и отправки тыловых гарнизонов крупных городов на фронт. Неприятие вызывали и попытки дробления армии как единой силы на различные политические кружки. Каждый день воспринимался как движение по наклонной плоскости: «Что ни день – то новая глупость. Какое нравственное убожество представляет современное правительство, как ясно теперь, что эти люди для управления государством совершенно не пригодны. Вчера додумались до проекта уничтожения дисциплинарного устава. Какая новая очередная глупость ожидает нас завтра – неизвестно» (запись от 20 марта)⁴.

Дневниковая запись от 7 апреля 1917 г. посвящена размышлениям о жизненных целях в новой обстановке: «Раньше у меня была цель жизни; я знал, за что дерусь; я знал, что дерусь за благо своей родины, преследующей известные исторические задачи. Я знал, что, умирая, буду иметь сознание, уходя в иной лучший мир, что пал за Веру, Царя и Отечество. Что же осталось теперь от всего этого? Ужас в том, что теперь этого сознания у меня нет, и за что я дерусь, за что, может быть, придется умирать, я не знаю. Вера – но ее почти нет, господство православной церкви уничтожено; не сегодня-завтра объявят, что Бога нет. Царь – но он ушел,

¹ Там же. Л. 39об.

² Там же. Л. 41об.

³ Там же. Л. 26–26об.

⁴ Там же. Л. 28.

отрекся от престола, а нового нет, да и вряд ли скоро будет. Отечество – да разве оно есть? Можно ли сейчас считать отечеством то, что не преследует национальных, своих исторических задач, а говорит лишь о господстве всемирного пролетариата!

Мы отказались от своих исторических задач, разрушили веками созданный государственный строй, давший Великую неделимую Россию и накануне зенита своей славы, когда победная война, с приобретением того, что нам действительно нужно, уже почти была закончена, полетели куда то в пропасть. Мы сами отказываемся от завоевательной политики, сами говорим, что нам ничего не нужно. Какой ужас, какой сплошной позор! Неужели мы уложили цвет своей нации для того, чтобы создать величие всемирного пролетариата? – какая жалкая роль в истории! Каким страшным проклятием, каким ужасным презрением заклеит нас наше потомство. Мы сознательно разрушили нашу армию и наивно думали, что она способна удержать натиск германцев, если они действительно пожелают наступать. Говорят: зато мы боремся за “свободу”. – За чью, позвольте вас спросить? За свободу пролетариата, а не за свободу России. Да и где она эта свобода – большего произвола, чем сейчас, найти трудно.

Чем я гарантирован, что представитель “благородной нации” за три года войны, за утраченное здоровье в благодарность не всадит мне штык в спину? Где же тут свобода?

Тяжело, грустно и тошно писать, больше не могу. По грехам нашим покарал нас Господь, отняв наш разум¹.

Характерна оценка итогов революции в сравнении со старым режимом, приведенная 16 апреля 1917 г.: «В истории мы будем служить ярким примером для других народов, как, будучи почти в зените своей славы, нация добровольно обрекла себя на позор поражения и на гибель. Валишь на старый режим тут нечего; он был плох, но катастрофу создал не он, а исключительно новый строй»².

Н.А. Рот с горечью писал о прогрессирувавшем разложении корпуса, о частой смене командиров, что вело к развалу. По мнению офицера, за два месяца с марта по май 1917 г. армия превратилась в толпу хулиганов. Появление А.Ф. Керенского на посту военного министра офицер считал позором. Этому политическому деятелю на страницах дневника достаются такие эпитеты, как

¹ Там же. Л. 28об.–29об.

² Там же. Л. 30–30об.

«пигмей», «фигляр», «паяц», «шарлатан», «жалкий прохвост», человек с куриными мозгами¹.

Уже на новом месте службы во 2-й Сводной казачьей дивизии 3 июня 1917 г. Н.А. Рот отметил, что ничего не хочется делать, а работа валится из рук, поскольку «все, что было свято, все, что заставляло работать, возбуждало лучшие струны человеческой души, все это втоптанно в грязь, предано проклятью, заплевано и осмеяно толпой хулиганов, олицетворяющих сейчас русское правительство, русскую власть, русское “общественное мнение”!»². Революцию Рот называл проклятой.

В той же записи офицер рассуждал о том, что для выхода из кризиса стране необходима твердая рука и военная диктатура. Эти мысли присутствовали у него постоянно, начиная с первых послефевральских дней. Позорной, по мнению Н.А. Рота, являлась даже идея мира без аннексий и контрибуций. В одной из записей он пояснил эту свою мысль – при заключении такого мира в результате войны за рынки сбыта, получалось, что все жертвы были напрасны³. Напрашивался вопрос, зачем продолжать воевать ни за что.

Для понимания мировоззрения офицера любопытны рассуждения о милитаризме и социализме. По мнению Н.А. Рота, социализм не исключал милитаризма, поскольку мир живет борьбой, а война – нормальное явление. Войну народов во имя идеалов любви к Родине он считал красивой, в отличие от борьбы труда и капитала, когда речь шла или об ограблении имущих или об эксплуатации неимущих.

Ошибочной, по мнению Рота, была отмена в армии «палки капрала», под которой, очевидно, понималось рукоприкладство унтер-офицеров. Офицер писал: «Палка капрала, – да разве она мешала побеждать? Она только заставляла идти вперед порочные элементы, попавшие в строй; она обращала в машину человеческий индивидуум, заставляя его слепо подчиняться чужой воле. Что же мы видим сейчас? Знаменитая палка сломана; стало ли от этого лучше? Стал ли лучше, нравственнее, благороднее и храбрее наш солдат? – Нет, он стал гораздо хуже, он упал до такого нравственного уровня, с которого ему подняться очень, очень трудно, и может быть – и никогда»⁴.

¹ Там же. Л. 32об., 37; Тетрадь 2. Л. 35об.

² Там же. Тетрадь 1. Л. 32.

³ Там же. Тетрадь 2. Л. 5.

⁴ Там же. Тетрадь 1. Л. 34об.–35.

Офицер вспоминал примеры солдатского героизма А. Осипова, подорвавшего вместе с собой пороховой погреб в Кавказскую войну или А.Д. Макухи, которому австрийцы отрезали язык за отказ сообщить сведения о русских войсках в Первую мировую¹, противопоставляя их герою революционной эпохи – убийце своего командира Т.И. Кирпичникову. Из этого в дневнике сделан вывод, что с «палкой капрала» создалась великая Россия, а с демократией и комитетами страна превратилась в посмешище. Немало строк уделено воспоминаниям о доблести солдат русской армии.

Армия Временного правительства не выдерживала критики и в сравнении с армией Великой Французской революции, которая была воодушевлена патриотизмом, имела свирепую дисциплину и, более того, в ней возникла передовая для своего времени тактика колонн, превосходившая линейную. По мнению добросовестно заблуждавшегося в этом вопросе Н.А. Рота, новую тактику уже невозможно выдумать, «все, что было возможно, уже выдумано человечеством. Теперь эпоха техники, а не гения, и тот, кто будет иметь больше орудий и снарядов – тот победит»². Офицер возмущался тем, что Германия в тылу напрягала все силы для победы, тогда как рабочие в России лишь митинговали и работали по восемь часов в сутки. В записи от 17 августа 1917 г. Н.А. Рот отмечал: «Стоило лишь оторвать солдата от офицера, уничтожить влияние последнего на первого, и солдат из героя обратился в “товарища” и хулигана. Пресловутая драгомировская “серая скотинка” выросла и обратилась в “пребольшую и настоящую скотину”, властно положившую ноги на стол!»³

Мысли офицера летом 1917 г. занимал и вопрос о причинах успеха пропаганды большевиков. Причины этого Н.А. Рот видел в утомлении солдат войной, отсутствии веры в вождя, авантюризме командного состава, когда ценой огромных потерь генералы зарабатывали себе награды и чины, причем высокие потери считались едва ли не критерием эффективности военачальника.

¹ Подробнее см.: *Каширин В.Б.* Взятие горы Маковка: Неизвестная победа русских войск весной 1915 года. М., 2010. С. 110–111. На задней обложке этой книги помещен портрет героя.

² *Рот Н.А.* Выдержки из дневника офицера Генерального штаба (апрель 1916 г. – январь 1918 г.). Тетрадь 1. Л. 35об.–36.

³ Там же. Тетрадь 2. Л. 11.

Н.А. Рот писал о блефе «наступления Керенского» летом 1917 г., тревожился за будущее страны, которая должна проиграть войну из-за «демократизации» армии. Чтобы разобраться в путях преодоления развала, обращался он и к республиканскому опыту не только Франции (в том числе и к революционным событиям 1870 г., разгоревшимся на фоне франко-прусской войны), но и Древнего Рима.

По мнению офицера, либералы способствовали поражению России в войне, причем до конца 1916 г. общественные организации не дали армии ни одного снаряда¹. Временное правительство предпочитало даже потерпеть поражение на фронте, только бы не лишиться завоеваний революции. Среди последствий недалеконидной политики, по мнению Рота, не только утрата всех завоеваний, но и потеря Финляндии и Малороссии.

Размышлял офицер и о народных героях. Не в пример другим странам, в России, по его мнению, преклонялись не перед монархами, а перед бунтовщиками вроде Степана Разина и Емельяна Пугачева. Причем в народе воля воспринималась как ни чем не ограниченная свобода и анархия. Резюмировал офицер следующим образом: «Мы сейчас угроза всему цивилизованному миру, если круто не изменим своих понятий и идеалов, и, увы, не заслуживаем права на свободное существование!»²

Рассуждения о природе войны в записи от 6 августа 1917 г. привели автора дневника к мысли, что теперь религиозные или династические войны невозможны (в первом случае он ошибался), а цель современных войн – обладание рынками. О возможности сепаратного мира Н.А. Рот высказывался следующим образом: «Прекратить войну фактически нельзя, ибо мы связаны договорами с народами, преследующими не фантастические, а реальные цели. Прекратить нельзя, т.к. тогда нас будут считать за “политических шулеров”, а такая репутация в действительности грозит существованием всего государства»³.

Разумеется, отражены в дневнике и текущие события. В записи от 6 августа упоминалось, что генерал Л.Г. Корнилов стал выступать решительнее. По мнению Н.А. Рота, только в диктатуре могло быть спасение страны⁴. Введение смертной казни, как считал

¹ Там же. Тетрадь 1. Л. 44.

² Там же. Л. 46.

³ Там же. Тетрадь 2. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 2.

офицер, уже привело к остановке бегства солдат с фронта. Однако надежды офицера не оправдались. Очередным ударом стало падение Риги 21 августа 1917 г. и усугубление развала армии. В записи от 27 августа 1917 г. отмечено: «С такой армией воевать нельзя, поправить и сделать ее боеспособной невозможно; это – банда, способная лишь грабить, жечь и насиловать, и позорно удирать с поля сражения. Лить кровь нет никакого смысла – борьба возможна лишь только тогда, когда есть хоть маленький шанс на успех»¹.

Единственная за долгое время радостная запись не о прошлом, а о настоящем появилась 29 августа в связи с выступлением генерала Л.Г. Корнилова: «Исторический день! Получено сведение, что Корнилов объявил себя диктатором и идет на Петроград. Пока сведения обо всем идут через разных комиссаров и комитеты. Судя по их литературе, у Временного правительства все идет гладко, но между строк чувствуется растерянность. Та же растерянность и у всего начальства; впрочем, все ли обуяны “страхом иудейским”, сказать трудно, ибо, по-видимому, вся связь в неприятельских руках.

Ощущение, в общем, такое, что сидишь на бочке пороха с зажженным фитилем, но я, как-то, спокоен»².

В разгар событий Н.А. Рот даже отправил телеграмму поддержки донскому атаману генералу А.М. Каледину – своему прежнему начальнику по 12-й кавалерийской дивизии, которую в письме супруге охарактеризовал как крик души: «Ген. Каледину. Познакомившись с Вашей речью на Московском совещании, я и офицеры штаба дивизии шлем Вам, как первому, имевшему смелость бросить слова правды, наши горячие пожелания счастья и успеха. Да поможет Вам на этом поприще Бог! Твердо верим, что герой Руды, Линденфельда, Беднарува и Луцка сумеет, опираясь на доблестное казачество, указать путь дальнейшего процветания и благополучия нашей несчастной Родины!

Пошли, Боже Всемогущий, Боже сил, успех Корнилову и Каледину в деле возрождения России!»³

В письме супруге, изложенном в записи от 1 сентября, содержался своего рода манифест будущих участников Белого движения, шедших за вождями: «Слава Каледина – наша общая

¹ Там же. Л. 15об.

² Там же. Л. 16об.–17.

³ Там же. Л. 17об.

слава, за которую мы умрем. Мы недаром исходили Галицию, мы недаром положили на алтарь Отечества наши лучшие силы. Мы верим в тех людей, которые неизменно нас водили к победе, и только за ними, а не за политическими шарлатанами, мы пойдём!»¹ В тяжелые периоды развала армии Рот все чаще обращался к воспоминаниям о славных страницах начального периода Первой мировой.

Запись от 2 сентября о неудаче Корнилова проникнута печалью: «Неужели последняя ставка проиграна, неужели пропала страна? Россия, страна побед, века истории, где Ты, великая Россия, что с Тобой, где Ты? – Мы гибнем; только Вам сильным нашим вождям принадлежит слово, только за Вами, сильные духом, мы пойдём!»² В следующей записи от 8 сентября прямо говорится, что надежд на лучшее нет. Россия до корниловского выступления напоминала Роту покойника, уложенного в гроб и опущенного в могилу. Существовала вера в то, что покойник сумеет воскреснуть, но после неудачи Корнилова могилу засыпали³.

В записи от 9 сентября прослеживается тревога в связи с арестами и казнями. Автор дневника удивлялся, что сам не был арестован⁴. С каждым днем новости становились все удивительнее. В записи от 17 сентября отмечено, что XXXIX армейский корпус вынес резолюцию о немедленном мире и уходе по домам. «Вот и система Верховского и К^о-управлять убеждениями, а не палкой. Недурное понимание психологии масс и солдата! Бездарные идиоты, стоящие у власти, куда вы завели мою Родину, за сколько продали ее немцам?»⁵

В записи следующего дня Рот отметил: «Полный развал и разруха. Ряд бестолковых распоряжений. В управлении утрачены последние проблески здравого смысла. Чужие части неожиданно залезают в район дивизии, причем проходят дни, пока докопаешься, каким образом они сюда попали»⁶. Банды дезертиров вели беспорядочную стрельбу по лесам. Разложение коснулось и донских казаков, хотя шло у них медленнее. Н.А. Рот резюмировал: «Скоро

¹ Там же. Л. 17–17об.

² Там же. Л. 18.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 19.

⁵ Там же. Л. 22об.

⁶ Там же.

не останется ни одной порядочной части, мы станем истинно “революционной” армией. Вот до чего мы дошли!»¹

19 сентября офицер написал, что теперь комитеты должны предоставлять комиссарам сведения не только про политическую благонадежность командного состава, но и про служебные достоинства. Таким образом, аттестовать генштабиста должны были несколько неопытных офицеров и безграмотных солдат. Абсурдность нововведения вызвала справедливое возмущение: «Меня, штаб-офицера Генерального штаба, получившего высшее образование, владеющего несколькими языками, имеющего громадный служебный и боевой опыт за почти три с четвертью года войны, фактически, командовавшего порой не только дивизиями, но и корпусами, – меня будут судить и оценивать, и кто?

Но не я один; в подобных условиях и начальники дивизий, и командиры корпусов, и все высшее начальство.

Когда я это узнал, как ни странно, но я расхохотался. Куда же дальше идти, может ли в большей степени проявиться человеческая глупость? Людям, ничего не понимающим в военном деле, дают право судить тех, кто посвятил свою жизнь, чтобы изучить его! К чему же тогда училище, академия, боевой опыт? Оказывается, ничего этого не надо; чтобы победить, надо заниматься лишь “углублением” революции! Недаром г-н Верховский, который в свое время, как общее посмешище корпуса, декламировал стихи и рассказывал анекдоты старшему классу на сон грядущий, – недаром этот г-н Верховский изрек великую истину, что теперь во главе армии нужны не люди с боевым опытом, а лишь те, которые будут проводить идеи демократии. Недурная оценка полководцев во время величайшего испытания – войны!»². Отметим, что будущий военный министр Временного правительства А.И. Верховский учился в Пажеском корпусе некоторое время с Н.А. Ротом.

После 19 сентября и до 11 ноября в дневнике записей не было. Запись от 11 ноября из Думбровицы касается событий 1915 г. и, возможно, включена переписчиком в дневник 1917 г. по ошибке. Следующая запись сделана уже 8 декабря в станице Кривянской на Дону и ретроспективно охватывает переброску 2-й Сводной казачьей дивизии в родные места. Поскольку этот фрагмент носит исключительно важный характер, затрагивая малоизвестные, но

¹ Там же. Л. 23.

² Там же. Л. 23–23об.

значимые эпизоды революционной эпохи, приведем его целиком: «Прямо не верится, что я на Дону, что в краткий срок времени судьба перебросила меня с берегов Стири и Пинских болот в широкие степи!

Однако это так. Мне случайно пришлось сыграть небольшую роль в историческом “исходе казачьих войск” в родные земли, и это событие попробую восстановить в памяти и набросать вкратце.

25 ноября утром я очутился в поезде и мирно ехал в Коростень в надежде, поймав свой эшелон, прямо проехать на Новоград-Волынский, где я должен был найти штаб дивизии. Но судьба решила иначе. На станции Коростень я застал столпотворение Вавилонское; там сосредоточились три эшелона линейцев и обе оренбургские батареи. Сначала было получено приказание от Черячукина¹ направиться в Белую Церковь через Казатин и Бердичев, потом другое приказание от Степанова² ждать указаний на месте.

Офицеры окончательно сбились с толку, казаки волновались, были возможны эксцессы; вдобавок, Подольская дорога заявила, что дать паровозов не может. Обстановка требовала принятия энергичных мер, иначе люди окончательно ушли бы из рук и что было бы тогда – неизвестно. Я принял решение забрать в свои руки управление Линейным полком³ и батареями, и вести их на Белую Церковь через Киев, несмотря на приказание оставаться на месте.

Мною было отдано приказание дать паровозы, в противном случае я не ручался за целостность станции. Угроза возымела действие, и скоро я катил с первым эшелонном на Киев, без всяких документов, кроме уже отмеченного распоряжения идти в Белую Церковь.

Великий “исход казаков” начинался, и начинался явочным порядком, пожалуй по моему почину⁴, но, повторяю, обстановка требовала взять стихийное движение в свои руки, иначе вышло бы черт знает что, да и в ту минуту я еще верил в то, что сосредото-

¹ Генерал А.В. Черячукин был командующим 2-й Сводной казачьей дивизии.

² Генерал Н.А. Степанов был начальником штаба IV казачьего корпуса.

³ Имеется в виду 1-й Линейный генерала Вельяминова полк Кубанского казачьего войска.

⁴ Н.А. Рот несколько преувеличивает свою роль. Переброска дивизии на Дон осуществлялась по распоряжению главнокомандующего армией Юго-Западного фронта генерала Н.Г. Володченко.

точенное в разных местах казачество сможет спасти хоть остатки моей несчастной родины.

Подъезжая к Киеву, испытывал сильное душевное волнение: вдруг не пропустят? что будет дальше, как поступать? У поста Вольнского эшелон задержали. Я поехал в Киев, нахально влез к коменданту и просил его немедленно приготовить мне пять паровозов для следования в Белую Церковь. К моему великому удивлению комендант не только не спросил никаких документов, но даже распорядился немедленно дать паровозы, и я лично привел паровоз к своему эшелону. Хорош бы я был, если бы с меня требовали документы; кроме газетной заметки, что Центральная Рада решила пропустить казаков через Украину, в моем распоряжении никаких документов не было. Мы благополучно достигли Фастова, где было получено распоряжение о следовании через Казатин и Ростовицу. Я недоумевал, но пошел по новому направлению. По счастью, дело было ночью, казаки ничего не заметили, иначе, наверное, были бы эксцессы, и они отказались бы идти.

27-го ноября утром мы прибыли в Казатин. Сюда же прибыл через Бердичев эшелон с пулеметной командой Линейного полка, который чуть не погиб около Печановки от взрыва склада с огнестрельными припасами. В Казатине я узнал, что штаб корпуса уже в Ростовице. Я вызвал по телефону офицера и от него узнал, что надо двигаться в Ростовицу, где штаб корпуса стоит еще в вагонах. На мой вопрос, где предстоит разгрузка, мне ответили, что разгрузки не будет, но что больше по телефону мне сказать ничего не могут. Было ясно, что назревает какая-то комбинация, но двинуть людей дальше было трудно. Едва удалось убедить 1-ю Оренбургскую батарею, что от движения на Ростовицу, как от движения на восток, мы только выгадываем. Вместе с тем, оставаться в Казатине в узле путей только опасно, на случай какого-либо взрыва, как то было в Печановке. Батарея послушалась и пошла, вслед за ней потянулись и Линейцы.

В Ростовице я явился в вагон командира корпуса. Там я узнал, что корпус явочным порядком направляется на Дон. Мне предложили вести первый эшелон и в случае задержек действовать силой. Другой директивы мне не дали, единственное, что я узнал, это то, что Центральная Рада не препятствует перевозке и что штаб фронта закрывает на это глаза, решив “не препятствовать злу”.

С общегосударственной точки зрения начиналось преступление, причем я, как ведущий весь корпус за собой, принимал в этом

видное участие. Но я верил в то, что на Дону может создаться то ядро, которое впоследствии будет в состоянии объединить и спасти мою родину, и на это преступление я пошел. Задача была трудная, надо было фактически протянуть за собой корпус, не имея на то никаких документов и никакого разрешения.

Утром следующего дня я был в Христиновке. Сначала мне дали паровоз, но потом пошли переговоры: почему я еду, кто приказал и т.д. К слову сказать, было получено распоряжение от штаба фронта, что корпус надо выгружать в Ростовице. Положение усложнилось. Я прибег к старому способу – обещал разнести станцию – и меня пропустили.

В Бобринской, куда я прибыл на следующий день, дело было проще; там меня пропустили беспрепятственно и ночью 29 ноября – около полуночи – я достиг Кременчуга. Перед городом, при проезде через Днепр, я внимательно следил за рекой; Бог его знает, могли же устроить взрыв на мосту, но все обошлось благополучно.

На станции случилось первое серьезное препятствие. Я уже лег спать, вполне уверенный в дальнейшем продвижении, когда ночью меня разбудили и сказали, что какой-то “революционный штаб” препятствует продвижению. На вокзале, действительно, сидела какая-то мрачная личность, которая вела переговоры с Харьковом, можно ли пропускать эшелон или нет. Я извелся, дал 15 минут сроку для получения паровоза и вызвал полусотню для принятия активных мер.

Полусотня явилась и, пока истекали 15 минут, казакам было объявлено, что дальнейшему их продвижению мешает “революционный штаб”, представитель которого находится здесь на телеграфе. Эффект получился вполне естественный – казаки загалдели и пожелали увидеть представителя “штаба”, чтобы поговорить с ним. Я принял трагическое лицо, вошел в телеграфную комнату и сказал: “Вот видите, что вы наделали вашими разговорами! До сих пор эшелон был в моих руках, теперь власть уходит из моих рук, казаки вас требуют к себе; потрудитесь идти к ним, причем теперь я ни за что не ручаюсь, так как вы сами их толкали на эксцессы”. Г-н “революционный член” побледнел, то же случилось и с начальником станции; последний начал немедленно разговор с Полтавой, объявив, что он сейчас бросает все, т.к. не желает отвечать за проделки “штаба” перед казаками. Между тем, казаки уже обступили злосчастливого представителя демократии, и в толпе уже слышались крики: “Да чего на него смотреть, хватай его в эшелон,

мы там поговорим с ним!” Не успел я опомниться, как представителя схватили, дали ему несколько затрещин и потащили в эшелон. На его счастье в это время прибежал начальник станции и не своим голосом закричал, что пропуск получен. Мой окрик казакам бросить пленного, благо результат уже достигнут, по счастью возымел действие, и последний, рассыпаясь в благодарностях, исчез “яко тать в нощи”.

Я мирно спал в поезде, когда утром, в пятом – шестом часу, меня разбудили и доложили, что путь перед Полтавой разобран, что дальше двигаться нельзя и что меня просит к аппарату “начальник революционного штаба”. Я выругался и пошел на телеграф. У аппарата оказался некто “господин Козюра”. Разговор был краток. Меня спросили, по чьему приказанию и куда я следую. Я ответил, что по приказанию командира корпуса, а куда – мое дело. Дальше последовали торги о том, какой у меня документ, и в результате – предложение переговорить лично. Я согласился. Было отдано приказание продвинуть мой эшелон вперед, на последнюю станцию перед Полтавой, что и было исполнено. Там я имел свидание с г-ном Козюрой. Я принял его в вагоне, как римский консул, окруженный свитой и ликторами (все это изображала 1-ая сотня линейцев, уже к тому времени бывшая всецело в моих руках). Руки я, конечно, не подал. Разговор был краткий. У меня спросили документы, по которым следую, и обещали пропустить по одному эшелону в сутки – и только потому, что были кубанцы; “донцов не пропускаем”, доложили мне. Я требовал пропуск в сутки всего авангарда (семь эшелонов) и поставил условием ждать до вечера. На этом мы разошлись. Было ясно, что и противнику, и мне надо было время для того, чтобы изготвиться: ему – для организации обороны, мне – чтобы сосредоточить свой авангард. Пока что я выставил вперед полевой караул и приказал вывести лошадей, которые не выходили из вагонов около недели. В первом часу дня возник опять разговор по телеграфу о каком-то депутате, которого арестовал следующий за мной эшелон. Меня просили его освободить. Я ответил, что сделаю это по выяснении обстоятельств его ареста, а пока что передам его в корпус.

Часы шли, наступил уже вечер. Скажу по совести – я колебался. Передо мной стояла задача атаковать сильно занятый город. Средства были минимальные. Максимум, что я сосредоточить для непосредственного удара, было: две сотни линейцев, пулеметная команда в 10 пулеметов, две батареи. Мне не хватало самого нуж-

ного – пеших бойцов. Мой эшелон давал 52 человека; 4-я сотня, бывшая в моем распоряжении, давала, также, не больше. Предстояла задача открытой силой, со ста человеками, взять вокзал, причем половину людей надо было оставить в прикрытие лошадей, пулеметов и артиллерии. Я уперся в тупик – было ясно, что задача мне не по силам. От поездов, прибывавших со стороны Полтавы, поступали сведения, что город приводится в оборонительное состояние; всюду, на полотно железной дороги наводятся пушки и пулеметы, и многотысячный гарнизон готов дать серьезный отпор. Я колебался, послал донесение Гилленшмидту¹, что задержан, что считаю необходимым спешиться, начать разведку и что, только с приходом главных сил корпуса, можно рискнуть атакой.

Часы шли, уже опустились сумерки, и вдруг, наступил психологический момент, перелом в ходе операции. Мне стало совершенно ясно, что никакой поддержки из тыла не может быть; что судьба дальнейшего продвижения корпуса всецело в моих руках и что только я могу решить задачу – идти ли 4-му казачьему корпусу на Дон или бесславно погибнуть – развалиться в колебании, что делать, перед Полтавой! Мысль была ясна. Я слишком долго дрался и слишком привык принимать решения на свой риск, чтобы колебаться. Я принял решение атаковать с тем, что было под руками, и сейчас же – точно мои мысли прояснились – мне стало ясно, что надо делать.

Я вызвал к себе на станцию командиров 1-го Линейного полка и 1-го Оренбургского дивизиона², и отдал соответствующие приказания. Было ясно, что только покров ночи может прикрыть нашу малочисленность, и на этом принципе была основана вся операция. Согласно директиве, пять эшелонов, бывших в моем распоряжении, назначались для атаки станции. Эшелоны должны были сосредоточиться: три на последней станции и два на предпоследней перед Полтавой. Ударная часть (1-я сотня линейцев, пулеметная команда и 1-я Оренбургская батарея) должны были идти друг за другом в ста саженьях. Остальные два эшелона (4-я сотня и 8-я Оренбургская батарея) следовали сзади и составляли резерв. Весь

¹ Я.Ф. фон Гилленшмидт был командующим IV казачьим корпусом.

² Рапорт об эвакуации 1-го Оренбургского казачьего артиллерийского дивизиона опубликован в: *Ганин А.В.* Накануне катастрофы. Оренбургское казачье войско в конце XIX – начале XX в. (1891–1917 гг.). М., 2008. С. 674–684.

удар возлагался на 1-ю полусотню первой сотни (26 штыков) под моей командой. План был прост: ворваться сразу тремя эшелонами на станцию, арестовать все начальство, атаковать паровозное депо, взять паровозы и следовать дальше. Для операции предназначалось 26 казаков – предприятие безумное, но я сам решил его выполнить и уже в это время настолько владел казаками 1-ой сотни, что ни [на] одну минуту не сомневался в успехе предприятия.

К 11 часам вечера мои три эшелона сосредоточились на головной станции. Начальник станции и все машинисты (к слову, они все очень хорошо к нам относились) долго уговаривали меня не идти вперед, пугая ужасами предстоящей бойни. Но я был тверд, благо решение было принято. В 11 1/2 часов я арестовал все станционное начальство, передал в Полтаву, что иду на станцию и двинулся вперед на удар. Я подходил к Полтаве с некоторым колебанием; меня пугали, что путь был минирован; на паровозе у меня был офицер и полевой караул.

Мы благополучно прошли два моста и подходили к семафору станции. Вдруг спереди – нечеловеческий крик: “Стой, стой, начальника эшелона вперед!” Я вышел и двинулся к паровозу. – “Кто требует”, – спросил я. Последовал ответ: “Казачий комиссар и делегация города Полтавы”. Было ясно, что раз делегация, то дело выиграно, и противник струсил. Но тут вышел инцидент, давший мне большой козырь при дальнейших переговорах. Не успел я поравняться с вагоном, в котором сидела 1-я полусотня, как последняя горохом выкатила оттуда, и со всех сторон около меня очутились мрачные фигуры в бурках, защелкали затворы и лязгнули штыки. Офицеры и казаки хватили меня за полусубок: “Не идите, г-н полковник”, слышались голоса, “да что тут рассуждать”, говорили другие, “идем за полковником, он наш, не выдавай его!”. Было ясно одно, что с этой полусотней уже можно было рисковать на все, что угодно; люди были у меня в руках. Казачий комиссар бросился вперед, умолял задержать наступление, обещал пропуск и просил лишь одно – сейчас же переговорить с депутацией, которая ждет у семафора. Я согласился и, окруженный казаками, не желавшими меня оставлять, пошел к семафорной будке.

В семафорной будке начались переговоры. Депутация прочла мне постановление местного гарнизона: выдать все оружие, и только при таких условиях соглашались пропускать. Еще требовали выпустить арестованного депутата. Я молча слушал протокол заседания “собачьих депутатов”, нервно колотя ногой об пол.

Кругом стояли мои казаки, мрачно слушая позорящие условия. Я начал говорить. Редко когда-либо я говорил так решительно и, пожалуй, красиво, как тогда. Я напомнил, что сложить оружие предлагают только побежденному, я же далеко не побежденный, а победитель, т.к. не я первый затеял мирные переговоры. Слова свои я закончил эффектной фразой, примерно так: “Мы три года недаром исходили Галицию. Мы своею кровью приобрели право носить оружие и только с нашей кровью вы его отнимете!”

Слова мои возымели страшное влияние на казаков. Последние схватились за шашки и кинжалы. Послышались крики: – “Что? Отдать оружие? Ни за что! Ведите нас вперед, господин полковник, мы им покажем” и т.д. Депутаты смутились и осели. Они нерешительно заявили, что если мы пойдем вперед, то нас встретят пушки и пулеметы. На это я ответил многообещающей фразой: – “Тем лучше, завтра мы заберем ваши пушки и пулеметы, и украсим ими, как трофеями, подъезд дворца атамана Кубанского войска в Екатеринодаре!”

Люди опять взялись за шашки и крикнули, кто “ура”, кто “правильно”, кто “вперед”. Депутаты были выбиты из колеи. Им стало ясно, что люди всецело в руках начальника и что анархии нет. После последовала просьба выпустить депутата, на что я согласился, мотивируя свое согласие тем, что настолько ничтожная личность для меня никакого интереса не представляет. На это мне заявили, что почва для соглашения найдена и что меня или какую-либо депутацию (желательно “комитет”) просят в Полтаву для совместного заседания с советом “собачьих” депутатов, для окончательного решения вопроса. Я отлично знаю, как эти совместные заседания влияют разлагающе на людей, поэтому я сразу обратился к собравшимся казакам с вопросом: – “Желаете ли, ребята, чтобы я защищал ваши интересы, или поручаете другому?” Искра пробежала среди людей; редко когда-либо так дружно гаркнули: “Просим”, как тогда. Очевидно, я был хозяином положения. Я назначил ехать с собой несколько офицеров и двух казаков, затем отстегнул шашку и револьвер, и сказал депутатам, что готов. Мы сели в вагон и поехали на вокзал, где заседал совет. Меня ввели в вагон-салон, занимаемый “советом” (он же “штаб”). Входя в вагон, я не удержался от фразы: “Вагончик-то у вас буржуйный, не похож на пролетарский!” Депутаты сконфузились и что-то пробормотали в ответ.

И вот, я очутился в обществе “собачьих депутатов”. В жизни не приходилось иметь дело с такой сволочью. Почти все “высокое

собрание” состояло из представителей “избранной нации”. Надо отдать справедливость, что редко физиономии моих оппонентов были так созданы, чтобы въехать туда от души кулаком. Очень был хорош председатель, “товарищ Каска”, личность в бобровой шубе и соболем воротнике. Я полагал иметь дело с инженером из типа железнодорожных хищников в либеральном стиле. Но “почтенный” председатель оказался солдатом – очевидно шуба была не куплена, а просто украдена у какого-нибудь “буржуя”. Со мной обращались вежливо. В то время, как моим офицерам и казакам говорили “товарищ”, меня называли “г-н полковник” или, правда изредка, “полковник”.

Дело началось с длинной и скучной полемики об аресте “собачьего депутата” в Кременчуге, затем перешли на форменный вопрос: кто мы, куда идем и не собираемся ли поддерживать Каледина (О, если бы эта сволочь узнала, что говорит с человеком, семь месяцев воевавшим с генералом и шедшим теперь специально его поддерживать – воображаю, что за лица были бы у них!). В конце концов дошли до цинизма предложить мне дать подписку, что мы не пойдем против “революционной демократии” и не будем поддерживать “контрреволюционных генералов”.

Время шло в праздном “словоблудии”; я извелся (благо хотелось спать) и поставил ультиматум – тут же категорически дать мне ответ: пропустят ли завтра мои семь эшелонов и, конечно, при всем вооружении, или нет; если нет, сказал я, то сейчас же приступлю к атаке, причем за пролитую кровь снимаю с себя всякую ответственность. После ультиматума последовали краткие прения. Девять или десять голосов оказались благоразумно за пропуск и лишь трое голосовали за разоружение. Я вышел победителем, и тотчас же было отдано распоряжение первым трем эшелонам идти в Полтаву, а я с г-ном Козюрой пошел на станцию условливаться о дальнейшем продвижении вперед. Но вот, все приказания отданы, на рассвете начинается продвижение всех семи эшелонов, друг за другом, как я требовал.

Я ходил по платформе, не хотелось спать; на ум лезло былое величие России, связанное со священным именем Петра и Полтавской победы. Вспоминались слова поэта: “Лишь ты воздвиг, герой Полтавы, огромный памятник себе!” Я был далек сравнивать себя, в только что происшедшей трагикомедии, с полтавским победителем, но небольшой скромный памятник я тоже воздвиг себе... и этот памятник был в сердцах людей!

С тех пор, когда в период длительных стоянок на станциях, пока чинили паровоз, я мрачно шагал вдоль эшелона, рассчитывая, что каждая минута дорога, чтобы помочь Каледину атаковать Ростов, – ни один казак не проходил мимо меня, не отдав чести. Когда пришлось ехать сутки в вагоне-теплушке, ввиду порчи классного вагона, и помещаться с людьми, последние мне доказали, насколько они уважают меня. При моем входе все вставали, умолкали разговоры, бросались папиросы и только с моего разрешения позволяли себе курить. Когда я дремал в углу на бурках, разговоры прекращались и говоривших обрывали словами: “Тише, полковник спит!” В Новочеркасске же, когда я объявил людям, что атаман войска Донского приказал им следовать домой к себе на Кубань и что я благодарю их за службу, – они схватили меня на руки и долго кричали ура. Жаль было, что опоздали ко взятию Ростова: с этими людьми можно было сделать все, что угодно!

Дальнейшее продвижение шло гладко. 2^{-го} декабря мы вступили в область, а 3^{-го}, в Атаманском дворце, я являлся Каледину с докладом, что авангард 4-го казачьего корпуса прибыл в его распоряжение.

Итак, я протащил на Дон не только вверенный мне авангард, но и непосредственно идущие за ним штабы дивизии и корпуса со всеми тыловыми учреждениями. Я прошел 1400 верст¹.

Дневниковая запись от 18 января 1918 г. касалась разложения донских казаков, полки которых самовольно расходились по домам, а фронт держали одни партизанские отряды. Рот делал вывод, что казачество провалилось на экзамене на патриотизм, оказавшись алчной массой, не способной на широкие задачи. В записи от 26 января офицер пророчески рассуждал о своей возможной гибели, поскольку борьба Дона подходила к концу, а казаки отказывались исполнять приказы. «Здесь у себя, они окончательно из воинов обратились в мелких собственников, в мелких торгашей. Вопрос о том, что если он не явится сейчас домой, то у него пропадут несколько грядок или сломают забор или сосед стащит десяток яблок или груш, – совершенно заслонил в нем вопрос того, что если он сейчас не возьмется за оружие для коллективной обороны привилегий казачества, то от этих привилегий останется лишь дым. Если социал-демократы доберутся до области и наведут

¹ *Рот Н.А.* Выдержки из дневника офицера Генерального штаба (апрель 1916 г. – январь 1918 г.). Тетрадь 2. Л. 24об.–33об.

здесь свои порядки, то казаки с 10–15 десятин будут ссажены на 2–3 десятины. И поделом; кто не защищает себя, неминуемо гибнет; он значит слаб. Сильным лишь принадлежит мир»¹.

Последняя запись в дневнике сделана 29 января 1918 г. и касалась краха обороны Дона и самоубийства атамана А.М. Каледина. Последнего автор дневника оценивал как крупную историческую величину, выдающегося кавалерийского генерала и единственного порядочного человека в донском руководстве. Офицер отмечал, что ему не жаль развала Дона, поскольку он уже ранее с болью принял развал России.

Дневник Н.А. Рота является интересным документом своей эпохи. Он не только расширяет представления о переломном периоде истории нашей страны, но и является по существу единственной памятью о забытом офицере русской армии, оказавшемся жертвой Гражданской войны, а также о его сослуживцах.

¹ Там же. Л. 35.

А.В. Посадский

О революционности и революционерах. Новая книга украинского историка

Внушительный юбилей революционных событий, а точнее – начало предстоящей череды юбилеев главных событий 1917–1922 гг. – провел мобилизацию научных сил на всем постсоветском пространстве. Интересная книга Виктора Анатольевича Савченко, собирающая целый ряд пред- и пореволюционных тематик воедино, вышла в начале текущего года на Украине¹.

Виктор Савченко хорошо знаком российскому читателю. Ведущие московские издательства «АСТ», «Эксмо», «РОССПЭН» на протяжении 2000 – 2010 годов выпустили ряд его научно-популярных книг, основанных на многолетней разработке архивов: «Авантюристы гражданской войны», «Атаманы казачьих войск», «Котовский», «Неофициальная Одесса эпохи нэпа (март 1921 – сентябрь 1929)» и др. В этих книгах поднимались проблемы гражданской войны и послевоенного лихолетья, крестьянского повстанчества, роли личности в «восстании масс» в 1917–1920 гг. В Украине В.А. Савченко знают как автора книг «Махно», «Симон Петлюра», «Останній гетьман. Павло Скоропадський», «Мишка Япончик и атаман Адский», «100 знаменитых революционера и анархиста», «Атаманщина», «Одесса в эпоху войн и революций. 1914–1920», «Проект «Україна». Вольная Одесса – Одесская республика – Юго-Западний край 1917–1919 гг.». Множество исторических статей, тезисов конференций и симпозиумов, касающихся событий гражданской войны выпустил автор в СССР, России и Украине.

Отметим, что Виктор Савченко – неизменный автор сборников в рамках исследовательского проекта «Народные вожаки 1918–1922 гг.», который ведет рецензент. Статья В.А. Савченко «Измена «бабки» Махно и «железная метла» Л.Д. Троцкого», которая по-

¹ Савченко В.А. Діяльність анархістських організацій в Україні у 1903–1929 рр: історичний аспект та політична практика. Київ, 2017.

явилась на страницах академического журнала «История СССР» в 1990 г.¹ стала новаторской и наделала много шума в профессиональной среде. В ней впервые Н. Махно показывался не как «бандит и кулацкий прихвостень», а как сознательный революционер-анархист, искушенный политик, стремившийся построить новое «вольное общество», защитить свою крестьянскую общность «вольного Гуляйпольского района» от вмешательства властей и поборов со стороны большевиков, белогвардейцев, Украинской державы – Украинской республики. В том же 1990 г. В.А. Савченко защитил кандидатскую диссертацию «Политика Советского государства в отношении анархистского движения на Украине в 1917 – 1921 гг.» первую подобную диссертацию, в которой по-новому рассматривалась анархистская тематика. В.А. Савченко имеет значительный опыт издательской и сценарной деятельности.

И вот новая – очевидно итоговая книга, в которой значительная часть материала связана с событиями гражданской войны на Украине и с повстанческим движением махновцев в 1918–1921 гг.

Автор справедливо подчеркивает, что Российская империя в 1917 г. стала «ареной ожесточенной борьбы масс за «землю и волю»», в которой «на радикальном левом фланге разворачивался анархистский движение, имевшее потенциал стать массовым движением. Ожидания глобальных изменений, быстрой революции, нарастание бунтарских настроений в среде нового поколения анархистов стали фоном развития структур анархистского движения в Украине».

Автор указывает, что во главе анархистских организаций после февраля 1917 г. стали участники революции 1905–1907 гг., вернувшиеся с каторги, из ссылок и эмиграции, люди одного поколения и одного «политического круга». Это были не столько политические лидеры, сколько организаторы, координаторы движения – авторитетные «профессиональные революционеры». Анархистская идеология, начиная с 1906 г., пустила свои корни в крестьянской среде Екатеринославской, Таврической, Полтавской, Херсонской, Киевской, Харьковской губерний. Координирующую роль в анархистском движении выполняли анархистские структуры: Конфедерация «Набат», «Ассоциация свободных анархистов», Федера-

¹ *Савченко В.А.* Измена «бабки» Махно и «железная метла». Л.Д. Троцкого // *История СССР.* 1990. № 2. С. 75–91.

ция «Хлеб и воля» и др. с помощью которых движение выдвигало стратегические цели, разрабатывали совместные акты «прямого действия».

В книге В. Савченко подчеркивается, что анархистское движение имело амбиции поднять целые классы на борьбу и строительство нового общества, считая анархистов-активистов только движущей силой общих изменений, что силу и массовость анархистскому движению придавали участники крестьянских анархистских «кружков», которые формально не были членами анархистских групп, но не только сочувствовали идеям анархизма, но и принимали участие в «прямых действиях» (в том числе в повстанческих отрядах и РПАУ (м)), организованных анархистами (число активных сторонников движения колебалось от 10 до 150 тысяч в Украине). Еще более весомую группу, которая так или иначе была частью анархистского движения (хотя не имела отношения к организованным анархистским группам), составляли «стихийные» анархисты. Количество таких «ситуативно-латентных» анархистов в Украине В.А. Савченко определил в 10 % от всего населения.

В Украине сложилась особая форма анархизма в Восточной Европе, так называемый «южный» анархизм, в тактике которого главную роль играло бунтарство, повстанческое движение. Главными задачами деятельности анархистов было привлечение широких масс к «прямым действиям», массовая работа с населением, информационное противостояние с представителями других политических сил, агитация и пропаганда.

Победа Февральской революции принесла анархистам широкие возможности легальной политической деятельности, вернув сотни анархистов из тюрем, ссылок, эмиграции, дала привлекательные лозунги социализации, прямой демократии, федерализации, войны, социальной справедливости, расширив сферу влияния анархистов на общественную жизнь. Анархисты заручились поддержкой части населения, участвуя в выборах в советы, в руководстве профсоюзов, фабрично-заводскими комитетами, крестьянскими выборными структурами. В конце 1917 – начале 1918 гг. анархистское движение достигло своего пика, у него появились шансы перехватить власть, перед движением открылись перспективы стать влиятельным и массовым.

Во времена большевистской революции анархисты невольно «подыграли» большевикам, войдя в состав «левого блока» с большевиками и левыми эсерами, которые взяли курс на свержение

Центральной Рады Украинской Народной Рреспублики. Идеологические разногласия определили временный, ситуативный характер «левого блока». С укреплением власти анархисты из союзников превратились в оппозицию правящей партии. Анархисты не смогли решить для себя круг важных идеологических вопросов, сделать необходимые политические выводы, основываясь на принципах «индивидуальной свободы», «беспартийности», они были не в состоянии выработать четкую стратегию движения. Под влиянием большевиков, которые смогли воспользоваться анархическим настроением населения, анархистское движение раскололось на «советских» анархистов, сотрудничавших с большевиками, анархистов, которые пытались провести глобальные преобразования «явочным» путем, не обращая внимания на требования властей («Набат», махновцы), «радикальных» анархистов (анархисты подполья), которые начали вооруженную борьбу против ленинского режима. В эти годы появляются новые направления: «советский» анархизм, анархизм-универсализм, анархизм «синтеза» и т.д.

Отказ от борьбы за власть, советы и профсоюзы, от привлечения союзников, не дали возможность анархистам провести глобальные изменения, к которым они стремились. Социализация была «похоронена» властью в 1918 г., власть смогла остановить движение самоорганизации и самоуправления. Лозунг «третьей революции» потерял актуальность, так как анархисты решили защищать революцию от «реакции» (немецко-австрийских войск, войск Антанты, белогвардейцев). В апреле 1918 г. анархисты в столицах были разоружены и рассеяны большевиками, а с Украины изгнаны австро-германскими войсками. Большевики с весны 1918 г. начали жесткую целенаправленную борьбу против анархистов, осознавая опасность роста популярности их идей в условиях социально-экономического кризиса.

В. Савченко указывает, что анархисты возглавили повстанческое движение в Украине в 1918–1919 гг. (Н. Махно, Г. Савонов, Ф. Щусь, С. Коцюр, Шуба, и др.), махновское повстанчество не было «бунтарской» стихией, а декларировалось как борьба за новое анархистское общество. Историю махновского движения автор начинает не с осени 1918 г., как большинство историков, а с лета 1917 г., когда местные анархисты провозгласили формирование «свободного района» и анархистского эксперимента в селе Гуляй-Поле Екатеринославской губернии. На пути реализации этой задачи встала не только противодействие диктаторских режимов

красных и белых, но и усталость населения от революционных и военных событий, отсутствие «интеллигентских» кадров. Постоянные военные действия толкали махновцев к «выбору без выбора» между диктаторскими режимами.

Большевистская власть смогла привлечь анархистов и махновцев к войне против Украинского государства – Украинской Народной республики, но весной 1919 г. анархисты и махновцы сами стали резко критиковать большевистскую диктатуру – «комиссародержавие», махновцы, пользуясь моментом, решили воплощать идею «вольных советов» «прямым действием», защищать автономию анархистского свободного района.

Махновское движение стало массовым, подчеркивает автор, в его активе около 70 тысяч штыков и сабель в отрядах под руководством Н. Махно и до 30 тысяч – в отрядах его «сателлитов», до 2 миллионов крестьян стали базой движения – кормили, снабжали конским составом, давали добровольцев, участвовали в создании махновского самоуправления на селе – «вольных советов», в создании квазигосударства махновцев «Южноукраинской трудовой федерации» (октябрь 1919 – январь 1920 гг., Екатеринославская губерния, Северная Таврия).

Н. Махно смог воспользоваться ошибками и преступлениями советской власти и в 1920 г. продолжить эксперимент строительства «свободного района». Союз махновцев и РККА (октябрь – ноябрь 1920 г.) был необходим анархистам и махновцам в целях активизации своего движения, восстановления анархистского эксперимента, но анархисты не смогли использовать возможности этого союза по причине его быстротечности. В конце 1920 г. большевистская диктатура окрепла и уже не останавливалась перед окончательной ликвидацией своих «левых» оппонентов.

Автор считает ошибочным утверждение части историков о том, что махновское движение, начиная с декабря 1920 г., не имело перспектив и надежд на победу, а вело «войну ради войны». В конце 1920 – весной 1921 гг. махновцы продолжали борьбу не под страхом репрессий или от безысходности, у них была надежда на переход значительной части РККА (в РПАУ(м) перешла бригада 1-й Конной армии, тысячи красноармейцев, значительным был эффект Кронштадтского восстания) на их сторону, на успех общего крестьянского восстания. Власть большевиков в начале 1920-х гг. держалась на терроре, забастовки и крестьянские восстания охватили страну, в это время еще сохранялись шансы на свержение

большевистского режима. Но Н. Махно распылл РПАУ(м), создавая повстанческие ячейки на севере и востоке Украины.

Махновское движение было ликвидировано не только военнокарательными действиями власти, но и в результате перехода к НЭПу и голода, который лишил повстанцев экономической базы. Анархисты пытались использовать народное недовольство, вызванное падением уровня жизни, возглавить протесты трудящихся. Поддержка анархистов со стороны международного профсоюзного движения заставляла власть призывать только к борьбе против «анархо-бандитизма», хотя под этим «маркой» власть пыталась уничтожить любую анархистскую структуру. Подпольный этап развития анархистского движения, начавшегося с декабря 1920 г., требовал от анархистов перехода на новые формы борьбы, но анархисты не смогли разработать тактику борьбы в новых условиях. Не оправдались и надежды на либерализацию режима после победы РККА на фронтах.

В 1920–1921 гг. анархисты возлагали надежды на крестьянский бунт и переход частей РККА на сторону «третьей революции». В 1920-х гг. произошел упадок и свертывание анархистских федераций и групп в простейшую зародышевую (начальную) форму – существование небольшой группы идейных единомышленников, которые поддерживали связь между собой.

Кризис в анархистском движении был связан с тем, что анархизм пользовался старыми идеологическими догмами, поставил себя вне политических союзов. Анархисты, критикуя НЭП, оказывались на стороне или троцкистов (до 1928 г.), или заранее поддерживали лозунги, к которым обратился Сталин в 1928 г. Анархисты не смогли вписаться в новое протестное крестьянское движение против коллективизации. Одной из причин кризиса стало несоответствие теории коммунистического хозяйствования и практики коллективизации. На упадок движения повлияли общие особенности общественных сломов – потери надежд на изменения и необходимость приспособиться к режиму, потеря надежды на воссоздание независимого рабочего движения, на самоуничтожение властной системы.

Автор рассматривает деятельность анархистов как часть революционного процесса, как силу, значительно повлиявшую на ход революционных событий. Махновское движение боролось за свой проект украинской независимости, построенный на анархистских идеалах, самоорганизации и федерализации, все попытки реали-

зовать этот проект приводили махновское движение к вооруженному противостоянию с большевистской властью. Махновское движение предлагается рассматривать как движение не «бунтарское» и «стихийное» и даже не чисто крестьянское, а как часть глобального международного анархистского либертарного движения за ликвидацию политического, социального и имущественного неравенства.

Нельзя не сказать, что тематика анархизма, его связи с массовыми повстанческими движениями в годы Гражданской войны разрабатывается и на материалах России. Назовем продуктивную деятельность омского историка А.А. Штырбула по изучению кузбасского анархизма, а также безгосударственной организации жизни в целом в разных странах в разные эпохи.

Монография В.А. Савченко станет весомым вкладом в изучение непростых и спорных событий революции, гражданской войны и первых послевоенных лет становления советского государства, в изучение социально-политических движений, которые уже несколько столетий будоражат ума и сердца во многих странах мира. Можно пожелать продолжения продуктивной традиции – чтобы новая книга В.А. Савченко вышла на русском и появилась на прилавках наших магазинов.

М.Н. Супрун

**Рецензия на книгу Т.И. Трошиной
“Интернированная Красная армия” в Германии
в 1920–1921 гг. (об одном полузабытом эпизоде
Гражданской войны): монография. Архангельск:
ИЦ САФУ, 2016¹**

Эпоха Революции и Гражданской войны наполнена интересными событиями, многие из которых до сих пор остаются неизвестными. Данное обстоятельство прежде всего связано с отсутствием или недоступностью источников. Сменяющиеся калейдоско-

¹ *Трошина Т.И.* “Интернированная Красная армия” в Германии в 1920–1921 гг. (об одном полузабытом эпизоде Гражданской войны): монография. Архангельск: ИЦ САФУ, 2016. – 208 с.

пически события не всегда документировались современниками; многие документы пропали или были уничтожены в результате боевых действий, неподготовленных отступлений, а иногда и осмысленно. Впрочем, и многие имеющиеся источники, особенно личного происхождения, которыми так богаты подобные эпохи, не всегда вызывают доверие в своей репрезентативности в силу несовершенства памяти, выраженной субъективности или недостаточной осведомленностью создателей.

Вместе с тем, малоизвестный эпизод Советско-польской войны, связанный с интернированием Красной армии на территории Германии, привлек внимание историков именно благодаря воспоминаниям, оставленным бывшими красноармейцами. Частично опубликованные «по следам событий» в 1920-е годы, большинство этих воспоминаний хранились в закрытых архивах, поскольку данное историческое событие долгое время не имело научной и общественной актуальности. И даже когда интерес к событиям Советско-польской войны вернулся, по вопросам политической ангажированности он в основном касался трагедии польского плена для тысяч советских солдат. В центре научной дискуссии оставался и остается вопрос о том, была ли война с т.н. «белополяками» эпизодом Гражданской войны или борьбой за независимость против вражеского вторжения. Автор рецензируемой книги, включившись в эту дискуссию, называет Советско-польскую войну некой ипостасью войны Гражданской.

Новая книга Т.И. Трошиной об одном из эпизодов Советско-польской войны является итогом многолетнего труда исследователя, промежуточные результаты которого были представлены в ряде статей и публикаций документов с научным комментарием. Свой научный поиск в новой работе автор дополнила наиболее информативными, с ее точки зрения, эго-документами, касающимися событий Советско-польской войны.

В основе книги лежат неопубликованные воспоминания, хранящиеся в Государственном архиве Архангельской области, Вологодском областном архиве новейшей политической истории и в частных коллекциях. Полученная из воспоминаний информация проанализирована автором с привлечением синхронных архивных источников, таких как армейские сводки, донесения политкомиссаров, деловая документация воинских частей, находящиеся на хранении в Российском Государственном военном архиве; документация лагерей интернированных красноармейцев, отчеты и

доклады сотрудников Бюро по делам русских военнопленных в Берлине о состоянии лагерей интернированных красноармейцев, хранящиеся в Государственном архиве РФ, равно как и значительных материалов периодических изданий 1920–1921 годов, таких как корреспонденция о лагерях интернированных красных войск в эмигрантской прессе и в советских газетах. Автором привлечены и опубликованные воспоминания военачальников, политических деятелей, рядовых участников событий, равно как политические документы из советских газет того времени, непосредственно относящиеся к событиям Советско-польской войны и периоду интернирования советских войск в Германии и Литве.

Сопоставление и синхронизация перечисленных источников позволили автору воссоздать в подробностях один из забытых эпизодов последнего этапа Гражданской войны, на основе чего и сделать вывод о Советско-польской войне, как составной части войны Гражданской. При этом автор исходит из того, что в ряды Красной армии были призваны вчерашние враги «красных» по гражданскому противостоянию. Оказавшись на территории Германии, руководство которой не отличалось особыми симпатиями к большевикам, прежнее деление на «своих» и «чужих» еще более поляризовалось. Недавние «товарищи по оружию» в условиях, не контролируемых комиссарами, вновь разделились на «красных» и «белых». Пребывание красноармейцев в лагерях для интернированных на территории Германии, представлено автором книги как отражение всего многообразия происходивших в Советской России процессов социально-экономического и социально-политического характера, как своего рода «перенесение» придавленных (в значительной степени силой, а также авторитетам «победителя») настроений гражданского противостояния на территорию «свободного мира».

Анализируя мемуаристику и официальные документы, автор, кроме прочего, выявила и ряд любопытных сведений об отступлении красноармейских частей и интернирование их на территории Восточной Пруссии в августе 1920 года. В книге представлена история дипломатических переговоров на разных уровнях о судьбе пленных красноармейцев; восстановлена в подробностях система внутреннего и внешнего управления лагерей интернированных. Автор попыталась реконструировать различные аспекты повседневной жизни обитателей лагерей, с точки зрения модели раннесоветского социального устройства – весьма интересный опыт военно-антропологического исследования.

Поскольку из использованных источников наибольшую ценность, по мнению автора, представляют воспоминания рядовых участников событий – красноармейцев, младших командиров и политруков, то наиболее яркие из них нашли место в книге в качестве приложений.

По ходу повествования Т.И. Трошина стремилась дать представление читателю об упоминающихся в тексте книги людях, воинских частях, о географических названиях, делая это в постраничных сносках. Однако, учитывая недостаточную известность описываемых событий, хотелось бы, чтобы книга была дополнена более полным хронологическим, именным и предметно-тематическим указателем. В работе явно недостает опоры на источники польского и немецкого происхождения. Остаются спорными и некоторые положения и статистические данные. Прежде всего, требует дополнительной аргументации и основной вывод автора о Советско-польской войне, как продолжении войны Гражданской.

Впрочем, данные замечания носят рекомендательный характер и не влияют на общее положительное впечатление от работы. Думается, новая книга профессора Т.И. Трошиной внесет заметный вклад в источниковедение и историографию истории 100-летней давности и, безусловно, найдет своего благодарного читателя.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Булгаков Алексей Олегович, учитель истории и обществознания МОУ «Лицей» г. Балашова. E-mail: shanghai@mail.ru

Ганин Андрей Вячеславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (г. Москва). E-mail: andrey_ganin@mail.ru

Голдин Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск). E-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Ипполитов Георгий Михайлович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории Российской академии наук (г. Самара). E-mail: gippolitov@rambler.ru; ippol1953@yandex.ru

Канищев Валерий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей и российской истории Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (г. Тамбов)

Канищев Владимир Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (г. Тамбов)

Наумов Евгений Олегович, научный сотрудник отдела современной истории Мордовского республиканского объединенного краеведческого музея (г. Саранск).

Посадский Антон Викторович, доктор исторических наук, профессор Поволжского института управления имени П.А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Саратов). E-mail: posad1968@rambler.ru

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, доцент Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург). E-mail: ap80@mail.ru; a.puchenkov@spbu.ru

Разинов Михаил Егорович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Воронежского государственного лесотехнического университета имени Г.Ф. Морозова (г. Воронеж). E-mail: razinkov_mihail@mail.ru

Смирнов Станислав Александрович, член Союза журналистов России (г. Нижний Новгород). E-mail: smir-np@yandex.ru

Федюк Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (г. Ярославль). E-mail: fediuk@mail.ru

Цветков Василий Жанович, доктор исторических наук, профессор Московского педагогического государственного университета (г. Москва). E-mail: tsvetcov@rambler.ru

Boylan Catherine, Phd., (London). E-mail: cboylan@yahoo.com

Научное издание

**АЛЬМАНАХ
АССОЦИАЦИИ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ**

Выпуск 3: От Великой российской революции 1917 года
к Гражданской войне в России

Печатается в авторской редакции
Оригинал-макет *С.В. Пантелеевой*
Дизайн обложки *О.М. Морозовой*

Подписано в печать 05.06.2017. Формат 60×84^{1/16}.
Усл. печ. л. 9,9. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–70). Заказ № 5282

Издательский дом им. В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56